

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 29-09-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 29-09-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор — Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Биюшкина Надежда Иосифовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории. государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул.

Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskayae@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejikh@mail.ru

Борисова Нина Александровна – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна – доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна – доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна – доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна – доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. маршала Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abduln Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

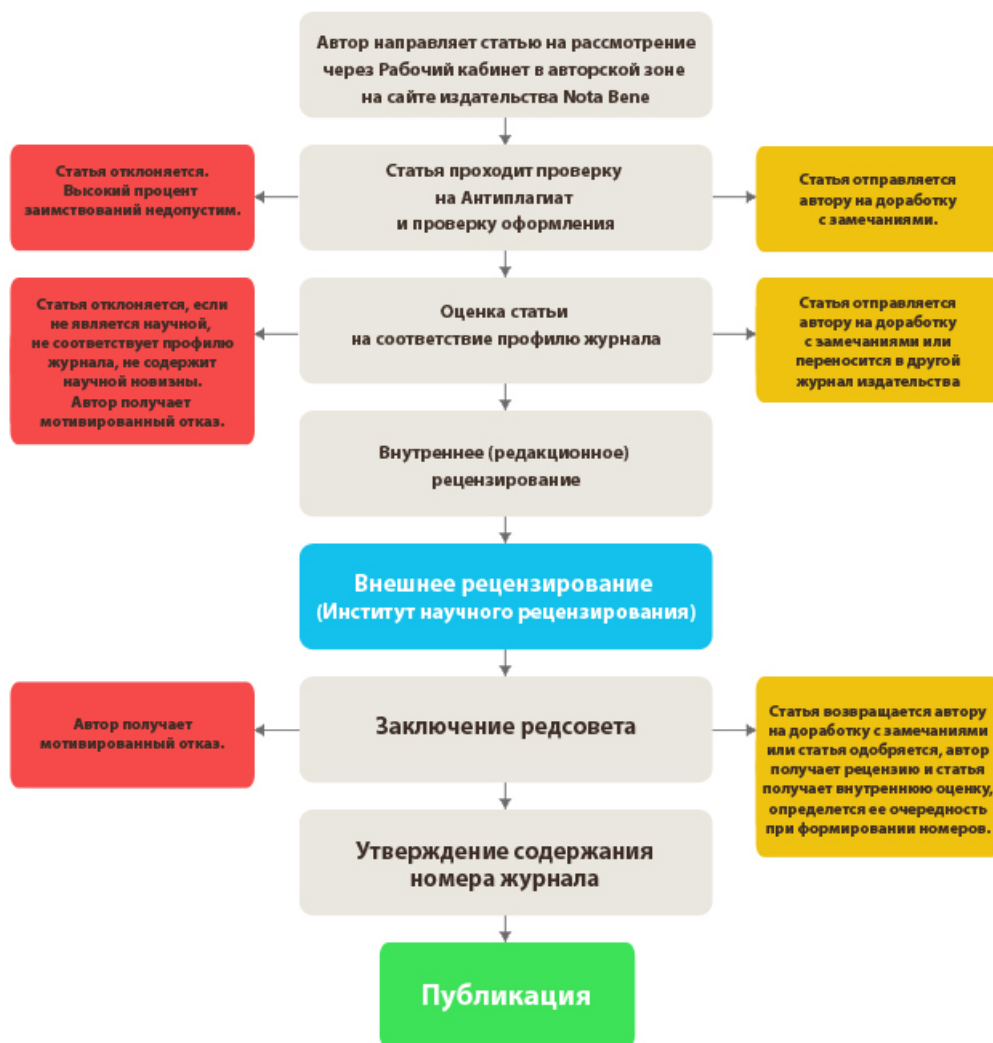

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Иванов П.А. Оценка внешней политики Ли Хунчжана с точки зрения современной политической системы КНР	1
Портнов А.А. Политика Эдуарда IV в свете английского парламентского законодательства	17
Костицын С.С. Опыт развития частных музеев в России в условиях государственно-частного партнерства в 1990-2020-е гг.	32
Тугужекова В.Н., Алехин Ф.В. Становления кинофикации Хакасии с 1930 по 1953 гг.	40
Никитюк В.А. Формирование сербской национальной идеи и ее реализации в политических программах XIX века	53
Мезенцев И.В., Чекрыгин О.В., Надеина Д.А. Проблемные аспекты этнорелигиозной принадлежности Иисуса из Назарета к еврейскому иудаизму в контексте «третьего поиска исторического Иисуса»	71
Шадрин А.В. Основные направления аграрного развития Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг.	87
Балдин А.К. Место и роль конституционных положений в формировании военной идеологии: исторический опыт Российского государства	96
Блейх Н.О. Исламский вопрос в конфессиональной политике Российской державы (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)	105
Кутищев А.В. Эволюция менталитета военных сословий в эпоху позднего феодализма	116
Кежутин А.Н. Транспортники Поволжья vs социальные болезни: опыт 1920-х гг.	127
Англоязычные метаданные	139

Contents

Ivanov P.A. Assessment of Li Hongzhang's foreign policy from the point of view of the modern political system of the People's Republic of China	1
Portnov A.A. The policy of Edward IV in the light of English parliamentary legislation	17
Kostitsyn S.S. The experience of the development of private museums in Russia in the context of public-private partnership in the 1990s- 2020s.	32
Tuguzhekova V.N., Alehin F.V. The formation of the cinematography of Khakassia from 1930 to 1953.	40
Nikityuk V.A. The formation of the Serbian national idea and its implementation in the political programs of the XIX century	53
Mezentsev I.V., Chekrygin O.V., Nadeina D.A. Problematic aspects of the ethno-religious affiliation of Jesus of Nazareth to Jewish Judaism in the context of the "Third Search for the Historical Jesus"	71
Shadrin A.V. The Main Directions of Agricultural Development of Khakassia in the 1920s – early 1940s.	87
Baldin A.K. The place and role of constitutional provisions in the formation of military ideology: the historical experience of Russia.	96
Bleikh N.O. The Islamic Question in the Confessional Policy of the Russian State (the Second Half of the 18th – the First Half of the 19th Centuries)	105
Kutishchev A.V. The evolution of the mentality of the military estates in the era of late feudalism	116
Kezhutin A.N. Transport workers of the Volga region vs social diseases: the experience of the 1920s.	127
Metadata in english	139

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Иванов П.А. Оценка внешней политики Ли Хунчжана с точки зрения современной политической системы КНР // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.71579 EDN: SLESOL
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71579

Оценка внешней политики Ли Хунчжана с точки зрения современной политической системы КНР

Иванов Павел Александрович

ORCID: 0000-0003-0247-7606

преподаватель; кафедра всеобщей истории, философии и культурологии; Благовещенский
Государственный Педагогический Университет

675004, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104

✉ ip_27.95@bk.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.71579

EDN:

SLESOL

Дата направления статьи в редакцию:

26-08-2024

Дата публикации:

04-09-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу внешнеполитической стратегии Ли Хунчжана – одного из крупнейших китайских дипломатов и политических деятелей Китая конца XIX в. Рассматривается деятельность влиятельного сановника Цинской империи на предмет установления статуса государства на международной арене. Критика в сторону Ли Хунчжана обусловлена его уступками иностранным державам, поэтому его политику считают несоответствующей национальным интересам страны. Несмотря на это его действия можно расценивать как проявление реалистичного подхода к международным отношениям, которые во многом предвосхитили прагматическую внешнюю политику государств Запада. Автор анализирует процесс трансформации роли Китая в международных отношениях, ее переход от отсталой и полуколониальной страны до ведущей державы в регионе и мире. Особое внимание в тексте уделено характеристике

внешнеполитического курса страны с конца XX в. до наших дней. В статье осуществляется попытка переосмысления дипломатической работы Ли Хунчжана через призму современных международных отношений и внешнеполитической стратегии КНР. Проводится анализ политических взглядов и ключевых моментов его карьеры, включая оценку роли деятеля в заключении неравноправных договоров, которые имели долгосрочные последствия для Китая. В заключительной части статьи дается сравнительная характеристика двух внешнеполитических курсов, а также описывается влияние новой политической элиты КНР на изменившуюся роль страны сегодня. Проводимое сравнение между традиционными методами дипломатии Ли Хунчжана и стратегиями, которые применяются современной политической элитой КНР, включает следующие критерии: защита национальных интересов, использование «мягкой силы», стратегическое партнерство и многосторонний подход в международных отношениях. Особое внимание уделяется анализу наследия в отражающихся инициативах Китая, таких как «Один пояс – один путь» (в том числе «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века»). Таким образом, автором статьи подчеркивается значимость изучения исторического контекста и роли личности в нем для рассмотрения стратегий и курсов внешнеполитических отношений страны в будущем.

Ключевые слова:

Ли Хунчжан, Китай, КНР, КПК, Цин, Империализм, Внешняя политика, Модернизация, Неравные договоры, Международные отношения

Характерной чертой политической системы Китая до 1970-х гг. являлась ее изоляция и замкнутость. В дальнейшем, благодаря стремлению властей к проявлению открытости во взаимодействии с внешними партнерами, страна смогла достичь высокого уровня развития, на котором находится сегодня. Подобная тенденция прослеживалась и до момента образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Но со второй половины XIX в. некогда отстающее от тенденций мирового развития государство с опаской решилось начать сотрудничать с ведущими странами Запада. Однако взаимодействие характеризовалось односторонними уступками правительства, что приводило к недовольствам и пересмотру вектора развития международных отношений в будущем.

Период второй половины XIX в. ознаменовался для династии Цин временем значительного давления со стороны зарубежных «партнеров», что вынуждало трансформировать планы внешнеполитической стратегии. Усиление иностранного вмешательства, охарактеризованное в том числе рядом военных столкновений, привело к потере Китаем статуса и суверенитета в глазах более сильных держав.

Определяющую роль в установлении направления внешней политики сыграли опиумные войны. Приведшие к военному столкновению 1839-1842 гг. разногласия по вопросам международной торговли, зародившиеся между Китаем и Британской империей, привели к стремлению европейцев продавать опиум мирному населению. Первая опиумная война представилась как результат принятия решения китайского правительства запретить подобные действия Ост-Индской компании по уравниванию торгового дефицита подобным образом. Результат навязывания борьбы стал неутешительным: условия Нанкинского договора, подписанного в 1842 г., ознаменовали победу Британской империи, открыв для нее 5 портов, включая Кантон, Шанхай и Гуанчжоу. Также под суверенитет Британии перешел Гонконг. В Китае Нанкинское соглашение рассматривалось как первое из неравноправных соглашений, которое Цинская держава

вынуждена была заключить с заграничными державами [\[1, с. 132\]](#).

Результаты второй опиумной войны продолжали данную тенденцию. Конфликт с Британской империей и Францией подвел черту под статусом Китая. Вторая опиумная война (1856-1860) привела к ещё большему ужесточению контроля Запада над китайской экономикой. Условия Тяньцзиньского договора усилили внешний контроль над Китаем, способствуя развитию иностранной коммерческой деятельности на территории страны без ограничений. По условиям Пекинского трактата цинское правительство было вынуждено открыть порты для иностранных торговцев, а Тяньцзинь стал местом иностранной торговли.

Основная суть подписанных конвенций состояла в следующем: «Китайское правительство обязывается выплатить контрибуцию в размере 8 миллионов лян, китайцы могут быть использованы в качестве рабочей силы западными державами, Великобритания получает южную часть Цзюлунского полуострова. Также в 1860 г. был заключен Пекинский договор с Россией, который устанавливал границы между империями» [\[2, с. 56\]](#). В результате условия, принятые китайской стороной, привели к тому, что страна стала полностью открытой для иностранного проникновения.

Всего за период с 1842-1860 гг. Китаем было подписано 7 договоров, включая документы, устанавливающие условия международной торговли и статуса страны во взаимоотношениях с Францией, Россией и США. В дальнейшем ослабление внешней политики закреплялось внутренней нестабильностью внутри Китая.

В ответ на «внешние вызовы» внутриполитический курс страны ознаменовался попытками модернизации и реформ. Программа «самоусиления», запущенная политическими лидерами, в том числе и Ли Хунчжаном, была направлена на модернизацию отечественного производства и внешней торговли. Однако позднее промедление и «мягкость» в совокупности с преобладающими личными интересами при решении государственных задач были неспособны противостоять внешнему давлению.

Устанавливая цель исследования, необходимо отметить, следующее: политическая система КНР на современном этапе характеризуется уникальным сочетанием собственной идеологической базы с элементами рыночной экономики. В совокупности это выражается присутствием прагматичного подхода в установлении роли и механизмов ведения внешней политики. Таким образом, отмечается интерес к исследованию активности КНР с последней четверти XX в. до сегодняшнего дня. Подобный вектор развития для Китая не является новым. Учитывая характер и цель внешнего сотрудничества страны в разные эпохи, некоторые элементы схожей стратегии можно обнаружить при изучении внешней политики Цинской династии с конца XIX в.

Исходя из вышесказанного, наиболее актуальным явлением, с точки зрения анализа и сравнения, будет внешняя политика Китая конца XIX в, основополагающую роль в которой, как и на современном этапе, играют конкретные личности. В данном случае исследование внешнеполитических составляющих развития имперского Китая напрямую связано с изучением одной из важнейших фигур на мировой арене тех лет – Ли Хунчжана. Анализ политической роли и влияния объекта исследования с точки зрения современных китайских политических реалий представляет собой интересное и актуальное исследование, что позволит не только глубже понять исторические корни современной китайской дипломатии, но и выявить преемственность и изменения в стратегическом мышлении китайских лидеров последней четверти XX – начала XXI вв.

Следовательно, исторический анализ внешней политики Китая второй половины XIX в. через изучение конкретного политического деятеля позволяет поставить целью статьи внесение вклада в понимание эволюционных процессов китайской дипломатии на современном этапе ее развития.

На сегодняшний день интерес к личности Ли Хунчжана как важнейшего государственного сановника продолжает расти. На данном этапе делается сбалансированный подход к оценке его роли с учетом исторических нюансов.

Изучение усилий политика, выступавшего в качестве официального представителя империи, позволяет рассмотреть становление особого статуса страны в системе отношений с ведущими странами Запада. Сравнение подходов и методов ведения внешней политики позволяет выявить приоритеты их реализации с политикой Ли и элитой последних поколений руководителей КПК.

Обобщение полученных и исследуемых данных позволяет сформулировать выводы о значимости вклада одной из знаковых фигур в истории Китая для современной государственной системы, что отражается в выстраивании диалога с государствами Запада и получении особого статуса в своем регионе. Анализ деятельности Ли в контексте его исторического вклада может быть переосмыслен для понимания, установления и решения политических задач современной КНР.

Один из ведущих государственных деятелей поздней империи Цин, Ли Хунчжан, играл ключевую роль в формировании внешней политики Китая конца XIX века. Его действия и решения оказали значительное влияние на выстраивание международного статуса империи. Анализ основных аспектов его внешнеполитической деятельности противопоставляется современной политической системе КНР конца XX – начала XXI вв.

Ли Хунчжан родился в 1823 г. и вырос в традиционной чиновничьей семье. Классическую бюрократическую карьеру он начал в Пекине в 1844 г. В 1847 г. будущий политик вошел в высшие слои государственной бюрократии и спустя два года стал членом и преподавателем старейшей Академии Ханьлинь. Стремительный рост карьеры не являлся случайным стечением обстоятельств: власть была заинтересована в управленческих кадрах на столь большую территорию и численность населения [\[3, с. 23\]](#).

Начавшееся восстание тайпинов ставит точку в карьере преподавателя и начинает новую главу карьеры молодого сановника. В этом ему помогает прикладное образование, в которое входили различные сферы деятельности (в том числе и военная).

Основные вехи карьеры цинского сановника приходятся на период 1852-1901 гг. Участие Ли во внешнеполитической программе Китая связано с несением дипломатической миссии в качестве официального представителя страны на международной арене. Его стратегия заключалась в том, чтобы минимизировать иностранное вмешательство и по возможности защитить китайские интересы.

В 1852 г. глава военного министерства Цзэн Гофань становится командующим новообразованной Хунаньской (Сянской) армией. С 1858 г. главная сила в борьбе с мятежниками связывает судьбу Ли с Цзэнем, делая его новым учеником командующего. После подготовки к будущей деятельности он принял участие в контрреволюционных операциях.

Ли Хунчжан быстро заработал репутацию перспективного военачальника и увеличил

степень доверия со стороны Цзэня. Это позволило ему в 1859 г. получить пост даотая провинции Фунцзянь и дало возможность основать собственную военную группировку – Аньхойскую (Хуайскую) армию.

Помимо побед на фронтах главнокомандующими двух армий проводилась успешная модернизация собственной промышленной базы. Данные шаги свидетельствует о стремлении провести политику протекционизма и справиться с потрясениями собственными силами. Так, с начала 1860-х гг., на нужды армий стали поступать пушки и снаряды с артиллерийских арсеналов, был основан крупный арсенал в Сучжоу. Помимо создания собственной базы, Ли успешно национализировал крупнейшие иностранные механические заводы в Шанхае [\[12, с. 88\]](#).

Успехи нового командующего не остались незамеченными. За заслуги перед двором и взятие столицы «Тайпин Тяngo» он был награжден титулом графа и сохранил руководство Хуайской армией, а также стал управленцем провинций Хубэй и Хунань. Однако окончательная концентрация власти в руках сановника произошла после 1870 г. во время трагических событий в Тяньцзине. Будучи наместником Чжили (к этому времени столичной провинции) он контролировал внешнюю торговлю всего Северного Китая и Маньчжурии, продолжая управлять комплектом арсеналов и заводов в Цзянсу и арсеналом в Тяньцзине. Укрепляя власть Ли, к Хуайской армии был добавлен недавно приобретенный Бэянский флот.

В итоге, круг влияния сановника стал несравненно шире, чем его официальные полномочия. Все приобретенные привилегии позволили ему получить необходимые рычаги управления, стать представителем цинской династии на международной арене и решать внешнеполитические вопросы страны [\[3, с. 25\]](#).

Восстания тайпинов (1850-1864), няньцзюней (1852-1868) и антиевропейское восстание ихэтуаней (1899-1901), как одни из наиболее крупнейших восстаний в истории страны, были направлены на подавление центральной власти, создание собственного автономного государства, борьбу против западного империализма и стали шагом к потере контроля центрального правительства над провинциями.

Из опыта двух «опиумных войн», в ходе которых проходили военные действия против английских и французских войск, а также совместные действия стран Запада и Китая против восставших, правящие круги цинской империи вынесли твердое убеждение в превосходстве военной техники партнеров над отсталым вооружением маньчжуро-китайских войск. Они пришли к выводу, что в условиях происходившей в стране гражданской войны союз с Англией, Францией и США благоприятствует их основной задаче – подавлению восставшего народа [\[4, с. 18\]](#).

Одним из последствий второй «опиумной войны» было усиление в цинском правительстве сторонников усвоения «варварских» или «заморских» дел. Ради достижения этой цели они готовы были пойти на некоторое изменение традиционной политики глухой изоляции Китая от внешнего мира на установление дипломатических отношений с иностранными государствами, а также внести известные коррективы в систему государственно-административного управления империей, вызванные необходимостью поддержания контактов с представителями иностранных держав и контроля над иностранной торговлей [\[4, с. 20\]](#).

Позднее, в период восстания ихэтуаней и интервенции, Ли Хунчжан вел переговоры с представителями государств-участников военного похода. В крупнейшем новостном

источнике Российской империи «Восточное обозрение» отмечается, что политик оказался в сложном положении и был «готов принять все благоразумные условия», но ему хотелось «наконец-то знать, чего собственно державы желают» [\[5\]](#).

Один из первых актов, подписанных лично Ли Хунчжаном, был заключен с Англией в рамках неравноправной Чифуской конвенции 1876 г. Договор гарантировал безопасность европейцам и отрывал им 4 новых порта. Спустя год дипломат подписал Янтайский договор, согласно которому Китай лишился большей части государственного суверенитета. Англия получала право на въезд в провинцию Юньнань для осуществления надзора и ведения юньнаньско-бирманской торговли, британцы могли отправиться в Ганьсу, Цинхай и Сычуань. Также им открывался путь в торговые порты – Ичан, Уху, Вэйчжоу и Бэйхай. Иностранные товары внутри концессии освобождались от уплаты внутренних таможенных пошлин, ввозимые иностранные товары – от уплаты внутреннего налога [\[6, с. 22\]](#).

Дальнейший империализм привел к активному разделению Цинской империи на сферы влияния и потере влияния правительства над своими территориями. Первая китайско-японская война 1894-1895 гг., также определившая новые векторы развития региональной политики и международных отношений, подтвердила политический и экономический упадок империи. В присутствии императора Ли Хунчжан получил полномочия на территориальные уступки, что стало итогом полной безысходности. В тот же день Ли подал доклад с примерами из истории вынужденных территориальных уступок, совершенных другими странами для урегулирования кризиса [\[7\]](#).

Признавая по условиям договора независимость Кореи и отказываясь от претензий на Тайвань и Пескадорские острова, цинское правительство поставило государство под угрозу революционных изменений, которые произошли в начале следующего века, и позволило Японии укрепить статус ведущей региональной державы. Данный договор был вторым унижительным для Китая договором после «Нанкинского» [\[8, с. 63\]](#).

В результате не прекращавшейся внешней агрессии и попустительства китайский народ оказался в стране с полукOLONиальным, полуфеодальным обществом, а правительство превратилось в «правительство на службе иностранцев», перестало быть носителем независимой и суверенной государственной власти, утратило свои позиции в стране [\[9, с. 218-219\]](#).

Японо-китайская война 1894-1895 гг. оказала огромное влияние на отношения Китая не только с Японией, но и другими странами Дальнего Востока и державами Запада, в первую очередь с Россией и Великобританией. Немаловажную роль здесь сыграло так называемое тройственное вмешательство России, Германии и Франции. Эти государства официально выразили свое несогласие требованиям японской стороны, выдвинутым при подписании с Китаем Симоносекского мирного договора [\[10, с. 57\]](#).

Союзный договор 1896 г. о постройке КВЖД с Российской империей предусматривал создание военного союза двух государств, который должен был вступить в силу в случае нападения Японии на Россию, Китай или Корею. Однако цинское представительство вновь уступило. Во время военных действий все порты Китая были в случае необходимости открыты для русских военных судов. Основной задачей русско-китайского оборонительного союза было предотвращение нового вторжения Японии на континент [\[11, с. 50-51\]](#).

Немаловажно продолжающееся участие Ли Хунчжана в процессе модернизации китайской армии, флота и промышленности. Укрепление оборонительного потенциала страны, по мнению чиновника, способствовало укреплению международных взаимоотношений. Это было обусловлено стремлением реформировать экономическую систему, адаптируя западные технологии и методы управления.

В период с 1860-х до конца 1890-х гг. на основе феодальной экономики был создан ряд предприятий, экономическая деятельность которых была похожа на капиталистический способ производства. Результатом этой экономической деятельности стало учреждение около 20 современных предприятий военной промышленности. Ли Хунчжан организовал главное управление Цзяннаньским арсеналом на базе Шанхайского арсенала [\[12, с. 85\]](#).

Так же сановник признавал необходимость укрепления Китая. Он инициировал и поддерживал ряд реформ, направленных на усовершенствование военной инфраструктуры и промышленности. Современный Китай, который ставит акцент на инновации и технологическое развитие, может видеть в его усилиях примеры раннего стремления к самоусовершенствованию и модернизации.

Указанные формы совместных предприятий стали использоваться на втором этапе «движения за усвоение заморских дел», когда создались экономические условия для капиталовложений в гражданские предприятия как со стороны бюрократии, так и со стороны частного капитала. Инициаторы движения осознали, что могущество западных держав заключается не только в современных кораблях и вооружении, но и в экономике, и выдвинули лозунг «стремления к богатству» в дополнение к «самоусилению» [\[12, с. 87\]](#).

Наиболее крупными предприятиями стали «Китайская коммерческая пароходная компания», созданная Ли Хунчжаном в 1872 г., «Управление кайпинскими угледобывающими копиями» (1878 г.), «Шанхайское управление текстильной промышленностью» (1880 г.) и Тяньцзиньское телеграфное управление. Предприятия использовались в интересах правительства и бюрократии, но тут же сдерживали агрессию иностранного капитала в Китае и даже постепенно возвращали захваченные им права. Так, пароходная компания вытеснила зарубежных перевозчиков как на внутренних, так и на внешних водных путях, а Кайпинское управление снизило объем ввоза угля из-за границы. Ли Хунчжан также позаботился об уменьшении внутренних пошлин на перевозки китайских товаров [\[13, с. 262\]](#).

Однако в оценке результатов работ предприятий военной промышленности есть и негативные стороны. Эти предприятия «...были основаны и управлялись бюрократией, машины и технические специалисты полностью обеспечивались зарубежными государствами». Подготовка собственных специалистов внимания не уделялась; бюрократия, ответственная за управление, ничего не понимала в военной промышленности и заботилась только о своих корыстных интересах [\[14, с. 27\]](#).

Одним из последних актов, подписанных цинским послом, стал "Заключительный протокол" 1901 г. Участвовавшие в подавлении боксерского восстания государства не смогли договориться между собой, что было на руку Ли Хунчжану. Выплаты, растянувшиеся по условиям договора до 1939 г., получили не все государства. Один из крупнейших государственных деятелей цинского Китая скончался спустя два месяца после данного события, не успев подписать с Российской империей соглашение о Манчжурии.

Характер внешней политики Ли Хунчжана в контексте дальнейшей политической доктрины Китая мог быть многоаспектной, учитывая его историческую роль и влияние на формирование государственности. Не смотря на противоречивые результаты, Ли, будучи одним из ведущих реформаторов и дипломатов того времени, оставил значительный след в истории страны. Некоторые результаты его политики могут быть оценены с точки зрения дальнейшего курса на более поздних этапах. Современная интерпретация принятия противоречивых решений, приведших к уступкам, может фокусироваться на сложностях, с которыми Ли столкнулся, пытаясь защитить интересы Китая в условиях международного давления.

По мере усиления своего влияния, Ли сталкивался с внутренним недовольством и критикой, что актуально для любого государства, включая КНР, где управление общественным мнением и поддержание стабильности являются ключевыми задачами. Современный Китай рассматривает его как сложную и противоречивую фигуру, чьи усилия по модернизации и управлению международными отношениями имеют как положительные, так и отрицательные стороны.

Опыт цинского дипломата, в независимости от методов и результатов, мог быть использован для анализа стратегий ведения переговоров и защиты национальных интересов. Серьезные вызовы и угрозы в отношениях с крупнейшими иностранными державами и региональными соседями находят параллели с вызовами КНР на более поздних этапах.

Несмотря на критику, правительство Китайской Народной Республики могло оценивать дипломатические усилия политика как попытку минимизировать внешнее влияние в условиях ограниченных возможностей. Это отразило усилия действующего аппарата власти по укреплению суверенитета и защите национальных интересов на международной арене.

К концу XIX в. Цинская империя находилась под значительным давлением, что привело к серии неравноправных договоров и потере территорий. В этот период она была слаба и раздроблена, ее внешняя политика была направлена на «выживание» в условиях агрессивной колониальной экспансии. Имперская власть пыталась сохранить контроль над своими территориями и суверенитетом, но часто безуспешно. Войны с государствами Запада и Японией подчеркивали технологическое и военное отставание Китая.

Начиная со второй половины XIX в. и вплоть до начала XX в. внешняя политика Китая претерпела значительные изменения. Они не только отражают внутренние политические сдвиги в самой стране, но и в мировой политической и экономической системе.

Начиная с последней трети XX в. новое правительство значительно укрепило свои позиции на международной арене. Китай начал активную интеграцию в мировую экономику особенно после реформ Дэн Сяопина в 1978 г. Дэн Сяопин продвигал концепцию открытости Китая миру, его активной интеграции в глобализирующемся мире. Изменился и подход к деятельности Ли Хунчжана. Так, с начала 1980-х гг. историческая фигура Ли стала рассматриваться более сбалансированно: прагматизм был присущ советующим национальным интересам.

Оба китайских политика были сторонниками модернизации. Но идеи Дэна были направлены на экономическое развитие через внешнюю открытость для потенциальных партнеров. Теория получила название «социализм с китайской спецификой». Она предполагала сохранение социалистического строя в стране при постепенной переориентации на капиталистическую экономику. Экономический рост,

индустриализация и глобализация стали ключевыми факторами китайской внешней политики [\[15, с. 71\]](#).

Также КНР активизировал политику «мягкой силы», развивая культурные и образовательные связи через программы взаимодействия, выстраивая благоприятный облик в глазах новых партнеров. Военная мощь и технологическое развитие страны значительно усилились [\[16, с. 31-32\]](#).

С периода пришествия следующего поколения руководителей КНР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.), в стране осуществлялась политика открытости, характеризующаяся стабильностью внутренней политики, и направленная на демократизацию и выстраивание собственного правового поля. Стратегия «трех шагов», провозглашенная КПК и направленная на укрепление внутренней стабильности путем осуществления полной модернизации, позволила КНР добиться стабильности и во внешней политике [\[17\]](#).

С постепенным развитием политики открытости внешнему миру Китай преодолел финансовые, технологические, кадровые и управленческие ограничения. Однако не обошлось без уступок. В условиях воссоединения был разработан принцип «одна страна – две системы», что подразумевало существование двух зон по сферам экономического развития. На материковой части существовала социалистическая система, на территории Гонконга, Макао и Тайваня – капиталистическая [\[18\]](#).

Подобное «сглаживание углов» указывало на открытость и компромиссность в решении вопросов внешней политики, готовность правительства идти на диалог. Как итог, степень взаимодействия с другими государствами усилилась. Это дало возможность осуществлять успешную внешнюю политику и выстраивать диалог с крупнейшими акторами. Дальнейшие налаживания отношений с США, Японией, Россией и другими крупными партнерами позволяют поднять региональный и глобальный статус Китая, ставя целью не только укрепление национальной безопасности, но и принятие решений в урегулировании вопросов мировой политики.

Реформирование систем механизмов взаимодействия правительства КНР на данном этапе стимулировало развитие дипломатии в отношении заинтересованных стран.

Политика следующих руководителей КНР проходила под эгидой потрясений и изменений во взаимоотношениях со странами Европы и США. Оказавшись под влиянием международных санкций, явившихся результатом реакций властей на события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, Китай столкнулся с очередным витком международной изоляции. В связи с этим, стремление к укреплению международных связей со стороны действующего правительства оставалось прежним, однако в существующих условиях приоритетным направлением стало развитие отношений с государствами своего региона.

Дипломатические отношения, установленные в период 1990-1992 гг., с государствами своей периферии, отстаивали приоритеты в глобальном взаимодействии, основанные на взаимопомощи и мирном сосуществовании, что поддерживается центральным аппаратом власти и в будущем. Укрепление дружественных связей с соседними странами-партнерами позволяли поднимать уровень обмена и сотрудничества [\[19\]](#).

К концу столетия ключевой особенностью внешней политики стало стремление к усилению связей и солидарности с развивающимися странами, установление принципа справедливости, совместного регулирования миропорядка и плодотворного развития [\[20\]](#).

Внешняя политика ставила цель создания «мирной и стабильной международной обстановки, что было необходимо для модернизации страны и развития социализма с учетом китайских особенностей» [\[21\]](#).

КПК предприняло шаги по созданию и укреплению международных и региональных многосторонних структур, что стало ярким свидетельством активизации ее внешнеполитической стратегии на рубеже веков. Одним из заметных примеров является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая была основана в 2001 году. Эта организация включает в себя страны Центральной Азии, Россию и Китай, и ее целью является укрепление безопасности и сотрудничества в регионе.

Ещё одним примером многостороннего объединения, инициированного с участием Китая, является группа БРИКС, которая была официально создана в 2009 году. Помимо инициатора, в её состав входят Бразилия, Россия, Индия и Южно-Африканская Республика. Группа БРИКС сосредоточена на вопросах мировой экономики и развития, а также на укреплении связей между крупнейшими развивающимися экономиками мира.

В этом контексте правительство страны активизировало проведение дружественной и миролюбивой внешней политики, особенно в отношении своих соседей. В то же время, Китай не упускает возможности защищать свои национальные интересы, что видно на примере его активной роли в региональных и глобальных инициативах [\[22, с. 48-49\]](#).

Важным элементом реализации этой концепции является продвижение инициативы «Один пояс – один путь». Масштабная экономическая и инфраструктурная программа направлена на создание новых торговых коридоров и инфраструктурных сетей, соединяющих Китай с другими частями Азии, Европы и Африки. Программа предполагает не только экономическое, но и политическое сотрудничество, укрепление позиции Китая в этих регионах. Инициатива представляет сотрудничество через проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» [\[23\]](#).

Другим примером является активное участие в многосторонних форматах, таких как Шанхайская организация сотрудничества и АСЕАН, в которых правительство страны выступает за укрепление региональной безопасности и экономической интеграции [\[24, с. 15-16\]](#).

Данные действия подчеркивают стремление к созданию благоприятной международной обстановки, которая способствует национальному возрождению Китая. Таким образом, концепция «сообщество единой судьбы человечества» стала ключевым элементом внешней политики. Растущие глобальные амбиции подтверждаются созданием нового типа государства, направленного на продвижение глобального развития экономики, науки, техники, социальной сферы и безопасности [\[25, с. 23\]](#).

Подводя итог, необходимо выделить следующее. Конец XIX в. для Китая был периодом значительных испытаний. В это время страна столкнулась с серьезными внешними угрозами и внутренними потрясениями. Внешняя политика была слабо организованной, и страна часто не могла адекватно защищать свои интересы на международной арене. После поражений в опиумных войнах и других конфликтах правительство страны во главе с Ли Хунжаном было вынуждено подписать ряд невыгодных договоров, которые были несоизмеримы, предоставив экстерриториальные права и контроль над ее частью, что значительно ограничивало суверенитет. Внутренние конфликты и слабость центральной власти осложняли проведение единообразной и эффективной внешней

политики.

С одной стороны, усилия Ли Хунчжана внесли позитивный вклад в развитие страны. Его попытки модернизации армии и экономики видятся как предвестники более поздних усилий Китая по модернизации и индустриализации. С другой стороны, его дипломатическая стратегия и результаты переговоров часто критикуются за то, что они привели к ухудшению международного положения. В то же время, его неудачи в дипломатии и управлении международными конфликтами используются как напоминание о важности сильной и независимой внешней политики.

К концу XX в. Китай значительно изменил свою внешнюю политику, поддерживая мировые тенденции, став одним из крупнейших экспортеров и привлекая огромные объемы иностранных инвестиций. Инициатива «Один пояс – один путь» является ярким примером стремления государства укрепить свое экономическое влияние.

Значительно усилившаяся дипломатическая активность позволила стать важным участником многочисленных международных организаций и форумов. Параллельно с этим, КНР значительно наращивает свои военные возможности, что позволяет ему эффективнее защищать свои национальные интересы.

Переход от пассивной и ограниченной внешней политики к активной и многоаспектной стратегии отражает глубокие изменения в самой стране. Ранее часто выступающий объектом международной политики современный Китай стал ее активным субъектом, способным формировать глобальный порядок согласно своим интересам.

Это сравнение показывает, как изменения во внутренней политике и экономике могут радикально реформировать внешнеполитическую стратегию государства. В данном случае превращение из отсталого, колонизированного государства в мировую державу является одним из наиболее заметных примеров в новейшей истории.

Внешняя политика Китая претерпела значительные изменения с конца XIX до начала XXI вв., отражая глубокие трансформации в политическом, экономическом и социальном устройстве страны. Эти изменения не только переопределили роль Китая на мировой арене, но и значительно повлияли на глобальные процессы.

Библиография

1. Саввин Е. Н. Взаимоотношения Великобритании и Китая в период первой опиумной войны // 10 корпус. 2018. № 4. С. 130-134.
2. Зварцев И. А. Вторая опиумная война. Тяньцзиньский договор // Вестник науки. 2022. Т. 4, № 8(53). С. 54-59.
3. Иванов П. А. Ли Хунчжан и его роль в подавлении крестьянских восстаний второй половины XIX в. / П. А. Иванов // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского: сборник докладов. Выпуск 24 / отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Издательство БГПУ, 2024. - С. 22-27.
4. Гальперин М. С. Бюрократия и политика «самоусиления» в Китае (1862-1894) / М. С. Гальперин // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. Т. 2, № 3. С. 16-23.
5. Восточное обозрение. 1901, № 150 (8 июля). Санкт-Петербург; Иркутск, 1882-1906.
6. Арапова Е. В. Деятельность китайского дипломата Ли Хунчжана / Е. В. Арапова // Сфера знаний: вопросы продуктивного взаимодействия теории и практики : сборник научных трудов. Казань : ООО «СитИвент», 2018. С. 15-26.
7. Табохаси Киеси. Дипломатическая история Японо-китайской войны 1894–1895 гг. /

Табохаси Киеси. Москва : Издательство иностранной литературы, 1956. 608 с.

8. Зварцев И. А. Противостояние Китая с державами после «Опиумных войн». Новые конфликты // Вестник науки. 2022. Т. 4, № 8(53). С. 60-65.

9. Ермаченко И. С. Особенности модернизации в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2004. № 2. С. 214-223.

10. Ковальчук М. К. Вмешательство трех европейских держав России, Франции, Германии в условия Симоносекского договора 1895 г.: причины и последствия // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2008. № 15. С. 49-61.

11. Филонов А. М. Дорога геополитических конфликтов // Культура и наука Дальнего Востока. 2022. № 1(32). С. 49-58.

12. Каретина Г. С. Начальный этап модернизации Китая: оценки китайских историков // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 81-90.

13. Чжунго тунши цзяочэн. Цзиньдай цзюань. Курс истории Китая. Том новой истории. Третье издание / под ред. Ци Тао, Го Дасуна, Дай Аньгана. Изд-во Шаньдунского ун-та. 2005. С. 361-363.

14. Ши Фулян. Чжунго сяндай чжэнчи ши (Современная политическая история Китая). Лянью туши гунсы, 1932. С. 1-35.

15. Тараканова Т. С. Внешнеполитические концепции Китайской Народной республики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3(250). С. 68-73.

16. Портяков В. Я. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009-2011 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 27-42.

17. Чжан Нань. XIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая // Новости Коммунистической партии Китая, 2022. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2022/0805/c443712-32495151.html> (дата обращения: 16.04.2024).

18. Official Publication: Sino-British Joint Declaration on the Question of Hong Kong // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review, 1984. URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1071&context=ilr> (дата обращения: 22.04.2024).

19. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК // Китайский информационный Интернетцентр, 2002. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm> (дата обращения: 18.04.2024).

20. Вместе создадим новый век мира и процветания – выступление Председателя Цзян Цзэминя в Немецком обществе внешней политики // Министерство иностранных дел КНР], 2002. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/1209_679096/200204/t20020410_9334848.shtml (дата обращения: 21.04.2024).

21. Мануйлова С. Н. Особенности современной политики Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР): дис. ... канд. ист. наук. – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2023. 264 с.

22. Краснова В. Д. Современная внешняя политика КНР в контексте традиционных и глобальных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 4. С. 45-54.

23. Выступление Си Цзиньпина на общеполитических дебатах в рамках 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (полный текст) // Агентство «Синьхуа», 2015. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (дата обращения: 16.04.2024).

14.03.2024).

24. Грачиков Е. Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. №1. С. 7-24.

25. Буяров Д. В. Современный Китай на пути перемен (социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны в последней четверти XX-начале XXI вв.) / Д. В. Буяров ; Благовещенский государственный педагогический университет. Москва : «Русайнс», 2019. 160 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В настоящее время многочисленные аналитики – социологи, политологи, философы, экономисты – все чаще отмечают происходящую на наших глазах динамичную трансформацию монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в котором наряду с уставшим североамериканским колоссом ведущие позиции будет занимать целый ряд акторов, среди которых Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Примечательно, что именно КНР сегодня становится на наших глазах первой экономикой мира, в связи с чем все более влиятельным становится и внешнеполитический курс Пекина. В этой связи вызывает интерес проследить внешнеполитические стратегии Поднебесной в разные периоды истории, для которой, к слову, в течение столетий характерна политика изоляционизма.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является современная оценка внешней политики Ли Хунчжана. Автор ставит своими задачами рассмотреть опыт дипломатической деятельности Ли Хунчжана, а также определить его значение для анализа стратегий ведения переговоров и защиты национальных интересов.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать внешнюю политику Ли Хунчжана с точки зрения современной политической системы КНР.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем на материалы периодической печати и опубликованные документы. Из используемых исследований отметим труды М.С. Гальперина, И.А. Зварцева, Е.Н. Саввина, Е.В. Араповой, в центре внимания которых находятся различные аспекты внешнеполитической истории Китая. Привлекает автор также материалы на китайском и английском языках. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как внешней политикой Китая, в целом, так и ее эволюцией, в частности.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что действия Ли Хунчжана оказали значительное влияние на выстраивание международного статуса Китая. Автор отмечает, что Ли Хунчжан «инициировал и поддерживал ряд реформ, направленных на усовершенствование военной инфраструктуры и промышленности», при этом «современный Китай, который ставит акцент на инновации и технологическое развитие, может видеть в его усилиях примеры раннего стремления к самоусовершенствованию и модернизации». В работе показано, что неудачи в дипломатии и управлении международными конфликтами китайского политика сегодня «используются как напоминание о важности сильной и независимой внешней политики».

Главным выводом статьи является то, что «ранее часто выступающий объектом международной политики современный Китай стал ее активным субъектом, способным формировать глобальный порядок согласно своим интересам».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий геополитики.

В то же время к статье есть замечания:

1) Необходимо вычитать текст, устранив пунктуационные ошибки, отдельные несогласованности и т.д. (так, у автора значится: «современная политическая система КНР на современном этапе характеризуется уникальным сочетанием собственной идеологической базы и элементы рыночной экономики»). Автор также вопреки принятым нормам пишет запад со строчной буквы: «Изучение его усилий качестве официального представителя страны позволяет рассмотреть становление особого статуса в системе отношений с ведущими странами запада».

2) Читателям было бы интересно узнать биографию Ли Хунчжана.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Оценка внешней политики Ли Хунчжана с точки зрения современной политической системы КНР»

Предмет исследования – оценка внешней политики Ли Хунчжана с точки зрения современной политической системы КНР.

Методология исследования. Автор не касается в статье методологии исследования и не раскрывает этот вопрос. Но из контекста изложения текста можно определить, что в статье использовались методы научности и историзма. В работе использованы также специальные исторические методы (историко-типологический, историко-сравнительный, историко-генетический и др.).

Актуальность статьи автором хорошо раскрыта. Он отмечает, что в современный период «политическая система КНР характеризуется уникальным сочетанием собственной идеологической базы с элементами рыночной экономики» А это связано с тем, что КНР во внешней политике опирается на прагматический подход с учетом собственных интересов. Такой подход Китаю был присущ и в конце XIX в. Потому актуальным «с

точки зрения анализа современной политики и сравнений, будет внешняя политика Китая конца XIX в, основополагающую роль в которой, как и на современном этапе, играют конкретные личности». В конце XIX в. видной фигурой в сфере международных отношений Китая Ли Хунчжан. « Анализ политической роли и влияния объекта исследования с точки зрения современных китайских политических реалий представляет собой интересное и актуальное исследование, что позволит не только глубже понять исторические корни современной китайской дипломатии, но и выявить преемственность и изменения в стратегическом мышлении китайских лидеров последней четверти XX – начала XXI вв.».

Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна статьи определяется также тем, что в статье проведен глубокий и всесторонний анализ» внешней политики Китая второй половины XIX в. через изучение конкретного политического деятеля и это позволяет показать эволюционные процессы «китайской дипломатии на современном этапе».

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык ясный и точный. Есть некоторые элементы описательности, что для такой статьи оправданно и целесообразно и данный стиль помогает понять содержание статьи не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Структура статьи в целом направлена на достижение цели и задач статьи. Автор рецензируемой статьи отмечает, что в современный период интерес к личности Ли Хунчжана, как одного из государственных чиновников конца XIX в. растет и это связано с тем, что «изучение усилий политика, выступавшего в качестве официального представителя империи, позволяет рассмотреть становление особого статуса страны в системе отношений с ведущими странами Запада. Сравнение подходов и методов ведения внешней политики позволяет выявить приоритеты их реализации с политикой Ли и элитой последних поколений руководителей КПК». Автор особое подчеркивает, что «обобщение полученных и исследуемых данных» о деятельности Ли Хунчжана позволяет сформулировать выводы о значимости его вклада как одной из знаковых фигур в истории Китая для современной государственной системы, что отражается в выстраивании диалога с государствами Запада и получении особого статуса в своем регионе» , а анализ деятельности Ли в контексте его исторического вклада может быть переосмыслен для понимания, установления и решения политических задач современной КНР. Далее в статье дана биография Ли, его происхождение и далее показана его деятельность как преподавателя, военачальников, государственного деятеля. Следует отметить, что структура работы логично выстроена и она дает возможность понять все стороны деятельности Ли Хунчжана в сложных условиях внешних и внутренних вызовов для Китая в конце XIX в. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. В заключении статьи проведены аналогии с политикой Дэн Сяопина. Автор отмечает, что «оба китайских политика были сторонниками модернизации. Но идеи Дэна были направлены на экономическое развитие через внешнюю открытость для потенциальных партнеров. Теория получила название «социализм с китайской спецификой»».

В заключении автор статьи приходит к выводу о том, что попытки Ли Хунчжана "модернизации армии и экономики видятся как предвестники более поздних усилий Китая по модернизации и индустриализации», а его « неудачи в дипломатии и управлении международными конфликтами используются как напоминание о важности сильной и независимой внешней политики». Автор статьи подчеркивает, что «Внешняя политика Китая претерпела значительные изменения с конца XIX до начала XXI вв., отражая глубокие трансформации в политическом, экономическом и социальном устройстве страны. Эти изменения не только переопределили роль Китая на мировой арене, но и значительно повлияли на глобальные процессы».

Библиография составляет 25 источников на русском и английском языках, эти работы посвящены исследуемой теме и смежным темам и в полной мере отвечают цели статьи и ее задачам. Их грамотное использование дало возможность подготовить интересную и актуальную статью.

Апелляция к оппонентам представлена в полученных автором данных и проведенном автором анализе в ходе работы над статьей. Апелляция к оппонентам представлена также в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему, имеет признаки научной новизны и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей, всем тем, кому интересна история Китая в целом и вопросы китайской внешней политики в прошлом и в настоящее время.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Портнов А.А. Политика Эдуарда IV в свете английского парламентского законодательства // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.71634 EDN: ZHAEJH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71634

Политика Эдуарда IV в свете английского парламентского законодательства

Портнов Александр Александрович

аспирант, Исторический факультет, Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова

153040, Россия, Ивановская область, г. Иваново, пр-т Строителей, 31а

✉ 12Alex06@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.71634

EDN:

ZHAEJH

Дата направления статьи в редакцию:

29-08-2024

Дата публикации:

05-09-2024

Аннотация: Предметом исследования служит политика первого английского короля из династии Йорков Эдуарда IV – в первую очередь экономическая. Ставится проблема ее характера в связи с дискуссией о точном определении времени перехода Англии от феодализма к капитализму и от сословно-представительной монархии к абсолютной. Особое внимание уделяется целям и мероприятиям администрации Эдуарда IV в организации экономической жизни королевства, влиянии внешней политики на принятие ключевых решений во внутренней сфере, а также результатах предпринятых во второй половине XV века мероприятий по преодолению последствий Войн Роз (1455–1585). Исследование основывается на материалах английского парламентского законодательства, как на наиболее беспристрастном источнике знаний о политике королевской власти. Исследование основывается на принципах историзма и научной

объективности и строится в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. При анализе исторических источников применяются аналитический, сравнительно-исторический и диалектический методы. Основные выводы данного исследования заключаются в том, что экономическое положение Англии в 1460-е гг. не было критичным, однако в условиях поражения в Столетней войны и династического конфликта правительство Эдуарда IV решило проводить экономические реформы, направленные на поднятие уровня благосостояния английских производителей, торговцев и самого короля. Экономическая политика Эдуарда IV носила протекционистский характер и была обусловлена в т. ч. и внешнеполитическим фактором. Все это, вкупе с его социальными преобразованиями, уменьшением роли парламента и возрастанием полномочий короля, нашедшим продолжение в абсолютизме Тюдоров, характеризует его как монарха переходного периода от Средневековья к Новому времени, в экономике, в частности, выразившегося в переходе от феодализма к капитализму.

Ключевые слова:

История, Англия, Средние века, XV век, Войны Роз, Феодализм, Капитализм, Эдуард IV, Йорки, Ланкастеры

Введение

XIV – XV вв. стали временем зарождения капиталистических отношений в Европе. Рост товарного производства, появление ранних форм капиталистической мануфактуры, расширение международной торговли обозначили переходный период от Средневековья к Новому времени. Время правления Эдуарда IV в Англии совпало с этим переходным периодом, что нашло отражение в его парламентском законодательстве.

В целом, как ни странно, законченную концепцию истории английской экономики в интересующий нас период выдвинули не английские, а отечественные медиевисты. Первым советским исследователем, посвятившим себя изучению Войн роз был Е.В. Кузнецов. Проанализировав деятельность парламента при Эдуарде IV и Ричарде III (т.е. с 1461 по 1485 гг.), он пришел к выводу, что *«из 69 [законов], принятых семью парламентами, 39 были посвящены различным вопросам промышленного производства и торговли. Большинство законов (26) вводились впервые. Лишь 12 [законов] Йорков воспроизводили целиком или с изменениями, не имевшими принципиального значения, парламентские акты их предшественников...»*^[5, 190].

При этом он достаточно точно и без лишней идеализации оценил всю противоречивость экономической политики Йорков, которые с одной стороны способствовали генезису капитализма, а с другой в силу традиции цеплялись за старые формы организации экономики^[5, 200]. В целом Е.В. Кузнецов приходит к выводу, что именно при Эдуарде IV Англия стала из феодальной монархии превращаться в абсолютистскую. Эдуард правил уже как абсолютный монарх, союз с ремесленными кругами, торговцами и мануфактуристами позволил ему справиться с баронской оппозицией, а парламентское законодательство 1461-1485 гг. стало основой для экономической политики Тюдоров^[5, 200].

В.В. Штокмар так же, давая оценку Эдуарда IV, отмечает, что в отличие от его предшественников Ланкастеров, опиравшихся на дворянство, которое

исследовательница связывает с феодальной реакцией, этот король делал ставку на купечество и городские слои [\[7, 68-69\]](#). При Эдуарде небывалый расцвет переживала английская торговля, во многом благодаря личному участию в ней короля и его близким отношениям с лондонскими купцами, предоставлявшими ему займы на очень выгодных условиях – под 6% годовых, вместо 30% при Генрихе VI [\[7, 68\]](#).

В более поздней работе В.В. Штокмар признает за ним конкретные шаги по укреплению королевской власти и английской экономики: *«Во внутреннем управлении английский король стремился прежде всего к тому, чтобы как можно реже созывать парламент, и старался обходиться одинарными доходами, пополненными в результате конфискаций и французской пенсии»* [\[10, 119\]](#).

Гораздо более жесткую и нелицеприятную оценку Эдуарду IV дала Е.В. Гутнова, которая считала, что XV век стал временем концентрации власти в руках магнатов [\[3, 71\]](#). Эдуарда IV исследовательница прямо называет ставленником таких магнатских клик. Тем не менее, при всей критике, Е.В. Гутнова признает за Эдуардом право называться первым абсолютным монархом Англии. Характеристики его экономической политики во многом схожи с позицией В.В. Штокмар, с той лишь разницей, что Е.В. Гутнова признает, что существенный протекционистский крен в экономике в Англии произошел уже при Ланкастерах, а Йорки сыграли во многом негативную роль, совместив протекционизм с реакционной манориальной политикой [\[3, 74\]](#).

Некоторый вклад в изучение Англии XV в. внесли ученики Е.В. Кузнецова, например В.И. Золотов, который, анализируя роль «джентельменов» (т.е. «среднего слоя» - незнатных землевладельцев, купцов, чиновников и т.д.) в Англии XV в., дает следующую оценку королевскому совету Эдуарда IV [\[4, 194-195\]](#). Это все свидетельствует, по мнению автора, об изменении характера королевской власти в XV в.

Из работ последнего времени следует выделить труды Е.Д. Браун, как биографического, так и специально-исторического характера. В своем анализе личности и правления Эдуарда IV она приходит к выводу, что *«потенциал королевской власти в правление Эдуарда IV и Ричарда III существенно возрос. Так, если в царствование Генриха VI про подписанную королем бумагу говорили, что "каждый может получить ее за нобль", то документы, адресованные кому-либо из дворян и подписанные королями из династии Йорков, как правило, влекли за собой исполнение приказа»* [\[2, 122-123\]](#). Кроме того, в восприятии джентри уже в 1460-х гг. Эдуард IV был монархом несомненно более авторитарным, чем предшествовавшие ему короли из династии Ланкастеров [\[2, 110\]](#).

Интересной нам представляется статья не историков, а юристов Т.Г. Минеевой и В. Б. Романовской «Великая Хартия Вольностей и законодательство английского парламента позднего Средневековья», в которой авторы, анализируя статуты английского парламента, приходят к выводу, что с 20-х гг. XV в. короли все реже обращаются к положениям Великой хартии вольностей, касающихся защиты прав личности, а с 1429 г. полностью прекращается традиция, согласно которой каждое постановление парламента открывалось подтверждением, что положения хартии остаются в силе [\[6, 190\]](#). Это напрямую связано, по их мнению, с «победой абсолютизма».

Ученица Е.В. Кузнецова – Т.Б. Сорокина – в статье о роли северных графств в Войнах роз, отмечает, что при Йорках, особенно при Ричарде III, в правящую элиту вошло множество выходцев с севера, что противоречит известному тезису, о его поддержке

Ланкастеров [\[8, 126\]](#).

Таковы вкратце основные вехи, которые прошла медиевистика в деле изучения экономической политики Эдуарда IV. При вполне неплохой изученности, особенно советскими историками, экономической истории средневековой Англии, мы тем не менее нуждаемся в ее более глубокой проработке.

Источниковедческий обзор

В изучении экономической политики Эдуарда IV мы решили опереться на данные парламентских статутов, т.е. официальных законов Английского королевства. На это есть целый ряд причин – прежде всего, официальный документ лишен оценочных суждений и преследует цели как-то отобразить реальное положение дел в искаженном свете. Т. о., он дает нам объективные основания для дальнейших выводов. Кроме того, статуты в своей преамбуле зачастую содержат описание того экономического и политического положения, в котором находилась Англия в 60-70е гг. XV в., что позволяет нам судить о причинах и предпосылках тех или иных мероприятий, предпринятых королевским правительством. Наконец, статуты прямо содержат в себе т. с. «декларацию о намерениях», иными словами – экономический курс, программу мероприятий, которую ставил перед собой Эдуард IV. Т. е. мы можем создать для себя исчерпывающую картину экономической политики короля.

Но при всем при этом, приходится сказать и о недостатках, осложняющих нашу работу. Прежде всего, описывая исходное положение дел и конкретную программу преобразований, статуты в силу объективных причин молчат о результатах ее претворения в жизнь. Единственное, на основании чего можно судить о последствиях экономической политики Эдуарда IV, это данные более поздних по времени парламентских актов, которые дают определенное представление об изменениях в стране. Помимо этого, проблематичным представляется оценка того, соблюдались ли все новые постановления парламента, или же саботировались – ответ на этот вопрос можно получить, лишь привлекая источники другого рода.

Всего за годы правления Эдуарда IV (1461-1470 гг. и 1471-1483 гг.) парламент созывался 6 раз, при этом было принято 9 статутов – 2-й, 3-й и 4-й парламенты успевали за время своей деятельности принять по два статута, остальные же по одному. Вопросы, которые они затрагивали, могли быть самые разные – от конфискации владений и титулов лидеров враждебной партии ланкастриан до вопросов использования различных пород деревьев при изготовлении стрел.

Нас будет интересовать прежде всего парламент 1462-1465 гг. и принятые им два статута – 1463 и 1464 гг. Оба они практически полностью посвящены вопросам экономики и потому позволят нам оценить мероприятия политики Эдуарда IV в этой области.

Следует отметить, что языком делопроизводства в ту пору был французский – до 1485 г. ни один официальный парламентский документ не составлялся на английском, а до 1460 г. иногда статуты издавались и на латыни. Фактически, до XIX в. английским историкам, обращавшимся к вопросу эволюции средневекового парламента, приходилось учить чужой, к тому же сильно отличный от современного французского, язык. Кроме того, не существовало какого-то единого издания парламентских статутов, т. к. они зачастую входили в состав иных документов разной направленности и не были систематизированы.

Только 19 июля 1800 г. была учреждена первая Комиссия по записи под

председательством Чарльза Эббота, которая должна была собрать все английское законодательство, вплоть до 1714 г., а так же законодательство Шотландии до 1707 г. Всего за 37 лет создавалось 6 комиссий, но все они традиционно именуются общим собирательным термином – Record Comission. Комиссия работала крайне медленно, что не раз становилось темой парламентских слушаний, на которых ее обвиняли в бездеятельности и коррупции – только в 1837 г. ее работа была завершена.

Одним из итогов деятельности комиссии стало издание под редакцией Джона Рейтби в 1810-1825 гг. «The Statutes of the Realm» - полного собрания статутов английского парламента за XIII – XVIII вв. в 9 томах, а так же отдельных томов с их алфавитным и хронологическим перечнем. При этом был проделан колоссальный труд по переводу статутов с французского и латыни на английский язык.

Интересующему нас периоду посвящен второй том «The Statutes of the Realm», охватывающий время правления Ричарда II, Генриха IV, Генриха V, Генриха VI, Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха VII (1377 – 1509 гг.). Увы, его перевода на русский язык нам обнаружить не удалось. В связи с этим мы взяли на себя работу по самостоятельному переводу статутов Эдуарда IV – в качестве примечаний ко всем цитатам из них приведены оригиналы на английском языке.

Следует иметь ввиду, что английский язык первой четверти XIX в. отличается от привычного нам, так же как современный русский язык имеет значительные различия с языком Пушкина. К примеру, слово «импичмент» (impeachment) тогда обозначало не юридическую процедуру по отрешению от должности руководства, а просто помеху для чего-либо. В этом значении оно употребляется и в тексте статутов. Это создает определенные трудности и неточности в переводе данного источника.

Статуты задают жесткие хронологические рамки нашему исследованию: 29 апреля 1463 г. (принятие второго статута) – 21 января 1464 г. (принятие третьего статута). Однако реально мы охватим гораздо более широкий исторический период – началом фактически станет 4 марта 1461 г., т.е. дата прихода к власти Эдуарда IV, а конечная – 1467 г., т. е. принятие четвертого статута. Некоторые же сюжеты, которые будут нами освещены, конечной датой буду иметь 1477-78 гг.

Текстильная промышленность

4 марта 1461 г. герцог Йорк во главе армии вошел в Лондон и провозгласил себя королем Эдуардом IV. 28 июня, когда сторонники свергнутой династии Ланкастеров были в основном разбиты, прошел обряд коронации. С этого времени начинается отчет 21-летнего правления Эдуарда IV, лишь однажды прерванного на полгода попытавшимися взять реванш ланкастрианами.

Парламент последний раз созывался 7 октября 1460 г. и по некоторым данным не роспускался до самого свержения Генриха VI. Уже 23 мая 1461 г. Эдуард IV объявляет о созыве нового парламента, который был бы уже лоялен Йоркам [\[9, 223\]](#). Уже 6 мая 1462 г. парламент был распущен, лишь для того, чтобы 22 декабря было принято решение созвать новый.

Второй парламент Эдуарда IV во многих отношениях стал знаковым. Прежде всего, он работал почти два года – первое заседание прошло 29 апреля 1463 г., а последнее – 28 марта 1465 г. За это время им было издано сразу два статута, целиком посвященных вопросам экономики. После роспуска этого парламента новый не созывался еще два года. Таким образом, парламент 1463-1465 гг. сыграл определяющую роль для всей

последующей экономической политики Эдуарда IV.

Следует сделать оговорку, что роль самого Эдуарда IV как в работе парламента, так и в целом в управлении страной в ту пору была, по-видимому, минимальной. Он стал королем в 18 лет, причем никем и никогда к этой роли он не готовился. В памяти современников и потомков он остался скорее, как храбрый воин, чем как толковый политик, да и общество женщин он предпочитал государственным делам. По-видимому, применительно к периоду 1461-1464 гг., мы можем смело говорить о фактическом правлении Ричарда Невилла, графа Уорика, прозванного «Делателем королей», который пользовался огромным влиянием на своего двоюродного брата-короля. С сентября 1464 г. король начал постепенно отстранять Уорика от управления, делая при этом ставку на родственников своей супруги Елизаветы Вудвилл, что в конце концов привело к мятежу Уорика в июле 1469 г. Однако, как минимум до 1466-1467 гг. тот оставался самым могущественным лордом королевства и продолжал оказывать решающее воздействие на политику Англии.

Исходя из этого можно сделать предположение, что инициатором протекционистского курса в экономической политике при Эдуарде IV был именно Уорик. Теперь, когда предварительные замечания сделаны, можно перейти к рассмотрению конкретных мероприятий первого Йорка на троне Англии.

Уже во втором абзаце содержится вполне исчерпывающая констатация того, что составляло узел всей английской экономики в середине XV века:

«...Главный и принципиальный предмет потребления Королевства Англии состоит в производимой в указанном королевстве шерсти...»[\[1, 392\]](#).

Очевидно, что 6 лет гражданской войны не могли не сказаться на производстве шерсти. Собственно, статут и ставит перед собой цель исправить огрехи предыдущих лет и восстановить промышленность в прежнем блеске:

«...Шерсть может постоянно пребывать и оставаться в пределах упомянутого королевства, как может грамотно и разумно служить гильдии производителей ткани Англии и всем членам и ветвям ее, посредством чего города, округа и селения указанного королевства, впавшие в великое и достойное сожаления запустение, разруху и упадок по причине праздности, может быть, по воле Божьей, размножатся места жительства, и благодаря труду восстановят свое прежнее счастье и процветание...»[\[1, 392\]](#).

Современная наука трактует Войны роз скорее не как разрушительный конфликт. Например, историк В.Г. Устинов так оценивает восприятие этих войн население Англии:

«Простых англичан Войны Роз волновали очень мало. Войска не опустошали местности, не разбойничали, не жгли, не убивали. Конечно, были случаи грабежей, но их можно пересчитать по пальцам. За редким исключением, не подвергались разорению и систематической осаде крупные английские города. Войны Роз не шли ни в какое сравнение со Столетней войной, последствия которой ощущались во Франции в течение многих десятилетий после ее завершения»[\[9, 102-103\]](#).

Тем не менее для людей того времени, прежде всего лондонцев, не знавших династических конфликтов со времен воцарения Ланкастеров, страна после первых 6 лет боевых действий представлялась пребывающей в «разрухе и упадке». Это объяснить можно, если вспомнить, что всего за 10 лет до того Англич потерпела поражение в Столетней войне и в умах англичан вчерашняя блистательная империя, простиравшаяся

от Шотландии до Луары и Гиени представляла собой жалкое зрелище. Тем отчетливее мы из вышеприведенных строк можем оценить замыслы королевского правительства. Итак, оно недвусмысленно высказалось – продукция английской текстильной промышленности должна стать источником богатства прежде всего для ее производителей (т.е. землевладельцев, в числе которых был и король, и промышленников) и для горожан.

«...Со следующего праздника Иоанна Предтечи ни иноземец, ни кто-либо для него, тайно или явно, не должны покупать или перевозить любым способом шерсть или заменитель шерсти, шкуру, снятую с мертвой или живой овцы в пределах королевства Англии или Уэльса...»[\[1, 392\]](#).

Это первая протекционистская мера в данном статуте фактически вытесняла всех иностранцев с внутреннего рынка Англии, но этим дело не ограничивалось.

«...Ни один инородец или подданный иного короля, с вышеупомянутого дня, не должны вывозить шерсть, заменитель шерсти, шкуру, снятую с живой или мертвой овцы, произведенные по сю сторону реки Тис, на север; под страхом конфискации этой шерсти...»[\[1, 392\]](#).

Конфискованная у нарушителей продукция делилась на две части:

«...Одна половина их должна приносить прибыль и использоваться нашим вышеупомянутым грозным владыкой королем, а другая половина – использоваться и приносить прибыль тому или тем, кто найдет и на законных основаниях докажет, что такая покупка, доставка, или перевозка противоречат указанным постановлением»[\[1, 392\]](#).

Река Тис, о которой говорится в статуте, разделяла графства Дарем и Йоркшир, т.о. «север» в понимании англичан XV века – сравнительно небольшая территория Нортумберленда и Дарема.

Йорки шли к власти под патриотическими лозунгами, считая Ланкастеров клиентеллой Франции, живым воплощением чего была предводительница ланкастерской партии королева Маргарита Анжуйская. Придя к власти, Эдуард IV и Уорик начали выполнять свою программу, и меры, содержащиеся в статуте, явно способствовали обогащению английских производителей шерсти, в том числе и за счет иностранцев.

Кроме чисто оградительных мер, правительство Эдуарда IV предлагало и конкретные мероприятия по повышению качества производимой в Англии продукции. Статут, принятый в 1464 году констатировал, что производство некачественных тканей является одной из основных проблем экономики:

«...Многие годы прошлого, а теперь и в наши дни, мастерство изготовления тканей и вещей, необходимых для него, есть и было настолько мошенническим, обманым и ложным, что упомянутые ткани в других землях и странах имели низкую репутацию к великому стыду нашей земле»[\[1, 403\]](#).

Статуты вполне четко разделяют продукцию текстильной промышленности на 3 категории:

1. Broadcloth – сукно;
2. Straits – грубая шерстяная ткань;

3. Kerseys – керси (особый сорт сукна, производимый в Йоркшире);

Для каждой из этих категорий с 1464 года вводились стандарты длины и ширины одной партии ткани [\[1, 403-404\]](#). Вводился так же запрет на использование некоторых материалов для производства тканей:

«И <...> ни одно лицо, которое изготовит, или выступит заказчиком изготовления какой-либо шерстяной ткани, чтобы продать после упомянутого праздника (Дня освобождения апостола Петра из заключения – А.П.) не должен смешивать с указанной тканью или добавлять в указанную ткань или в шерсть, из которой будет изготовлена указанная ткань, шерсть ягнят, шерстяные очески или луб любым способом...» [\[1, 404\]](#).

Чтобы данное решение выполнялось, Эдуардом IV вводилась разветвленная система контроля за качеством производимой продукции. Первоначальный контроль осуществляла, по-видимому, комиссия алнажеров, существование которой прослеживается со времен правления Эдуарда I Длинного (1272 – 1307 гг.), однако прерванное в 1353 году в связи с увеличением объемов импорта тканей. Как мы увидим в дальнейшем, при Эдуарде IV импорт был резко ограничен, а значит деятельность этой комиссии вновь стала возможна. Отбракованные партии ткани отмечались свинцовой печатью, а те, что прошли проверку качества – двойной свинцовой или «суконной» печатью. Таким образом качество продукции оставалось на высоте. Но кроме того существовал и второй уровень контроля, осуществлявшийся непосредственно лордом-казначеем:

«Предписано и установлено, что лорд-казначей Англии получит на время власть и полномочия, чтобы проверить столько держателей упомянутой печати (имеется ввиду суконная печать – А.П.), сколько он сочтет необходимым, с тем, чтобы ни одного инородца он не сделал упомянутым держателем» [\[1, 405\]](#).

Таким образом, на втором уровне контроля отсекались все иностранцы – черта, несомненно характеризующая политику Эдуарда IV в области текстильной промышленности как протекционистскую.

Внешняя торговля

«Характерной особенностью английской торговли в XV в. был значительный удельный вес в ней иностранцев, - замечает Е.В. Кузнецов. – Наиболее важные позиции на английском рынке занимали ганзейцы, итальянцы, купцы из Нидерландов» [\[5, 187-188\]](#).

Это обстоятельство не могло не волновать королевское правительство, и оно сделало все возможное, чтобы доходы от английской торговли обогащали в первую очередь англичан.

Главной чертой политики Эдуарда IV в области регулирования внешней торговли стало стремление максимально ее контролировать. Прежде всего, устанавливалось то единственное место, куда могла вывозиться производимая в Англии шерсть:

«Ни одна партия указанной шерсти не должна перевозиться морем или свозиться ни в одно другое место указанного королевства (Англии – А. П.) или Уэльса, но только в город Кале» [\[1, 393\]](#).

Кале с 1453 года был единственным владением Англии на континенте. Соответственно,

только через него по чисто географическим причинам могла осуществляться внешняя торговля с другими европейскими странами. Статут закреплял это положение еще и правовым образом, введя наказания за перевозку тканей морем от одного региона Англии в другой:

«И если какое-либо лицо или лица перевезут морем шерсть, выращенную в любой местности или графстве упомянутого королевства Англии, то тогда он заплатит штраф и потеряет всю эту шерсть...»[\[1, 392\]](#).

Аналогично карался вывоз шерсти куда-либо, кроме Кале:

«...Никто после упомянутого праздника (Дня Иоанна Предтечи – А.П.) тайно или явно, не должен передавать или перевозить, или вести переговоры о передаче или перевозке шерсти или заменителей шерсти из сего королевства Англии или Уэльса в любое другое место, кроме Кале...»[\[1, 392\]](#).

Исключением из этого правила были лишь северные земли – Нортумберленд, Камберленд, Уэстморленд, а также Дарем, Ричмондшир и Олдертоншир. Шерсть из этих регионов должна была свозиться в Ньюкасл перед отправкой морем:

«Никто после упомянутого праздника не должен перевозить груз шерсти, выращенной в пределах любого из упомянутых графств Нортумберленда, Камберленда и Уэстморленда, или в пределах упомянутого епископства Дарем, между упомянутыми реками Тайн и Тис, или в пределах упомянутых графств, называемых Ричмондширом и Олдертонширом, кроме как в город Ньюкасл»[\[1, 392\]](#).

Очевидно, это было связано с тем, что северные графства торговали в основном не с континентом, а с Шотландией – таким образом, Ньюкасл становился фактически северным аналогом Кале.

Помимо места, где должна была вестись внешняя торговля, статут так же жестко регулировал способ обмена – торговцам сырьем предписывалось продавать его только за наличную оплату:

«...Ни один торговец упомянутым сырьем в Кале ни лично, ни через других лиц, не должен ни продавать, ни обменивать со следующего дня святого архангела Михаила шерсть или любую другую сырьевую продукцию на указанное сырье, но должен прежде или после получить и принять наличную оплату...»[\[1, 392\]](#).

Но Эдуард IV и Уорик не ограничивались лишь способом оплаты, устанавливая жесткое правило, что как минимум половина стоимости продаваемого товара должна была оплачиваться английскими деньгами:

«...Половина (оплаты – А. П.) должна быть в установленных законом деньгах Англии, платине или слитках серебра или золота; и все те деньги, должным образом ввезенные в сие королевство Англии, и платина, и слитки так же полученные должным образом должны быть отштампованы на монетном дворе в Кале»[\[1, 394\]](#).

Это должно было служить повышению покупательной способности английской монеты – чем большим спросом она будет пользоваться, тем больший доход будет иметь король, как абсолютный монополист на чеканку английской монеты.

Ко времени прихода Эдуарда IV к власти это была более чем актуальная проблема – стоимость пенни упала относительно стоимости металла, из которого его чеканили. Чтобы

исправить это, Эдуард параллельно с изданием статута велел отчеканить новую серебряную монету – на 20% легче старого образца. Новая протекционистская мера должна была исправить эту ситуацию.

Кроме экспорта, протекционистская политика Йорков регулировала так же и импорт.

Основными товарами, шедшими в Англию, были шелковая ткань, зерно, а так же готовые изделия – обувь, одежда, инструменты, украшения и т.д. К каждой из этих категорий отношение у королевской власти было особое. Например, ввоз шелковых тканей, главными экспортерами которых были ломбардцы, полностью запрещался, а любая партия шелка, все-таки ввезенная в Англию, подлежала конфискации:

«...Если какой-либо ломбардец или какое-либо другой чужеземец или натурализовавшийся иностранец, провезет или содействует провозу путем торговли товарами шелковые изделия, тогда эти шелковые изделия должны быть конфискованы...»[\[1, 395-396\]](#).

Кроме того, на таких нарушителей возлагался штраф в 10 фунтов стерлингов:

«...И каждый продавец любой из названных вещей <...> должен заплатить за каждое нарушение 10 фунтов стерлингов...»[\[1, 396\]](#).

Спустя год новым парламентским статутом был запрещен импорт всех тканей, произведенных за границей:

«...Все возможные шерстяные ткани, сделанные в любом другом регионе, провезенные в сие королевство Англии и выставленные на продажу в любой части сего королевства Англии после упомянутого праздника Святого Петра, должны быть конфискованы в пользу нашего упомянутого верховного господина короля»[\[1, 407\]](#).

Для торговцев зерном ограничения были не столь жесткими – статут лишь запрещал провоз мелких партий этого товара, по видимому, из-за размеров взимаемой в таком случае пошлины. Причем расчет шел не по объему или весу зерна, а по его стоимости: так, минимальной суммой, которая допускала провоз зерна в Англию было 6 шиллингов и 8 пенсов за четверть пшеницы (примерно 210 литров), 4 шиллинга за четверть ржи и 3 шиллинга за четверть ячменя:

«...Ни одно лицо со следующего дня Святого Иоанна Крестителя не должно проносить или привозить в любое место или порт сего королевства, в виде товара или иным образом, любую пшеницу, рожь или ячмень, которые не выращены в этой стране, или любом острове, принадлежащем ей, или же не выращены в Ирландии или Уэльсе, в любое время, когда четверть пшеницы не превышает цену в шесть шиллингов и восемь пенсов, четверть ржи не превышает цену четырех шиллингов, а четверть ячменя трех шиллингов установленными законом монетами Англии в пределах места или порта, куда должны были быть доставлены такие пшеница, рожь или ячмень; за усилия по конфискации таких пшеницы, ржи и ячменя, одна половина отходит нашему верховному владыке королю, а другая половина тому, кто найдет такие пшеницу, рожь или ячмень»[\[1, 395\]](#).

Наиболее интересная ситуация была со ввозом готовой продукции на территорию Англии. Статут не просто запрещал торговцам провозить ее в Англию[\[1, 397\]](#), но и наделял городских чиновников властью изымать готовую продукцию:

«А так же наш владыка король определил и постановил, по согласию и вышеупомянутому основанию, что высшие должностные лица городов должны иметь власть и полномочия для поиска готовых изделий, которые будут произведены любым иностранным ремесленником, мужчиной или женщиной, или любым другим лицом или лицами в пределах указанного королевства Англии или Уэльса...»[\[1, 397-398\]](#).

Таким образом, статуты сильно ограничили пространство внешней торговли, что должно было избавить отечественных производителей от конкуренции, а так же поднять стоимость английской валюты. Все это в целом соответствует общему руслу протекционистской политики Эдуарда IV.

Экономика и внешняя политика

Статуты позволяют нам на конкретном примере проследить взаимное влияние экономической и внешней политики Англии в 1461-1467 годах, когда она еще находилась под значительным влиянием Уорика. Из нижеприведенного примера, в частности, станут ясны мотивы, по которым английское правительство перестраивало экономику в протекционистском духе.

Правительство «Делателя королей» проводило профранцузскую политику, надеясь *«связать Йорков династическими узами с королевской семьей Франции. Таким образом достигались как минимум две важные цели: йоркистская Англия получала мощного союзника на континенте, и одновременно нейтрализовались возможности Маргариты д' Анжу по манипуляции ее родственными связями»*[\[9, 241\]](#). Это было тем более актуально, что сторонники Ланкастеров не были окончательно разбиты и продолжали сопротивление на территории северных графств. Однако сближение с Францией неизбежно влекло за собой разрыв с традиционным союзником на континенте – Бургундией, враждебно настроенной по отношению к французскому королю. Этот разрыв вскоре нашел отражение и в экономике.

Между весной 1463 г. и летом 1464 г. герцог Бургундии Филипп III Добрый издал указ, изгонявший английские товары с бургундских рынков, что нашло упоминание и в статуте парламента:

«Поскольку определенные Декларации и Указы в форме Статута всегда выдерживают испытания временем и никогда не подлежат отмене, то позднее были выпущены прокламации герцога Бургундского в части территорий Брабанта, Голландии и Зеландии и других сеньорий о том, что с этого времени всякая шерстяная одежда и шерстяная пряжа, изготовленные и изготовленные в Королевстве Англии, должны быть изгнаны из земель упомянутого герцога»[\[1, 411\]](#).

Статут, отступая от норм юридического языка, живописует последствия такой политики бургундского двора – гибель товаров, обнищание торговцев и т. д.:

«Так что после упомянутой прокламации ни одна такая (произведенная в Англии – А.П.) ткань или пряжа не должна быть куплена, продана или распространена там, и если после того же времени любая ткань или пряжа будет найдена, то она должна быть сожжена, как вещь запрещенная, с некоторыми другими запрещенными видами тканей, указанными в тех же прокламациях и указаниях; посредством чего, по всей вероятности, производители шерстяных тканей в сем королевстве Англии, такие как ткачи, сукновалы, красильщики, прядильщики, чесальщики и обмотчики пряжи, и другие лица, осуществляющие упомянутое производство тканей, а также покупатели и продавцы того

же самого, должны быть лишены профессий и стать настолько праздными, что это должно спровоцировать их на грех и порочную жизнь, да поможет им Бог»^[1, 411].

По-видимому, причина такой жесткой меры была не только в профранцузском курсе Уорика, но и в решениях парламента 1463 года, который существенно ограничил ввоз импортных изделий в Англию, большая часть которых производилась во владении бургундского герцога. Тем не менее, уже из фразы *«определенные Декларации и Указы в форме Статута <...> никогда не подлежат отмене»* видно, что как-то менять положения статута англичане не собирались. Более того, запрет хождения английских товаров в Бургундии вызвал не менее жесткую реакцию со стороны Эдуарда IV:

«...Ни один житель этого королевства, и ни один торговец из Льежа в Англии не должен привозить или передавать, ни тайно или явно способствовать провозу, передаче или проносу в сие королевство Англии, Уэльс или Ирландию любым способом товары или грузы, выращенные, смастеренные или изготовленные в землях и частях Бургундии, Лотарингии, Брабанта, Люнебурга, Фландрии, Артуа, Геннегау, Голландии, Зеландии, Намюра, маркизатов Священной Римской империи, Фрисландии, Мехелена, земель за рекой Маас, или любых земель и сеньорий, которых герцог держит или которыми владеет...»^[1, 411].

Запрет на ввоз бургундских товаров должен был действовать вплоть до отмены прокламации Филиппа III. Сейчас бы мы это назвали «войной санкций».

До официального оглашения этого запрета (который планировалось провести до 18 марта 1464 г.) импортные товары конфискации не подлежали, однако затем в течении 40 дней должно было действовать стандартное конфискационное правило, по которому попавший под запрет товар делился поровну между королем и лицом, сообщившем о нарушении запрета. В дальнейшем планировалось ввести более сложную процедуру контроля, предполагавшую перепродажу изъятых товаров уже официальными английскими учреждениями с тем, чтобы вся прибыль шла в казну.

Тем не менее, в статуте сделаны важные оговорки – осознавая, по всей видимости, что полностью перекрывать импорт из Бургундии будет разорительно для английского рынка, оставлялась возможность попадания товаров из Нидерландов в Англию через руки ганзейских торговцев:

«...Настоящий закон, а также ни один другой закон, статут или указ, которые изданы или будут изданы действующим парламентом, не должны быть причиной ущерба, предрассудков или унижения торговцам из Германии, входящих в гильдию, обычно называемую Ганзой...»^[1, 413].

«Еще во время борьбы за престол Эдуард IV нередко прибегал к помощи ганзейских городов, дававших ему и корабли и деньги, - отмечает по этому поводу В.В. Штокмар. - За это ганзейцы потребовали от него восстановления всех привилегий в торговле <...> и освобождения от уплаты таможенных пошлин, что было явным нарушением интересов английского купечества, и указывало на возросшее <...> могущество Эдуарда IV, который мог позволить себе такую политику»^[7, 68].

Стоит в завершении этого сюжета отметить лишь, что после того, как в 1464 г. расстроился французский брак Эдуарда IV, начался обратный процесс – сближение Англии с Бургундией. В 1468 состоялась свадьба Маргариты Йорк – сестры Эдуарда IV – и нового герцога Бургундского Карла Смелого. Однако это уже не влияло на

экономический курс английского правительства – как и было установлено, ни одно из положений статута о запрете ввоза товаров из Бургундии формально отменено не было. Лишь в 1474-1475 гг. было определено, что англо-бургундская торговля может вестись в городе Мидделбурге^[1, 437] во Фландрии, а с 1477-1478 гг. – в некоем городе Бароу^[1, 450] в Брабанте, идентифицировать который не представляется возможным.

Таким образом, мы можем сделать вывод по этому сюжету – дабы преодолеть последствия гражданской войны и укрепить экономику, правительство Эдуарда IV и Уорика начинает внедрять в Англии элементы протекционизма. В сумме с профранцузским курсом это приводит к обострению отношений с Бургундией, которая запрещает свободную продажу английской продукции на своей территории. В свою очередь уже Англия накладывает санкции на продукцию бургундской промышленности, тем самым протекционистский курс становится еще жестче. В итоге изменившаяся политическая ситуация приводит к возобновлению дружественных отношений с Бургундией, однако на экономической политике это сказывается в минимальной степени – протекционистская политика уже законодательно закреплена и не подлежит свертыванию.

Подобным образом экономика и внешняя политика, взаимно оказывая друг на друга влияние, обеспечивали переход Англии в Новое время.

Заключение

В ходе исследования мы пришли к выводам, что экономическое положение Англии в 1460-е гг. не было критичным, однако в условиях поражения в Столетней войны и династического конфликта правительство Эдуарда IV решило проводить экономические реформы, направленные на поднятие уровня благосостояния английских производителей, торговцев и самого короля.

В рамках экономической политики 1460-х гг. с внутреннего рынка Англии были изгнаны все иностранные торговцы, которым под угрозой конфискации запрещалось скупать и перевозить шерсть в пределах Англии. Для поднятия конкурентоспособности английских товаров вводились стандарты качества и сложная система контроля за их соблюдением. Были определены жесткие рамки для внешней торговли – купцы из Англии получили право вывозить свои товары только в Кале, за исключением нескольких северных графств, центром сбыта продукции которых был Ньюкасл-на-Тайне. Кроме места обмена, определялся и его способ – купцы должны были продавать свои товары только за наличную плату, причем половина ее должна была выражаться в английской монете, что повышало ее покупательную способность. Вводился запрет на ввоз некоторых категорий товаров в Англию (например, шелк, а затем и все виды тканей, готовые промышленные изделия и т.д.) и ограничение для других (например, зерно). Одним словом, экономическая политика Эдуарда IV носила протекционистский характер.

Эти мероприятия были обусловлены не только экономической надобностью, но и внешнеполитическим фактором – так, стремление установить мирные отношения с Францией привело к запрету ввозить английские товары в Бургундию и ответным мерам по запрету ввоза бургундских товаров в Англию, так и не отмененному в годы правления Эдуарда IV, не смотря на улучшение отношений между двумя странами.

Таким образом, при Эдуарде IV в английской экономике произошли серьезные изменения. Все это, вкупе с его социальными преобразованиями, уменьшением роли парламента и возрастанием полномочий короля, нашедшим продолжение в абсолютизме

Тюдоров, характеризует его как монарха переходного периода от Средневековья к Новому времени, в экономике, в частности, выразившегося в переходе от феодализма к капитализму.

Библиография

1. The statutes of the realm : Printed by command of his majesty King George the Third, in pursuance of an address of the House of Commons of Great Britain. From original records and authentic manuscripts. 2 Volumes. – London, Dawsons of Pall Mall, 1810-1825. Reprinted 1963.
2. Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
3. Гутнова Е.В. Английское феодальное государство в XIV–XV вв. // Средние века. 1987. Вып. 50.
4. Золотов В.И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. – Брянск, 2010.
5. Кузнецов Е.В. Некоторые вопросы экономической политики королевской власти в Англии 1461 – 1485. // Средние века. – М., 1962. Вып. 21.
6. Минеева Т.Г. Великая Хартия Вольностей и законодательство английского парламента позднего средневековья // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. №5. С. 189-192.
7. Очерки истории Англии: Средние века и новое время / Под ред. Г.Р. Левина. – М., 1959.
8. Сорокина Т.Б. Север Англии в «Войне Роз» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2016, № 8-1. С. 124-126.
9. Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. – М.: Вече, 2012.
10. Штокмар В.В. История Англии в Средние века. – СПб.: Алетея, 2005

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня многие экономисты говорят о важности поиска новых моделей экономического развития, поскольку пределы роста современной экономики уже наглядно очевидны. В рамках формирования новых моделей чрезвычайно важно обратиться к изучению исторического опыта становления капиталистических отношений в Европе, которые затронули период конца средневековья – начала нового времени. Особый интерес здесь представляет английская история, ведь в это время в Англии бушевала война Алой и Белой розы.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является экономическая политика английского короля Эдуарда IV. Хронологические рамки исследования охватывают период от 4 марта 1461 г., т.е. даты прихода к власти Эдуарда IV, до 1467 г., т.е. принятия четвертого статута. Автор ставит своими задачами осуществить источниковедческий обзор, рассмотреть текстильную промышленность и внешнюю торговлю, а также определить экономическое положение Англии в 1460-е гг.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать политику Эдуарда IV в свете английского парламентского

законодательства.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 10 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Источниковой базой статьи выступают английский статуты второй половины XV в. Из привлекаемых источников укажем на труды Т.Б. Сорокиной и Е.В. Кузнецова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения экономической истории Англии позднего средневековья. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как капиталистическими отношениями, в целом, так и экономикой Англии позднего Средневековья, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что время правления Эдуарда IV в Англии стало переходом от Средневековья к Новому времени. В работе показано, что «в рамках экономической политики 1460-х гг. с внутреннего рынка Англии были изгнаны все иностранные торговцы, которым под угрозой конфискации запрещалось скупать и перевозить шерсть в пределах Англии». Примечательно, что как показывается в рецензируемой статье, «для поднятия конкурентоспособности английских товаров вводились стандарты качества и сложная система контроля за их соблюдением». Автор отмечает, что «экономическая политика Эдуарда IV носила протекционистский характер».

Главным выводом статьи является то, что Эдуарда IV можно охарактеризовать как «монарха переходного периода от Средневековья к Новому времени, в экономике, в частности, выразившегося в переходе от феодализма к капитализму».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории средних веков, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Костицын С.С. Опыт развития частных музеев в России в условиях государственно-частного партнерства в 1990-2020-е гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.71611 EDN: WKPZPW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71611

Опыт развития частных музеев в России в условиях государственно-частного партнерства в 1990-2020-е гг.

Костицын Станислав Сергеевич

аспирант, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ ofisrudn20144@mail.ru

[Статья из рубрики "Исторические источники и артефакты"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.71611

EDN:

WKPZPW

Дата направления статьи в редакцию:

31-08-2024

Дата публикации:

09-09-2024

Аннотация: Предметом исследования являются состояние и перспективы развития частных музеев России в 1990 – 2020-е годы. Объектом исследования является государственно-частное партнерство (ГЧП) как инструмент взаимодействия органов государственной власти и бизнеса по реализации музейных проектов. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как основные направления взаимодействия органов государственной власти и бизнеса по вопросу инвестирования в музейные объекты, тенденции развития государственно-частного партнерства. Особое внимание уделяется перспективам его развития в музейной сфере в части совместной реализации музейных проектов, их оценки и отбора по принципу эффективности для субъектов Российской Федерации. Подчеркивается, что модель, где государство и бизнес взаимодействуют на равных, занимает важное место в осмыслении современных социальных отношений.

Методологическую базу исследования составляют принципы историзма, научной объективности, системности и комплексности, которые позволяют исследовать опыт и современные проблемы развития частных музеев в России в условиях государственно-частного партнерства как комплексную проблему, анализируя фактический материал во всей его совокупности и взаимосвязи. Особым вкладом авторов в исследование темы является комплексный анализ перспектив развития государственно-частного партнерства в музейной сфере России, их обобщение и систематизация по принципу необходимости учета в среднесрочном планировании разработку централизованной системы сбора и информирования о музейных проектах федерального и регионального уровня; развитие нормативно-правовых основ, влияющих не только на выработку управленческих решений по обеспечению проектов, но и подбор сотрудников при сопровождении музейных проектов. Новизна исследования заключается в переосмыслении концептуальных основ, тенденций и ключевых направлений развития частных музеев в России в условиях государственно-частного партнерства.

Ключевые слова:

музей, частный музей, государственно-частное партнерство, объект культурного наследия, культура, музейный проект, частная инициатива, культурно-просветительская деятельность, социальный запрос, государственная политика

Создание и развитие частного музея в большинстве случаев представляет собой плоды энтузиазма частных лиц, которые реализуют возможность выставлять собственные частные коллекции на обозрение посетителям. Являясь весьма востребованными в части предложения интересного эстетического опыта, они нуждаются в небольших предпочтениях, спектр которых планомерно расширялся в 1990-2000-х гг., и государство стало предоставлять их безвозмездно или с отсрочкой обязательств.

К таким предпочтениям можно отнести:

- возможность эффективно закупить товары и услуги высокого качества по более низкой цене;
- помощь в реализации проектов культурной значимости и доведении идеи до окончательного состояния, при котором музей имеет все необходимое для ведения экспозиционно-выставочной деятельности;
- администрирование музеем управляющими институтами и оказание консультационных услуг в рамках программы поддержки ГЧП и др.

По данным ресурса «Global Infra Hub», отрасль культуры в России только на 2 % состоит из частных капиталовложений [\[1\]](#).

Если рассматривать частный музей как инвестиционный проект, то инвестор, преследующий цель создания работающего бизнеса, зачастую обращается к помощи органов государственной власти. В связи с этим, можно отметить создание и развитие нормативно- правовой базы по развитию государственно- частного партнерства в 1990-2000-х гг.

Так, например, одним из серьезных шагов государства в части долгосрочного развития государственно- частного партнерства послужил соответствующий федеральный закон

«О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятый в 2015 году, в рамках которого приобретение активов предполагает и равное разделение рисков между частным лицом и государством. Инвестор, который рассматривает создание частного музея как инвестиционный проект в силу положений закона сможет купить или взять в аренду культурный объект и использовать его в качестве залога. При изменении законодательства или макроэкономических условий в государстве инвестор будет иметь гарантию возврата вложенных средств. В данных условиях инвестор может подать заявку на строительство или реставрацию культурного объекта без необходимости искать предложение от государства. Это право инвестора объясняется «правом частной инициативы».

В Российской Федерации механизм государственно-частного партнерства реализуется в деятельности частных музеев наряду с театрами, библиотеками и иными объектами культурного наследия [\[2\]](#). Особенно это важно для развития малых музеев, таких как «Мир камня» (г.Барнаул) [\[3\]](#), «Музей парфюмерии» (г.Санкт-Петербург) [\[4\]](#) и других.

Увеличивая диапазон возможностей для бизнеса, государством предлагается использование следующих преференций на основе государственно-частного сотрудничества:

- получение в собственность недвижимости, являющейся объектом культурного наследия;
- пользование помещением или строением на основе договора аренды или на безвозмездной основе;
- сдача в управление объекта недвижимости, зарегистрированного как государственная собственность;
- сдача на аутсорсинг работ и услуг государственного предприятия и др. [\[5\]](#).

В рамках имеющейся модели государственно- частного партнерства бизнес для ведения музейной деятельности на основе договора аренды может получить объект недвижимости и обязан выполнять оговоренные требования в соответствии с целями сохранить объект в первоначальном его виде. Кроме этого, в условиях обязательных к выполнению может присутствовать пункт об использовании объекта по его прямому назначению.

При этом модель, где государство и бизнес взаимодействуют на равных, не только популяризируется, но и представляет для бизнес-энтузиастов новые возможности гарантий возврата вложенных инвестиций. В числе наиболее успешных можно рассмотреть несколько реализованных проектов в субъектах Российской Федерации. Так, например, музей-усадьба «Полотняный завод Гончаровых», расположенный в Калужской области, является важным культурным объектом региона. Целью его реставрации послужило сохранение первоначального облика здания и увеличение туристического потока в области. Данный объект входит в 30% усадеб федерального и регионального значения, которые удалось сохранить благодаря частной или государственной финансовой поддержке. В данном случае частный инвестор самостоятельно восстановил здание и взялся осуществлять управленческую деятельность [\[6\]](#). Сторонами-участниками реализации замысла стали Министерство экономического развития Калужской области, а также частная компания «Альпинекс-Австрия». Инвестиции в проект составили 90 млн. рублей от частной компании, в то время как государственная сторона оказывала

управленческо-бытовые услуги. Результатом такого решения стало увеличение социокультурного дискурса среди молодого и старшего поколения; активизация культурно-просветительской деятельности в стенах музея-усадьбы: проведения экскурсий, лекций, мероприятий; привлечение туристов из других регионов и, соответственно, пополнение бюджета.

Постановление Правительства Московской области «Об утверждении порядка установления льготной арендной платы и ее размеров в отношении объектов культурного наследия, находящихся в собственности Московской области» позволило на законодательном уровне создать благоприятные условия, в которых частным инвесторам будет выгодно и безопасно заниматься восстановлением и эксплуатацией усадеб. Ключевым фактором послужило равное распределение финансовой нагрузки между государственной и частной сторонами. В результате с 2013 года были сданы в льготную аренду 11 частным инвесторам более 30 объектов культурного наследия Московской области [\[7\]](#).

В Воронежской области были реализованы несколько успешных проектов на основе разных форм сотрудничества между несколькими заинтересованными сторонами. Так, например, с привлечением общественного Фонда был отреставрирован Дом офицеров как частный музей. Был заключен договор между муниципальным органом и Фондом, в котором утверждалось совместное использование объекта [\[8\]](#).

Реализация проекта частного музейного комплекса «Коломенская пастила. История со вкусом» потребовала сил нескольких компаний, таких как ООО Инновационное предприятие «Внедрение технологий современности» при партнерстве Центра культурных инициатив, а также Социального Фонда [\[9\]](#).

Большое значение для развития всей сферы имеет Союз музеев России, который оказывает влияние на заключение соответствующих соглашений о развитии, создании или восстановлении институтов культуры [\[10\]](#).

Среди перспектив развития государственно- частного партнерства в музейной сфере является разработка централизованной системы сбора и опубликования информации по реализации данных проектов, включая проекты федерального и регионального уровня.

В стремлении реализовать свои замыслы по реализации музейных проектов крупные игроки рынка собирают и обрабатывают информацию из официальных источников для того, чтобы восполнить недостаток сведений и сформировать перечень наиболее актуальных для ведения культурной деятельности объектов. Так, например, компания InfraOne Research на ежегодной основе формировала перечень перспективных музейных проектов, содержащий основные сведения по проектам крупного масштаба (более 1 млрд руб.). Данные проекты, планируемые для реализации, требовали привлечения частной стороны, в основном для покрытия капитальных затрат. В них указывались формы реализации проекта, уровень готовности запуска проекта, сроки договоренностей и т.п. Отчеты компании InfraOne Research за период до 2021 гг. позволяли установить основные тенденции по реализации музейных проектов:

- рост общего числа проектов при спаде капитальных затрат;
- уменьшение в 2021 году средней суммы реализуемых проектов практически в 4 раза;
- увеличение использования концессионных соглашений при реализации музейных проектов;

- рост доли инвестиций в деятельность музеев среди иных проектов по развитию культурных объектов (17% всех затрат) [\[11\]](#).

Другими перспективами развития государственно- частного партнерства в музейной сфере связаны с развитием нормативно- правовых основ, влияющих в том числе не только на выработку управленческих решений по обеспечению проектов, но и подбор сотрудников и повышение их квалификации при сопровождении проектов в рамках государственно-частного партнерства [\[12\]](#).

Таким образом, государственно-частное партнерство представляет собой эффективную модель реализации проекта в музейной сфере, участники которой заинтересованы в равной степени и разделяют между собой ответственность. Условия сотрудничества утверждаются концессионным соглашением или соглашением о государственно-частном партнерстве. Развитие государственно-частного партнерства является важным не только в экономическом, но и социально-культурном аспектах деятельности государства и бизнеса. Перспективы развития государственно- частного партнерства в сфере музейной деятельности находятся в плоскости реализации соответствующего социального запроса.

Библиография

1. Факторы смешанного финансирования и ESG в инфраструктуре/
<https://www.gihub.org/>.
2. Бедняков А. Государственно-частное партнерство как модель развития публичной инфраструктуры // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 15 (1). – С. 143–173.
3. Музей «Мир камня» / <https://stonemir.ru/contact-us/>
4. Музей парфюмерии / <http://parf-muzei.ru/>
5. Барбашина Е.А. Роль государственно-частного партнерства в управлении процессами инновационного развития экономики России // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – № 1 (11). – С. 119–130.
6. Музей-усадьба «Полотняный завод Гончаровых»/ <https://zabir.ru/polotnyaniyy/zavod/>
7. Более 30 усадеб передано частным инвесторам в Подмосковье по программе льготной аренды/ <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/bolee-30-usadeb-peredano-chastnym-investoram-v-podmoskove-po-programme-lgotnoy-arendy>.
8. Определен проектировщик реконструкции воронежского Дома офицеров/
<https://news.myseldon.com/ru/news/index/210585413>.
9. Государственно-частное партнерство в сфере культуры. Лучшие практики проектов субъектов России. Минкульт России. – 2016. – 104 с.
10. Союз музеев России/ <https://www.souzmuseum.ru/>.
11. Мелешко Е. Бизнес готов инвестировать в социальную инфраструктуру [Электронный ресурс] // "Российская Бизнес-газета"-Государственно-частное партнерство.-2021.-№965 (36). Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/09/16/ivesticii.html>.
12. Матвиенко В. Культура – матрица нации [Электронный ресурс] // "Российская газета". Федеральный выпуск No 74 (175). – 2019. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2019/12/29/kultura.html>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена актуальной проблеме государственно-частного партнерства в сфере

музейного дела в 1990-2020-е годы. Суть механизма государственно-частного партнёрства заключается в создании частным инвестором объекта инфраструктуры и дальнейшей его эксплуатации в целях получения дохода. В какой мере такой подход применим в музейном деле — вопрос дискуссионный.

Учитывая, что музей как объект инфраструктуры заинтересован в инвестициях, но при этом не может изменить своей миссии (хранить прошлое, вдохновлять настоящее и помогать находить будущее), возникают сложности при определении целевых задач инвестирования: во что инвестировать в инфраструктуру, в коллекцию, в человеческий капитал сотрудников и посетителей?

В статье справедливо утверждается, что частные инвестиции в культуру составляют очень низкий показатель близкий к статистической погрешности. Автор верно апеллирует к нормам закона (N 224-ФЗ от 13.07.2015), однако предоставление возможности инвестирования автоматически не запускает механизм реализации партнёрства. Более того, важно подчеркнуть, что законодательное регулирование вопроса возникло фактически ближе к концу изучаемого периода. Вероятно, имеет смысл хотя бы кратко рассмотреть такую форму организации как ЧУК (частное учреждение культуры) и оценить способствует такая форма государственно-частному партнёрству или препятствует.

Ключевой вопрос, который обходится в статье стороной, а не может ли механизм государственно-частного партнёрства стать основанием для захвата интересных и доходных объектов под видом их, например, частичной музеефикации.

В работе освещены интересные и полезные для понимания проблемы примеры «Мир камня» (Барнаул), «Музей парфюмерии» (Санкт-Петербург), «Коломенская пастила. История со вкусом» (Коломна). Однако не хватает разбора таких значимых по уровню инвестиций проектов, как ГЭС-2. В 2014 году глава Департамента культуры Москвы Сергей Капков предложил выкупить здание ГЭС-2 со статусом объекта культурного наследия регионального значения предпринимателю и меценату Леониду Михельсону. В итоге в здании бывшей электростанции был организован один из крупнейших музейных центров Москвы.

Весьма полезным для оценки реальных возможностей государственно-частного партнёрства имело бы смысл рассмотреть опыт Президентского фонда культурных инициатив, созданный в 2021 году и предоставляющий подробную информацию о своих конкурсах, участниках и победителях, в том числе реализующих гранты на основе принципа софинансирования.

Вывод «Перспективы развития государственно-частного партнерства в сфере музейной деятельности находятся в плоскости реализации соответствующего социального запроса» остался непонятен: от кого должен поступить такой социальный запрос – от любителей музеев, от музейного сообщества, от государственных органов?

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Как известно, 2020-й год с его пандемией новой коронавирусной инфекции стал поворотным моментом в развитии российского внутреннего туризма. Волна санкций недружественных государств в 2022 г. еще более активизировала внутренний поток российских туристов. Известно, что Москва, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород являются признанными культурными центрами, притягивающими миллионы туристов; можно привести здесь и Южный берег Крыма, и Сочи, и Байкал, и даже все еще

экзотическую в восприятии жителей Центральной России Камчатку. Одним из любопытных моментов развития внутреннего туризма последние годы является создание и развитие частных музеев, что вызывает важность изучения этого явления.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются частные музеи России в 1990-2020-е гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть механизм государственно-частного партнерства в деятельности частных музеев, а также определить перспективы его развития.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать опыт развития частных музеев в России в условиях государственно-частного партнерства в 1990-2020-е гг.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя 12 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем на интернет-порталы частных музеев, а также материалы периодической печати. Из используемых исследований укажем на работу Е.А. Барбашиной, в центре внимания которой находится роль государственно-частного партнерства в управлении процессами инновационного развития экономики России. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется, как государственно-частным партнерством, в целом, так и его роль в частных музеях, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, хотя в статье и отсутствует полноценное заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «если рассматривать частный музей как инвестиционный проект, то инвестор, преследующий цель создания работающего бизнеса, зачастую обращается к помощи органов государственной власти». В работе отмечается, что «модель, где государство и бизнес взаимодействуют на равных, не только популяризируется, но и представляет для бизнес-энтузиастов новые возможности гарантий возврата вложенных инвестиций». Автор приводит здесь такие примеры, как музей-усадьба «Полотняный завод Гончаровых», расположенный в Калужской области, а также частного музейного комплекса «Коломенская пастила. История со вкусом». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «развитие государственно-частного партнерства является важным не только в экономическом, но и социально-культурном аспектах деятельности государства и бизнеса».

Главным выводом статьи является то, что «государственно-частное партнерство представляет собой эффективную модель реализации проекта в музейной сфере, участники которой заинтересованы в равной степени и разделяют между собой ответственность».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий развития частных музеев.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале

«Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тугужекова В.Н., Алехин Ф.В. Становления кинофикации Хакасии с 1930 по 1953 гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.71070 EDN: AXVETI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71070

Становления кинофикации Хакасии с 1930 по 1953 гг.

Тугужекова Валентина Николаевна

ORCID: 0000-0001-6347-0710

доктор исторических наук

профессор; кафедра истории; Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

655017, Россия, республика Хакасия, г. Абакан, ул. Кирова, 102, кв. 63

✉ vtuguzhekova@yandex.ru

Алехин Федор Витальевич

ORCID: 0009-0005-0952-1018

аспирант; кафедра истории; Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Главный архивист; ГКУ РХ "Национальный архив"

655009, Россия, республика Хакасия, г. Абакан, ул. Комарова, 76, кв. 162

✉ super8766@gmail.com

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.71070

EDN:

AXVETI

Дата направления статьи в редакцию:

19-06-2024

Дата публикации:

14-09-2024

Аннотация: Предметом исследования является процесс кинофикации в Хакасской автономной области в период с 1931 по 1953 гг. с основным упором на материально-техническое состояние процессов кинофикации. Особое внимание уделяется киноустановкам и их фактической эксплуатации, количеству сеансов. Проводиться

анализ планов и фактического результата. Выявляются основные проблемы процесса кинофикации как в городах, так и в сельской местности. Основным источником служит архивный фонд ГКУ РХ "Национальный архив" Р-336 "Хакасское областное управление кинофикации", содержащий планы, отчеты, данные по личному составу. Также использовались газетные вырезки, монографии по смежным темам. Исследование основывается на принципах историзма и научной объективности и строится в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. При анализе исторических источников в данной работе основными методами можно назвать: аналитический, сравнительный, статистический. В рамках данного исследования рассматривается ход кинофикации в Хакасской автономной области в период с 1931 по 1953 гг., а именно: материально-техническое состояние, репертуарное. Выявляются основные показатели довоенного времени, периода Великой Отечественной войны и послевоенный период. В исследовании берётся упор не только на фактическое состояние процесса кинофикации в определенные годы, но и на основные трудности. Рассматриваются проблемы: транспорта и топлива, кадров, доступности и наполнения фильмофонда, количества киноустановок и их обслуживания, строительства кинотеатров, завышенных планов. Необходимо отметить что изучением проблематики хакасской кинофикации исследователи занимались лишь в рамках изучения более обширных тем. Объединение знаний из разрозненных источников по данной проблематике проводится впервые.

Ключевые слова:

Кинофикация, Хакасия, ВОВ, Кино, Кинотеатры, Киноустановки, Село, Пропганда, Архив, Городской кинотеатр

Введение

Кинематограф является важной частью жизни общества, отражает его настроение. Развитие кинематографа позволяет более искусно общаться со зрителем и доносить замысел режиссера и смысл фильма. Развитие кинематографа зависит от состояния кинофикации. Кинофикация (*лат. facere* делать) система мероприятий, направленная на строительство кинотеатров, создание передвижных киноустановок, непрерывное совершенствование киноаппаратуры и улучшение условий и качества демонстрации кинофильмов. В данной статье исследуется процесс становления и развития кинофикации в (1930-1953 гг.) Нижняя хронологическая граница обусловлена тем что в 1930 г. была образована Хакасская автономная область, а в 1953 г. окончанием "Сталинского периода". В статье рассматривается: 1) положение материально-технического состояния кинофикации в 1930-1941 гг. 2) основные тенденции в развитии кинофикации в период Великой Отечественной Войны; 2) развитие кинофикации в послевоенный период.

Становление Кинофикации в Хакасской автономной области в 1930 - 1940 гг.

К 1930-му году кинофикация Хакасии только начала активно развиваться. В Хакасии в 1930 г. насчитывалось 16 киноустановок, в том числе 7 стационарных [\[12\]](#). Тяжелое состояние материально-технической базы привело к тому, что в 1931 г. во всей Хакасии было проведено 4938 киносеансов. Сравнивая Красноярский край и Хакасскую автономную область (далее ХАО) до 1934 г. можно четко утверждать об отставании в материально-техническом обеспечении. Если в Красноярском крае 1 киноустановка обслуживала 12,4 населенных пункта, то в ХАО 1 киноустановка обеспечивала 14,5

населенных пунктах. Данная нагрузка истощала аппаратную часть кинофикации. Киноустановки часто выходили из строя, ломались [\[1\]](#). Если в 1930 г. в ХАО насчитывалось 7 стационарных киноустановок, то в 1931 г. всего 4 стационарных киноустановки [\[9\]](#). Другим важным показателем можно назвать количество проведенных сеансов. За 1931 г. во всей ХАО было проведено 4938 киносеансов. Такое количество киносеансов обеспечило 13 кинопередвижек и 4 стационарных установки. Больше всего киносеансов было в Богградском районе (1260), так как там находилось 4 киноустановки (1 стационарная и 3 передвижных) [\[3\]](#). Именно в этот период начинается активная кинофикация области.

В последующие годы активно развивается сеть "Роскино" в ХАО. В 1931 г. у них было 2 стационарных установки и 15 передвижек, в 1932 г. 4 и 13 соответственно. В 1933 г. в ХАО появилась первая аппаратура способная воспроизводить звуковое кино. В системе "Роскино" в начале 1931 г. находилось 1 стационарная и 2 передвижных звуковых киноустановки. В процессе кинофикации одной из ключевых задач являлось обеспечение доступа к кинематографическим ресурсам для максимального числа колхозов, машинно-тракторных станций и сельских населённых пунктов.

Вторая половина 1930-х гг. характеризуется улучшением материально-технической базы и кадрового состава. В 1930-е г. начинают появляться профильно образованные кадры. Состояние материально-технической базы во второй половине 1936 г. можно охарактеризовать как развивающиеся. На момент 1936 г. в Хакасской автономной области функционировали 37 киноаппаратов, из которых 2 звуковых и 8 немых стационаров, 2 звуковых и 23 немых кинопередвижки, а к 1937 г уже 11 звуковых стационаров 3 звуковых кинопередвижки и 25 немых [\[8\]](#). Для сравнения в соседней Туве в 1937 г. было 28 киноустановок, а в Чкаловской области 110 киноустановок [\[10\]](#).

Однако при улучшении в ситуации с материально-технической базой и появлением профильно образованных кадров, коренным образом основные проблемы решены не были. К концу 1930-х гг. численный и профессиональный недостаток кадрового состава и невозможность поддержания и ремонта оборудования снижала производительность отдела кинофикации. При общем увеличении киноустановок возможность их обслуживания и ремонта оставалась минимальной. В отчете Хакасского областного управления кинофикации за 1939 г. приводится следующая статистика: полностью в рабочем состоянии незвуковых кинопроекторов было только 50%. 6 звуковых передвижек и 2 немых передвижки были не в рабочем состоянии. Плановые показатели не выполнялись (из 7895 сеансов было проведено 5168). Только Горкинотеатр смог перевыполнить план. Это было достигнуто из-за большого увеличения рабочих дней (вместо 15 рабочих дней в месяц они работали январь, февраль, март полностью) [\[2\]](#). В кинофикации сел тоже отмечались проблемы. Часто отсутствовала электроэнергия и киноустановки не могли работать. Не хватало горючего для кинопередвижек. Отсутствие квалифицированных кадров приводило к тому, что киномеханики выводили из строя, как аппаратуру для показа фильмов, так и сами пленки кинофильмов. В области отсутствовала киномастерская, где могли бы оперативно чинить вышедшую из строя аппаратуру. В 1939 г. из 4 звуковых кинопередвижек фактически функционировали только 2. Большой проблемой была и доставка фильмов. Из 185 колхозов и совхозов только половина регулярно обеспечивалась кинопрокатом. Вторая же половина страдала от отсутствия помещений, средств передвижения и топлива [\[7\]](#). Исключением служил только Богградский район, в котором кинопрокат был регулярным.

Главными любителями кино всегда оставались дети. В 1930-х г. большой проблемой оставалось отсутствие специальных детских картин, поэтому детям демонстрировались такие кинокартины как: «Человек с ружьем», «Чапаев», «Ленин в Октябре» и др. Так за отчетный период план по сеансам выполнен не был, но план по посещению был сильно перевыполнен (на 18 тыс.). В основном это было достигнуто благодаря посещаемости в селах.

Еще одной немаловажной проблемой была доставка фильмов. Из-за отсутствия прямого договора Хакасии с «Союзкинопрокатом» фильмы приходилось заказывать через г. Красноярск. Это приводило к частым сбоям в доставке и другим ошибкам. Часто фильмы задерживали или не высылали вовсе. Так из-за задержки с высылкой кинокартин кинотеатр в п. Шира простаивал 10 дней. В Таштыпе фильм «Враги», для которого развесили афиши, разрекламировали в газетах, так и не дошел до кинотеатров. После закономерного вопроса почему фильм не был выслан, поступил ответ: «Фильм не подходит для празднования Дня конституции». Были проблемы и с отправкой фильмов. В Бейский район дважды высылался кинофильм «Анненковщина», в ноябре и декабре. Были прецеденты по отправке неверных кинокартин. Так в Бейский район с опозданием на неделю вместо фильма «Дочь Родины» выслали фильм «Последняя ночь» [3].

Состояние кинофикации в Хакасии в конце 1930-х гг. можно охарактеризовать как проблемной. С одной стороны улучшилась материально-техническая база, с другой ощущалась нехватка кадров и непрофессиональность уже имеющихся. Отсутствовала киномастерская. Многие киноустановки стояли без работы, ощущалась проблема в доставке материалов, фильмов и т. д.

В довоенный период (1930-е годы) кинофикация в Хакасии характеризовалась рядом ключевых аспектов, отражающих как позитивные динамики, так и существующие проблемы.

- **Расширение сети киноустановок:** В начале 1930-х годов в Хакасии наблюдался значительный рост количества киноустановок благодаря централизованной политике развития культурной инфраструктуры, инициированной советским правительством. Это привело к увеличению числа демонстраций фильмов, что способствовало распространению кинематографа среди широких слоев населения.
- **Технические и кадровые ограничения:** Несмотря на прогресс в кинофикации, основными препятствиями оставались недостаток оборудования и нехватка квалифицированных специалистов. Проблемы с материально-техническим обеспечением приводили к частым сбоям в работе киноустановок, что снижало доступность и качество предоставляемых услуг. Нехватка специалистов по обслуживанию новых звуковых аппаратов также затрудняла переход на звуковое кино.
- **Социально-культурное значение:** Кинофильмы воспринимались не только как развлечение, но и как важный инструмент политической пропаганды и культурного просвещения. Кинематограф стал средством формирования общественного сознания, внедрения советских идеалов и ценностей в общество.
- **Непрерывные вызовы:** Довоенный период также подчеркивает наличие системных проблем, таких как экономическая нестабильность, воздействие социальных и политических изменений. Главные вызовы требовали комплексного подхода к решению вопросов кадрового обеспечения и модернизации инфраструктуры.

Таким образом, довоенный период кинофикации в Хакасии стал временем активного формирования кинематографа как социального и культурного явления, однако одновременно подчеркнул необходимость в решении существующих проблем для

обеспечения полноценного функционирования киноиндустрии.

Кинофикация в период Великой Отечественной войны.

К 1941 г. кинофикация в ХАО находилась на прежнем уровне. Все также не хватало штата киномехаников, был недостаток горючего, часто срывались расписания сеансов. В отчете Управления Кинофикации Хакасской автономной области указывались, что для работы не хватает 6 звуковых киномехаников и 4 немых киномеханика. Актуальной проблемой осталась отсутствие зданий для постановки кинофильмов [7].

К началу 1941 года в Абакане, помимо функционирующего летнего кинотеатра, было принято решение о строительстве нового зимнего кинотеатра. Кроме того, в планах значились несколько важных проектов в области кинематографической инфраструктуры. Задумка строительства нового зимнего кинотеатра была еще в 1930-х гг. В 1939 г. Президиумом Абаканского городского Совета депутатов трудящихся был поставлен вопрос о выделении средств на строительство летнего кинотеатра в г. Абакане. В том же году была отведена площадка для строительства стационарного кинотеатра [3]. С началом Великой Отечественной войны было решено не останавливать постройку кинотеатра. Недостаток средств и рабочей силы привел к тому что фактически кинотеатр сдавался в недостроенном состоянии, а введен в эксплуатацию был только 26 декабря 1944 г. Согласно штатному расписанию Абаканского городского кинотеатра «Победа» в 1945 г. в штате числилось 23 человека [3].

Тяжелое военное положение отразилось не только на строительстве новых кинотеатров, но и эксплуатации старых. Таким образом, в отчете ведомственно-профсоюзной организации за 2, 3 и 4 кварталы 1943 года представлены следующие данные: количество установок снизилось на 34%, количество рабочих дней — на 15,6%, количество сеансов — на 15%, количество зрителей — на 23%, а валовый сбор уменьшился на 3%. Однако различные налоги и отчисления увеличились до 504%, государственный налог увеличился на 53%, а прибыль уменьшилась на 26% [6]. Показательным примером можно назвать данные о посещении кинотеатров в городе Абакан за 1942 г. Средняя цена в городской кинотеатр составляла 1-90 р. взрослый билет, 0-65 детский [1], пропускная способность на 1 сеанс 1 киноустановки в городском кинотеатре была 320 человек. Среднее количество сеансов в день составляла 3 для взрослых и 0,5 для детей [4].

Анализируя эти данные можно прийти к следующим выводам: 1) отсутствие киномехаников и техники приводило к выходу из строя киноустановок и следовательно к уменьшению всех показателей 2) Военное время требовало больше средств для обороны страны, увеличивались государственные отчисления и налоги, отчего средств на содержание кинотеатров становилось все меньше.

В 1944 г. на заседании бюро Хакасского областного комитета КПСС отмечалось, что обслуживание кинофильмами районов области неудовлетворительное, особенно в период уборки урожая и заготовки сельскохозяйственных продуктов. Областное управление кинофикации под руководством начальника Просяникова не обеспечило нормальную работу киноустановок в районах. В Аскизском и Ширинском районах из-за технических неполадок кинопередвижки продолжительное время не работали. Крайне недостаточно работали передвижки в Боградском, Алтайском и Таштыпском районах. В Боградском, Ширинском и Таштыпском районах наблюдалась ситуация, когда киномеханики были мобилизованы для выполнения сельскохозяйственных работ, в

результате чего кинопередвижки не работали. Техническая поддержка, предоставляемая киномеханикам со стороны органов кинофикации, оказывалась недостаточной для полноценного и бесперебойного функционирования.

Хакасское отделение кинопроката также плохо снабжало фильмами киноустановки районов. За 8 месяцев 1944 г. вместо запланированных 745 фильма было получено только 610 кинофильмов. Репертуар имеющегося фильмофонда своевременно не обновлялся и техническая годность кинокартин была очень низкая.

Областная контора связи под начальством Т. Улетски не обеспечивала регулярную доставку кинокартин в районы области. В результате значительное количество фильмов продолжительное время лежали на складах отделения кинопроката, а кинопередвижки в районах вынуждены простаивать из-за отсутствия кинокартин [\[6\]](#).

Необходимо отметить работу кинотеатров в последний год войны. В поставленных планах на 1945 г. рассчитывалось получить прокатными средствами 830 тыс. рублей, увеличить интенсивность использования фильмофондов на 108 экранодней на копию, увеличить выдачу программ на 1 стационарную киноустановку 96 копий, а на 1 передвижную 24 копии, увеличить коэффициент обеспеченности киноустановок фондом 2,5 копии на 1 установку. Фактические показатели достигли 92 % от плана (746 тыс.) по собранным средствам, интенсивность показа составила 120 экранодней на 1 копию, выдано 84 копии на 1 стационарную киноустановку и 24 копии на передвижную, а коэффициент составил 1.8 копии на 1 киноустановку. Кроме того средний годовой процент технической годности звуковых фильмофондов составлял 84%, немых 62%. Но, на этом, проблемы не закончились. В отчете упоминается о 14 испорченных установках, 13 утерянных копий кинофильмов и 3 сожженных. Однако были и положительные моменты. В фильмофонд поступило 29 новых наименований (новых фильмов) и было отослано 42 копии фильмов [\[4\]](#).

Основными факторами, оказывающими влияние на неудовлетворительный результат (невыполнение плановых показателей на 8 %) были: простой кинотеатра "Победа" на 1.5 месяца из-за ремонта, недостаточная эффективность работы государственной сети в регионе, частые простои киноустановок в Шира, Бограде, Шарапово, Таштыпе из-за необходимости ремонта аппаратуры и задержек с поставкой необходимых деталей. Также была высокая интенсивность использования фильмофонда: 12 экранодней на каждую копию, что приводило к необходимости отправлять все копии на киноустановки в тот же день, когда они поступали в фильмофонд, и мобилизации всего штата сотрудников для ремонта копий. Недостаток фильмофонда ощущался на протяжении всего года, а некомпетентное отношение к хранению и использованию копий и киноустановок привело к повреждению или уничтожению нескольких фильмов и киноустановок [\[5\]](#).

Проблема с профессиональными кадрами и их численностью сохранялась и в 1945 г. В отчете о работе Хакасского областного отдела кинофикации отмечается, что начальников райотделов имеется всего 8 человек, а Усть-Абаканский район из-за отсутствия помещения для работы не имеет начальника. Районными организациями утверждено 4 начальника в Аскизе, в Сарале, в Таштыпе которых было необходимо заменить вследствие того, что они не соответствовали компетенциям должности начальника районного Управления кинофикации [\[3\]](#). Киномехаников было 21 из которых 12 умели работать на звуковых киноустановках 9 на немых. При том что все киномеханики работающие на немых киноустановках и 3 механика работающие на звуковых киноустановках не имели специального образования [\[3\]](#).

Кинофикация периода Великой Отечественной войны характеризовалась сложностями и тяжестью военного времени. Война повлекла за собой проблемы для развития кинотеатров, улучшения материально-технической базы и логистики. Однако строительство кинотеатров продолжалось. Особое значение имеет постройка кинотеатра "Победа" в г. Абакан. Строительство, начавшееся в 1941 г., окончательно завершилось в 1951 г. (хотя сдача произошла в декабре 1944 г.)

Рассматривая этот период можно прийти к следующим выводам:

1 . Состояние киноинфраструктуры: В условиях войны наблюдалось значительное ухудшение материально-технической базы киноиндустрии. Нехватка киномехаников и устаревшее оборудование приводили к сбоям в работе киноустановок, что негативно сказывалось на общем количестве сеансов и доступности фильмов для населения. Пропускная способность кинотеатров не соответствовала необходимым требованиям, а отсутствие регулярного обслуживания усиливало проблему.

2 . Финансовые ограничения: Военное время потребовало перенаправления государственных ресурсов на оборону, что привело к сокращению финансирования кинотеатров. Увеличение налоговых отчислений и отчислений на нужды армии не позволяло обеспечить полноценное функционирование кинофондов, что сказывалось на качестве предоставляемых фильмов и общих показателях кинофикации.

3 . Культурное и социальное значение кино: Несмотря на испытываемые трудности, кино сохраняло свою социальную функцию, обеспечивая местное население важной информацией и развлечениями. Кинофильмы, отражающие военно-патриотическую тематику, способствовали повышению морального духа и единства среди жителей Хакасии. Показ фильмов о патриотизме и борьбе советских войск заставлял зрителей ощутить свою причастность к общему делу.

4 . Проблемы кадрового обеспечения: Сокращение числа квалифицированных специалистов в киноиндустрии также оказало существенное влияние на процесс кинофикации. В 1946 году в области работало всего 98 человек, что ограничивало возможности для улучшения работы киноустановок. Однако, в последующие годы принятые меры по обучению и повышению квалификации кадров позволили постепенно преодолеть возникшие проблемы.

5. Долгосрочные последствия: Проблемы, возникшие в ходе войны, оказали заметное влияние на дальнейшее развитие киносети в Хакасии. Несмотря на увеличение числа киноустановок до 49 к 1951 году, уровень кинофикации оставался ниже необходимых стандартов, что требовало дальнейших усилий для реабилитации и развития этой сферы.

Таким образом, процесс кинофикации в Хакасии в период Великой Отечественной войны оказался подвержен значительным вызовам, что отразилось как на техническом состоянии киноинфраструктуры, так и на поддержании культурной функции кино в условиях военного времени.

Кинофикация в послевоенный период

В послевоенный период в стране началось восстановление народного хозяйства в стране. Эти процессы были присущи и к кинофикации. Однако кинофикация не была приоритетной целью, поэтому восстановление шло крайне медленно. Необходимо уточнить, что насыщение области киноустановками шло в плановом режиме. К 1946 г. многие киноустановки были в нерабочем состоянии. Фактически в рабочем состоянии

было всего 19 киноустановок (в том числе стационарные в кинотеатрах и кинопередвижки). Большая проблема сохранялась в виду отсутствия мастерских для ремонта киноустановок. Но за счет ремонта и появления новых киноустановок процесс кинофикации восстанавливался. В 1951 г. количество киноустановок достигло 49. Одной из самых знаковых учреждений культуры ХАО можно назвать кинотеатр "Победа" в г. Абакане. Однако проблемы оставались, так необходимо выделить техническое состояние кинотеатра "Победа". Фактически в 1944 г. в эксплуатацию было введено не все здание, а лишь зрительный зал на 500 мест, вестибюль, котельная, киноаппаратная. Служебные помещения находившиеся на втором этаже были сданы без остекления.

Второй большой проблемой был штатный состав отрасли. В 1946 г. штат сотрудников кинофикации в ХАО составлял 98 человек 30 из которых работало в "Победе". При этом квалификация персонала была неудовлетворительной. В последующие годы ситуация улучшилась. Проводились различные мероприятия для улучшения квалификации работников. Их отправляли на курсы, проводились совещания киноработников ХАО; в районах в каждом месяце проводилась техническая и политмассовая учеба, на которой подводились итоги работы каждого механика.

Были и другие проблемы, это задержка сеансов, неготовность помещений, отсутствие билетов, работа не полный год (в 1946 г. кинотеатр работал 180 дней).

Сельская киносеть имела схожие проблемы. Все они тянулись еще с 1930-х годов, а именно: большая текучесть и недостаток кадров, малое количество приспособленных помещений, небольшой репертуар, недостаток оборудования. Малое количество специализированных помещений решали с помощью размещения в клубах и избах-читальнях, но часто возникали ситуации когда приехавшую кинопередвижку негде было разместить. Зимой возникала проблема с отоплением помещений. Еще одной немаловажной проблемой оставалось критическая нехватка транспорта (машин, гужевого транспорта), а также топлива. В помощь с проблемой транспорта у отдела кинофикации, колхозы предоставляли свой транспорт. Основной причиной проблем с наполнением кинофонда в ХАО оставалось необходимость заказа фильмов через г. Красноярск, а не на прямую из Москвы. Также несвоевременная доставка фильмов приводила к срывам сеансов.

Положение в 1945 г. оставалось тяжелым. В отчетах Хакасского отдела кинофикации указывается, что за 10 месяцев 1945 г. план не был выполнен, причинами невыполнения плана назывались: невозможность работать в ежедневном режиме, недостаток рабочей силы, и т.д. Для борьбы с отсутствием помещений использовались коллективные просмотры фильмов на различных предприятиях. В отчете за 1949 г. указывался случай, когда для увеличения посещений начальника "Горавтотранса" т. Куликова и т. Грищева (директора кинотеатра "Победа") обязали организовать коллективные просмотры кинокартин. Особое внимание, руководство хакасского отдела кинофикации, планировало уделить жителям отдаленных районов города. Для этого были разработаны новые маршруты и расписания для автобусов [\[11\]](#).

Необходимо отметить, что систематическое невыполнение планов, плановых показателей было связано с еще одной проблемой, а именно с завышенными планами. Так, финансовый план 1947 г. оказался невыполненным на 40 млн рублей. Начальника 1-ой Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Г.А. Горнова пришлось даже уволить, согласно формулировке, он «не сумел улучшить работу Главкинопроката». В последующие годы кинопрокат часто не выполнял поставленные задачи по доходам.

Великая Отечественная война и послевоенные годы были сложными для киносети Хакасии. Во время войны отмечалась нехватка персонала и горючего, что привело к сбоям в выполнении планов. После войны наблюдался медленный рост киносети. Однако к 1951 г. число киноустановок увеличилось до 49. Проблемы, возникшие в период войны, существенно сказались на развитии киносети, замедлив его темпы.

Кинофикация в Хакасии в послевоенный период была направлена на восстановление киноиндустрии и решение структурных и кадровых проблем. Восстановление киносети стало приоритетом, однако, несмотря на увеличение количества киноустановок, качество обслуживания оставалось низким из-за нехватки финансирования и оборудования, что затрудняло развитие.

Сохранялась также острая нехватка квалифицированных кадров. Низкий уровень подготовки киномехаников негативно сказывался на качестве работы киноустановок. Многие специалисты не имели достаточных навыков, что подчеркивало необходимость повышения квалификации.

Кино продолжало выполнять важную социальную функцию, предлагая культурные события и укрепляя моральный дух населения. Повышенный интерес к фильмам, отражающим патристические темы, способствовал консолидации общества.

Недостаток финансирования оставался одной из основных проблем, ограничивая нормальное функционирование кинотеатров и затрудняя приобретение новых фильмов и обновление оборудования. В итоге, кинофикация в послевоенной Хакасии столкнулась с многими вызовами, требующими комплексного подхода для достижения устойчивого развития местной киноиндустрии и улучшения культурного досуга населения.

Кинофикация в Хакасии с 1930 по 1953 годы проходила через значительные преобразования и сложности. В начале 1930-х годов кинофикация стартовала активно: в 1931 году в регионе уже проводились тысячи киносеансов с помощью кинопередвижек и стационарных установок. Однако в первые годы одним из главных вызовов была необходимость модернизации материально-технической базы для перехода к звуковым фильмам, которая осуществлялась постепенно на протяжении 1930-х годов.

Во второй половине 1930-х наблюдалось увеличение количества и улучшение качества киноустановок, что сопровождалось появлением первых специалистов с профильным образованием. Однако на развитие продолжали влиять недостатки кадрового состава и сложная экономическая ситуация. Несмотря на увеличение числа киноустановок, оставались проблемы с их обслуживанием и ремонтом, что снижало эффективность работы кинофикации.

В годы Великой Отечественной войны кинофикация столкнулась с серьезными трудностями. Война потребовала мобилизации значительных ресурсов на оборону, что ограничивало возможности по поддержке киноиндустрии. Тем не менее, кино продолжало выполнять важные социальные функции: показы фильмов способствовали поддержанию морального духа населения.

После войны началась работа по восстановлению и дальнейшему развитию кинофикации, однако процесс шел медленно из-за ограниченных финансовых возможностей и нехватки специалистов по работе с новой звуковой техникой. К 1951 году количество киноустановок увеличилось, но этого было недостаточно для удовлетворения потребностей населения.

В течение всего периода, несмотря на существенные вызовы, кинофикация в Хакасии продолжала развиваться, играя важную роль в культурной и социальной жизни региона. Постепенное увеличение числа киноустановок и принимаемые меры по улучшению образовательного уровня кадров сформировали предпосылки для дальнейшего укрепления этой сферы в последующие десятилетия.

Библиография

1. Докладные и отчеты о работе радиокомитета, киносети, музея, изб-читален, клубов, красных уголков //ГКУ РХ «Национальный архив».-Ф.П-2.-Оп.1.-Д.777.-Л.57.
2. Докладные и отчеты о работе радиокомитета, киносети, музея, изб-читален, клубов, красных уголков //ГКУ РХ «Национальный архив».-Ф.П-2.-Оп.1.-Д.777.-Л.58.
3. Отчет о работе областного управления кинофикации//ГКУ РХ «Национальный архив».-Ф.П-2.-Оп. 1.-Д. 1157.-Л.19
4. Отчеты о работе театров, кинофикации, Бейской районной партийной школы, учреждений культуры//ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.П-2.-Оп. 1. Д.-1154.-Л. 3-4.
5. Отчеты о работе театров, кинофикации, Бейской районной партийной школы, учреждений культуры//ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.П-2.-Оп. 1. Д.-1154.-Л. 4-5.
6. Протоколы заседаний бюро обкома ВКП(б) № 1-30// ГКУ РХ «Национальный архив».-Ф.П-2.-Оп.1.-Д.1030.-Л.456-457.
7. Отчеты киноустановок о работе за 1942 год и планы работы на 1943 год// ГКУ РХ «Национальный архив».-Ф.Р-336.-Оп.1.-Д. 9.-Л. 45-47.
8. Планы и сметы эксплуатационных расходов// ГКУ РХ «Национальный архив».-Ф.Р-336.-Оп. 1.-Д. 7.-Л. 107.
9. Асачаков В.А. Культурное Строительство в Хакасии (1917-1937)/Хакасское отделение книжного издательства Абакан 1983 С.67
10. Белекемова В. Мунге, Арама М. Монгуш Становление и развитие кинофикации в Тувинской Народной республике//Новые исследования Тувы №3 С.83-100 2020
11. Окольников О.И. Развитие кинофикации в Хакасии по документам ГКУ РХ "Национальный архив"/АДА ЧИР-СУУ-ОТЕЧЕСТВО Краеведческий альманах. Том Выпуск 3. Редакционный совет: В.Ф. Буров [и др.]. Абакан, С.170-173. 2015
12. Сведения о культурно-массовой работе в области и о педагогическом персонале области// ГКУ РХ «Национальный архив» Ф. Р-39. - Оп.1. - Д.52. - Л.2

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В одном из советских фильмов герой предрекает, что со временем не будет ни кино, ни театра, а только «одно сплошное телевидение». Сегодня многие пророчествуют об эпохе интернета, которая заменит все предшествующие достижения человечества в сфере культуры и коммуникации. Думается, что все эти предсказания являются во многом надуманными и преувеличенными, и говорить о закате эры кино преждевременно. Всем памяты слова В.И. Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», тем интереснее проследить становление советской киноиндустрии.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является кинофикация Хакасии с 1930 по 1953 гг. Автор ставит своими задачами проанализировать кинофикацию в Хакасской автономной области в 1930 - 1940 гг., рассмотреть ситуацию в военные и послевоенные годы. Хронологические рамки исследования охватывают период от возникновения Хакасской

автономной области до завершения «сталинского» периода.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта».

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать процесс становления и развития кинофикации в Хакасской автономной области в 1930-1953 гг. Научная новизна статьи определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя 12 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов ГКУ РХ «Национальный архив». Из привлекаемых автором исследований укажем на труды В.А. Асачакова и О.И. Окольниковой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения культурного строительства в Хакасии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как кинофикацией Советского Союза, в целом, так и кинофикацией в Хакасии, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Хотя структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, к ней есть замечания: так, в работе отсутствует заключение, в котором автор отразил бы итоговые выводы. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «состояние кинофикации в Хакасии в конце 1930-х гг. можно охарактеризовать как проблемной»: «с одной стороны улучшилась материально-техническая база, с другой ощущалась нехватка кадров и не профессиональность уже имеющихся». В работе отмечается, что в период Великой Отечественной войны можно однозначно говорить о значительном снижении показа кинофильмов в Хакасской автономной области, а послевоенное восстановление было так же не простым. В то же время в годы войны, и это весьма примечательно, как отмечает автор рецензируемой статьи, был введен в эксплуатацию кинотеатр «Победа» в Абакане.

К сожалению, как уже отмечалось выше, в статье отсутствуют заключительные выводы.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В то же время автор работы тяготеет к описательности, к статье есть существенные замечания:

- 1) Необходимо вычитать текст, устранив несогласованности, пунктуационные ошибки и т.д. (например, «Для борьбы с отсутствием помещений использовались коллективные просмотры фильмов на различных предприятиях», «Начальника 1-ой Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Г.А. Горнова пришлось даже уволить, так как, он «не сумел улучшить работу Главкинопроката». однако это не исправило ситуацию» и т.д.).
- 2) Библиография статьи должна быть приведена в соответствие с требованиями

журнала.

3) В конце статьи следует показать итоговые выводы.

Только после исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Кинофикация – не частый, но интересный предмет исследования, особенно на региональном уровне. В советский период развитие киносети и кинообслуживание населения происходили неравномерно.

Хронологически рассмотрение кинофикации начинается с года основания Хакасской автономной области (1930 год), эволюция кинофикации логично разделяется на три периода довоенный, в годы Великой отечественной войны и послевоенный до 1953 года.

История кинофикации Хакасии началась с 4 стационарных и 13 передвижных киноустановок, позволивших провести менее 5 тысяч сеансов за 1931 год. Год знаковый для советского кино, вышел первый советский фильм «Путевка в жизнь», открылся первый советский звуковой кинотеатр «Ударник» в Москве. В ХАО система кинофикации ещё не сложилась, хотя и начинала развитие сеть «Роскино».

В статье много внимания уделяется материально-техническому обеспечению кинопроката, однако мало внимания – репертуару и количественным характеристикам зрительской аудитории. Справедливо указывается на дефицит детского кино, но это общее явление, более того, скорее характеризующее этап развития кинематографа, рассматривавшегося как искусство для взрослых.

Любопытно, что первоначально планы по сеансам и по посещениям оказывались несогласованными, иначе нельзя понять, как план по показам был не достигнут, а по посещениям существенно превышен. В работе показано, как отсутствие прямых отношений с «Союзкинопрокатом» приводило к сбоям заказов и доставки кинолент через Красноярск.

В работе доказано, что кинофикация периода Великой Отечественной войны была связана со сложностями и тягестями военного времени. Несмотря на отмечаемую важность развития кинотеатров для целей пропаганды, улучшение материально-технической базы и логистика в киноиндустрии сильно замедлились. Внимательно рассмотрен примечательный пример постройки кинотеатра «Победа» в Абакане.

В работе справедливо представлены факторы, сложившиеся в годы Великой отечественной войны и определившие дальнейшую судьбу кинофикации Хакасии: состояние киноинфраструктуры, финансовые ограничения, проблемы кадрового обеспечения.

Ключевые замечания к статье касаются тезисов о важной социальной функции кинотеатров, сложно сделать какие-то конкретные выводы на основе исключительно данных о материально-технической базе кинотеатров, никаких ясных наблюдений о содержании киносеансов и изменениях, происходящих в годы войны и после него.

В статье сделан верный вывод, что «несмотря на существенные вызовы, кинофикация в Хакасии продолжала развиваться, играя важную роль в культурной и социальной жизни региона», однако совсем нету речи о факторах кинофикации, которая рассматривается будто бы естественный процесс: важно отметить, кто инвестировал в кинофикацию, каковы были доли вложений (союзные фонды и местные), откуда именно брались новые

квалифицированные специалисты. Интересно выяснить, какова связь развития сети местных кинотеатров с темпами развития самостоятельной советской индустрии.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Никитюк В.А. Формирование сербской национальной идеи и ее реализации в политических программах XIX века // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.71705 EDN: FAULFJ
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71705

Формирование сербской национальной идеи и ее реализации в политических программах XIX века

Никитюк Владимир Александрович

кандидат исторических наук

доцент; кафедра Новой и новейшей истории стран Азии и Африки; Московский педагогический
государственный Университет

119571, Россия, г. Москва, ул. Вернадского, 88

✉ vanikityuk@bk.ru

[Статья из рубрики "История политических и правовых учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.71705

EDN:

FAULFJ

Дата направления статьи в редакцию:

15-09-2024

Дата публикации:

24-09-2024

Аннотация: Предметом исследования является формирование сербской национальной идеи в XIX веке. Объектом исследования являются национальные сербские политические программы в XIX веке. Особое внимание уделяется деятельности следующих политических деятелей: Илии Гарашанина, Стояна Новаковича, Николы Пашича, Светозара Марковича и других. Автор анализирует политические программы XIX века, деятельность партий, а также официальное законодательство, в котором была отражена национальная идея, ее развитие и укрепление. Таким образом, одной из задач работы заключается в рассмотрении эволюции сербской национальной идеи на протяжении XIX века. Помимо этого, особое внимание в статье уделено деятельности Сербской православной церкви, ее роли в народно-освободительном движении XIX века, а также в формировании национальной идеологии. Написание данной статьи,

поставленные автором цели и задачи обусловили использование следующих методов исследования: аналитического, сравнительного и типологического. Помимо этого были использованы специфические для исторической науки методы исследования – историко-генетический, историко-системный, ретроспективный. Научная новизна работы определяется постановкой научной проблемы; привлечением публикаций (в том числе, и на иностранном языке), изданных в течении последних 5 лет; привлечением исторических источников, не переведенных на русский язык. Помимо этого, автор в статье анализирует деятельность СПЦ, истории которой в научной отечественной литературе уделено недостаточно внимания. Основными выводами проведенного исследования являются: сербская национальная идеология в XIX в. формировалась в условиях народно-освободительного движения, а также – частично – под влиянием Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской), Российской и Османской империй; влияние на формирование национальной идеи оказали не только государственные институты, но и оппозиционные политические партии; особое место в эволюции национальной идеи занимает Сербская православная церковь, конкурировавшая с государственным аппаратом в сфере идеологии. Таким образом, на протяжении XIX в. зародилась, сформировалась, эволюционировала сербская национальная идея, некоторые аспекты которой были не только зафиксированы, но и реализованы во внутренней и внешней политике.

Ключевые слова:

Сербия, Илия Гарашанин, Никола Пашич, Сербская радикальная партия, Сербская православная церковь, народно-освободительное движение, Народная скупщина, сербский милитаризм, митрополит Михаил, Начертание

Введение

XIX век стал веком зарождения национальных государств, «началом конца» империй, бурным экономическим ростом и развитием национальных буржуазий. Где-то данные процессы происходили быстро, где-то – гораздо медленнее, но везде существовали объективные предпосылки для создания государства нового типа.

Данный процесс коснулся и Балканского полуострова. Славянские земли, находившиеся под османским владычеством более четырехсот лет, в начале XIX века осознали необходимость борьбы со своими завоевателями, и вместе с этим в обществе просыпались национальные чувства, начался процесс самоидентификации.

Сербия была одним из первых славянским народом, кто начал сопротивление турецким завоевателям. Экономическая и политическая отсталость, вызванная годами порабощения, не позволила ей вступить в полноправную битву с пусть и разлагающейся, но по-прежнему могущественной Османской империей. Тем не менее, это были первые важные шаги на пути к собственной независимости. Это стало причиной поиска помощи у других сильных держав – Австро-Венгрии и России, иногда – у славянских соседей. В столь противоречивых обстоятельствах рождались первые внешнеполитические проекты, выражающие национальные интересы.

В дальнейшем Сербия, объединившаяся с союзниками, все же получила желанную и долгожданную независимость в 1878 г. Как ни странно, именно с этого момента началась активная политическая и идеологическая борьба внутри государства. Сербия слишком быстро вписалась в сонм развитых и цивилизованных стран, хотя объективных процессов

для этого не было. За пару десятков лет она должна была пройти то, что европейские государства проходили столетие, если не больше. Итогом этого стал кризис власти.

Решающую роль в этих событиях играла оппозиционные силы. Например, Сербская радикальная партия, выразительница национальных интересов. Ее деятельность, как во внутренней, так и во внешней политической жизни приводила и к положительным, и к отрицательным последствиям. Важную роль также играла Сербская православная церковь. Она не только объединила православных христиан Балканского полуострова, но и, в дальнейшем, пыталась диктовать внешне- и внутривнутриполитический курс государственному аппарату.

Предметом исследования является формирование сербской национальной идеи в XIX веке. Объектом исследования являются национальные сербские политические программы в XIX веке.

Цель исследования – проанализировать формирование сербской национальной идеи и рассмотреть ее реализацию в политических программах XIX века.

Задачи исследования: 1) рассмотреть официальную государственную политику в решении национального вопроса; 2) определить роль оппозиционных сил и их влияние на формирование сербской национальной идентификации; 3) проанализировать деятельность Сербской православной церкви в условиях национально-освободительного движения и – позже – в условиях независимого сербского государства.

Научная новизна работы определяется постановкой научной проблемы; привлечением публикаций (в том числе, и на иностранном языке), изданных в течении последних 5 лет; привлечением исторических источников, не переведенных на русский язык. Помимо этого, автор в статье анализирует деятельность СПЦ, истории которой в научной отечественной литературе уделено недостаточно внимания.

Обзор литературы

Источниковая база исследования. Документы официального характера: законодательные акты, дипломатические документы, официальные постановления правительств, выступления представителей власти, периодическую печать, переписку государственных деятелей. Также были использованы личные источники: мемуары, воспоминания, письма и дневники.

Тексты Основного Закона Сербии: 1835 г. - Сретенский Устав, в 1838 г. – Турецкая конституция, 1869 г. – Конституция Княжества Сербия, 1888 г. – Конституция Королевства Сербия. Эти документы наглядно показывают развитие политической мысли Сербии касательно реализации национального вопроса.

Программа И. Гарашанина «Начертание», которая на протяжении нескольких десятилетий являлась основой для осуществления Сербией внешней политики. Помимо этого, рассмотрены также программы – не всегда оформленные и конкретные, – но популярно представляющие цели политических партий. Например, Сербской радикальной партии.

Помимо этого, в качестве источников использовались документы личного характера из архивов следующих лиц – Н. Пашича, Й. Ристича, С. Марковича, П. А. Кулаковского, Э. Лавелэ, П. А. Висковатова и других.

Особое место занимают в работе донесения российских и европейских дипломатов и

общественных деятелей, их письма и дневники. Многие из документов опубликованы в сборнике под редакцией К. В. Никифорова – «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине», а также в сборнике А. Л. Шемякина «Русские о Сербии и сербах» в трёх томах.

Также в качестве источников были использованы сообщения в прессе, в которых зачастую высказывались оригинальные мысли, а анализ ситуации находился на высоком уровне. Помимо этого, из данных печати можно узнать официальную позицию правительства и, таким образом, проанализировать его мнение и возможные планы. Особенно ярко это видно на примерах отзывах в иностранной прессе о принятии в Сербии Конституции в 1888 г.

Обширный пласт источников на русском и сербском языке позволяет рассмотреть картину более полно и прийти к объективным выводам.

Историография исследования. Сербская история последней трети XIX – начала XX вв. обширно исследована как российскими, так и зарубежными специалистами. Взаимоотношения Сербии и России в непростой для королевства период свои работы посветили С. И. Данченко, К. В. Никифоров, Р. Н. Игнатьев, Г. Милорадович и другие. В своих трудах исследователи уделяют пристальное внимание документам, а также данным из личных архивов непосредственных участников событий. Зачастую многие документы опубликованы впервые непосредственно в монографии.

Хотелось бы отметить вклад К. В. Никифорова в изучении программы «Начертание». В его работе, посвященной И. Гарашанину и сербской внешней политике, находится детальный разбор документа, а также полностью приведён его текст на русском языке. А. Л. Шемякин внес вклад в изучении идеологии Сербской радикальной партии и деятельности Николы Пашича.

Непосредственно по предмету исследование важным оказалось диссертационное исследование Колинченко Ю. В. – «Сербская православная церковь в 1878 – 1920 гг.: национальная идеология и политическая практика». В работе автор проводит детальный анализ развития взаимоотношений между государством и церковью, опираясь на многие исторические источники, которые так и не были изданы в России на русском языке. Примечательной для автора является выбранная тема работы и ее глубокий анализ.

Также следует отметить большой вклад Института славяноведения РАН, который издает сборники, посвященные той или иной узкой проблематике, в том числе и развитию поместных православных церквей. В них также рассматриваются этапы модернизации сербского общества, его борьбы и поиска национальной самоидентичности. Наиболее значимыми для автора стали «Человек на Балканах» и «На путях к Югославии».

Помимо этого, автор использовал в исследовании работы следующих российских и сербских историков: Л. В. Кузьмичевой, Е. О. Княжевой, Г. И. Шевцовой, А. Ю. Тимофеева, П. В. Крестича, Г. Станковича, Г. Раденковича, Д. Горчевича и др.

Зарождение сербской национальной идеи: от Сретенского Устава до «Начертания»

В результате 400-летнего турецкого владычества на Балканском полуострове Сербией были утрачены уникальные черты государственности, культуры и законодательства, интеллектуальная часть общества. Осознание этих процессов и побуждение превратить Сербию в независимое государство привело к Первому сербскому восстанию. Несмотря

на то, что восстание было подавлено Турцией, оно зародило основу национальной самоидентификации сербского народа. Идея национально-освободительного движения нашла свое отражение во Втором сербском восстании. Однако до 1830 г. Сербия оставалась провинцией Османской империи [\[24\]](#).

Главным достижением Второго сербского восстания являлось провозглашение Сербии самоуправляющимся княжеством под верховной властью Турции; наш шестью нахиями (муниципалитетами) были снова признаны права Сербии. Сербь получили право на армию, суды и школы. Это было зафиксировано султанскими хатти шерифами 1830 и 1833 гг., которое было направлено против турецкого гнета. Оно создало базу для последующей успешной национально освободительной борьбы.

Помимо этого, Первое и Второе сербские восстания «подарили» государству родоначальников двух династий - Георгия Карагеоргия и Милоша Обреновича. Они сменяли друг друга в ходе ожесточенной борьбы с 1833 по 1903 г. В 1830-1833 гг. на основании договоренностей с Россией султан издал фирманы, дарующие Сербии автономию (в границах Белградского пашалыка), а Милош Обренович был провозглашен наследственным сербским правителем - князем.

Князю Милошу (1830 – 1839 гг.) были свойственны необходимые для правителя качества - решительность, последовательность, но вместе с тем он был изворотлив, лукав и корыстолюбив. Половченко К.А., описывая режим личной власти М. Обреновича, пользуется следующим замечанием Слободана Йовановича: «Милош правил Сербией так, как правил бы ей паша сербского происхождения: его система управления имела явно восточный характер» [\[24\]](#). Его деспотическим режимом были недовольны даже бывшие товарищи, хотя им были жалованы награды и почетные должности. После очередного народного восстания 1835 г., а также под давлением Турции, России и Австрии князь Милош пошел на уступки и согласился принять конституцию, которая ограничивала его власть.

Текст данной конституции включал в себя все достижения либеральной буржуазной мысли того времени. По мнению большинства сербских конституционалистов, образцом проекта Сретенской Конституции (она получила такое неофициальное название, потому что Милош Обренович решил созвать скупштину в день празднования важнейшего православного праздника «Сретения Господня») послужили французские Конституция 1791 г. и Конституционная хартия 1814 г.

Согласно 1-ой главе Конституции Сербия, по признанию султана Махмуда II и императора Николая I, становилась неразделимым и независимым княжеством. И, согласно законам, границы и названия внутренних территориальных единиц государства могли быть изменены [\[5\]](#). III глава указывала на то, что в Сербии организовались три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная; причем, две первые были в руках князя и Государственного Совета. Эта же глава показывает состав Государственного Совета: 6 попечителей «отдельных лиц и сфер деятельности» (правосудие, финансы, внутренние, иностранные и военные дела, просвещение), неопределенного числа советников, председателя совета и главного секретаря совета [\[5\]](#).

IV глава была посвящена деятельности законодательных органов, а также проведению в жизнь вновь изданных законов: ст. 10 - «каждый закон <...> будет обнародован от лица Государственного Совет и подписан именем князя» [\[5\]](#); ст. 11-14 - Совет попечителей

предлагает Государственному Совету законы, Совет их рассматривает и передает князю на одобрение, а князь в свою очередь, в течение 20 дней принимает решение: принять закон или же отклонить его.

Конституция выделяла отдельную главу под полномочия князя: князь становился неприкосновенным главой государства, имел право помиловать или смягчать приговор для виновных, мог даровать знаки отличия и знатность роду, имел право держать при себе людей, не находящихся на службе в Государственном совете, которые смогут давать советы и которых сможет выбрать самостоятельно. По этой конституции Государственный Совет был «второй силой» государства после князя и княжеской власти. Совет следит за тем, чтобы «не причинялась какая-нибудь несправедливость» [\[5\]](#) простому сербскому гражданину; руководит законодательством во всех областях; предлагает решения на тот или иной вопрос, пришедший от князя.

Предполагались 3 ступени судебной системы: Окружной суд, Великий (Большой) суд и Государственный Совет, который выделит одно отделение для судебных процессов. По всей Сербии правосудие должно было быть равным для всех, «и никто не имел бы право оспорить решение суда, ни с большей, ни с меньшей властью в Сербии» [\[5\]](#).

Конституция была утверждена князем феврале 1835 г. Однако так и не вступила в действие из-за негативной реакции России, Австрии и Турции. Взамен нее в 1838 г. султан Махмуд II даровал Сербии другую конституцию, которая получила название – «Турецкая Конституция». Ее проект был составлен в Константинополе сербской делегацией, в лице Аврама Петрониевича, Якова Живановича и Йована Спасича, представителями России и Порты. В процессе составления конституции основным вопросом для споров был в какой мере «ограничить влияние князя на принятие ответственных решений» [\[25\]](#). В дальнейшем некоторые составители признавались, что им было абсолютно непонятно, как дальше будет функционировать система власти в Сербии. Она расширяла власть князя, но для контроля над ним передала законодательную власть олигархическому органу - Государственному совету, советники которого заставили Милоша в середине 1839 г. покинуть княжество. Через три года и его сын был изгнан в Австрию, а к власти пришли противники Обреновичей. В 1843 г. на сербский престол был приглашен младший сын Карагеоргия, Александр.

Таким образом, на этапе Первого и Второго Сербского восстания зародилась сербская национальная идея, целью которой было освобождение от турецкого владычества. В результате восстаний в Сербии появились две ветви (два рода), которые могли бы претендовать на власть – Обреновичи и Карагеоргиевичи. Национально-освободительное движение оказалось сращено с государственной властью, и законодательным апогеем этого стало создание Сретенской Конституции, которая фиксировала за Сербией права на собственную армию, образование, культуру и государственный аппарат. Тем не менее, этим надеждам не суждено было сбыться, и путь борьбы продолжился.

Сербская национальная идея наиболее полно нашла свое отражение в программе «Начертание» Илии Гарашанина, сербского министра внутренних дел. Следует отметить, что на «Начертание» существенное влияние оказали более ранние документы – «Донесение о Сербии Дэвида Уркварта» (1833 г.), «Советы Сербии по проведению внешней политики»; активное участие в их создании принимали иностранные авторы – Ф. Зах, А. Чарторыйский [\[23, с. 123\]](#).

В начале программы И. Гарашанин сформулировал первую наиболее важную задачу для

развития Сербией собственной государственности, а также расширения ее территорий – «... в союзе с остальными окружающими ее [Сербию] народами будущее свое обеспечить» [\[1, с. 237\]](#). Также автор отметил, что сербы стали первым из славянских народов, кто собственными силами боролся за свою свободу от турецкого ига, а значит именно они обладали правом направлять борьбу против османского владычества. Сербия, по программе Гарашанина, должна была стать господствующим между Австрией и Россией государством, гегемоном на Балканском полуострове.

Для этого было необходимо решить следующие задачи – определить средства достижения цели, а также определить политику в отношении Болгарии, Боснии, Герцеговины, Черногории и Северной Албании. Для осуществления этого предполагалось отправить в эти земли верных правительству людей, которые, по возвращении, составили бы доклад о внутренней ситуации на данных территориях (политическое положение; военное состояние народа и страны; влиятельные люди, в том числе, и противники государства; мысли о Сербии). Для укрепления собственного влияния в Болгарии программа предлагала: 1) открытие школы для болгар; 2) осуществление религиозных связей путем отправления болгарских священнослужителей на обучение в Сербию; 3) печать болгарской религиозной литературы в Сербии, и наоборот [\[1, с. 237 - 238\]](#).

Наибольшее влияние Сербия имела на народы Боснии, Герцеговины, Черногории и Северной Албании. Сербский драматург и поэт, Матия Бан, который придерживался панславистских взглядов и поддерживал идеи И. Гарашанина, в одном из своих произведений привёл вымышленный диалог между сербом и французом. По сюжету, француз настаивал на том, что свобода населения Балкан возможна только если народы выступают единым фронтом сначала против турок, т. е. босняков, а затем – осман. Серб отвечал: «Что ты говоришь! Кого мы должны убить? Наших турок? Пролить нашу кровь и ослабить нашу национальную силу? Нет. Если мы истребим турок, разве тысячи наших не умрут? А что потом? Если они исчезнут, то от нас останется только половина, и мы снова попадём под власть османов или австрийцев. Так что мы получим? Это плохая сделка, друг мой!» [\[12, с. 118\]](#).

Предлагалось также отправить на службу несколько молодых боснийцев, чтобы те получили навыки «политического и финансового управления, правосудия и общественного образования» и могли применить их в своем отечестве, «дабы они в своей работе абсолютно прониклись спасительной идеей общего воссоединения и великого развития» [\[1, с. 245 - 246\]](#).

Для того, чтобы привлечь внимание народов католического и мусульманского вероисповедания, необходимо было заинтересовать их идеей объединения Боснии с Сербией. Для достижения этой цели нужно начать печать молитвенных книг; сборников песен, которые были бы напечатаны и на кириллице, и на латинице; краткую, доступную и народную историю Боснии со всеми именами и людьми, перешедшими в магометанскую веру. Таким способом можно было уменьшить в Боснии австрийское влияние.

И. Гарашанин понимал, что в Боснии живут разные по вероисповеданию народы, и пишет, что привлечь на «свою» сторону боснийцев-католиков будет куда сложнее, чем боснийцев-мусульман, потому что «во главе их стоят монахи-францисканцы».

И. Гарашанин понимал значение Черногории для Сербии и предлагал предоставить владыке Черногории надлежащую ежегодную денежную помощь. С чешскими славянами

программа советует лишь ознакомиться. Выгода от этого союза стала бы очевидной по мере выполнения плана.

В связи с этим в «Начертании» выделено три основополагающих принципа сербской политики: свобода вероисповедания; наследственный характер княжеского достоинства (сразу нужно отметить, что Сербия отводит себе единоначалие в управлении государством, а остальные народы могли избирать на некоторое время авторитетных людей, чтобы была возможность образовать из них совет); единство народности.

Таким образом, «Начертание» становится своеобразной утопией, мечтой сербского народа об идеальном государстве, в котором она отводит себе роль управления государством, а другим присоединившимся народам - роль участников совета. Во многом программа была вдохновлена успехами Первого и Второго Сербского восстаний, а также возросшим авторитетом Сербии на Балканском полуострове. Попытка определить свое место в регионе и развитие стратегии были закономерным ответом на возрастающий сербский авторитет.

Сербия после освобождения: национальные силы против правящей династии и приход к власти оппозиции

Многовековая зависимость Сербии от Османской империи не могла не отразиться на ее политической и экономической жизни. Ее развитие не вписывалось в рамки развития европейских государств, и независимая с 1878 г., Сербия отличалась от своих западных соседей. Отметим несколько принципиальных моментов, которые в дальнейшем повлияли на политическую жизнь княжества: 1) отсутствие собственного дворянства и элиты; 2) слабая экономическая система; 3) преимущественно – сельскохозяйственный и аграрный труд; 4) особая экономическая и социальная система: земля была практически поровну разделена между членами общества, местная власть избиралась из крестьянского населения; 5) слабая централизованная власть, сосредоточение внутри «общинно-задружного социума».

Эмиль де Лавэле, бельгийский экономист, так отзывался о политическом устройстве княжества: «Народ управляется сам собой, через своих представителей, которых избирают все, платящие налоги. Демократия, которую в других местах приходилось основывать путём силы, иногда ценой кровавых переворотов, здесь существует как древнее учреждение и унаследованный обычай» [\[3, с. 27\]](#).

После получения независимости Сербия пережила серьезный политический скачок. В западных европейских государствах на это уходили годы, если не столетия, а на землях Балканского полуострова предстояло провести своеобразную «модернизацию» в течение нескольких лет.

Оказало влияния и то, что Берлинского конгресса князь Милан медленно отворачивался от России, решив связать «судьбу страны с Габсбургской монархией» [\[9, с. 43\]](#). Вестернизация страны подразумевала следование европейским либеральным идеям, что было сложно осуществить в традиционном и патриархальном сербском обществе, демократия которого базировалась на принципах отношений между старейшиной и общиной. Как верно заметил историк Д. Джорджевич: «Балканские страны в XIX в. попытались включиться в Европу, заведя у себя европейские институты, но то балканское "обезьянничанье" было пронизано сильнейшим традиционализмом» [\[13, с. 55\]](#)

Кроме того, в 1881 г. была заключена австро-сербская конвенция, по которой внешняя политика страны была подчинена Вене, что фактически, означало австро-венгерский

протекторат. Взамен империей было обещано экономическая и политическая поддержка династии Обреновичей. Сербское княжество стало королевством.

Политическая борьба в Сербии становится более ожесточенной и приобретает собственные, далекие от европейских формы. В 1881 г. сербское общество разделилось на «партии», причём каждая из них «воспринимала себя как спасительницу Сербии» [\[27, с. 181\]](#), а остальные, особенно представители официальной власти, воспринимались как враги народа.

Наиболее популярны среди сербского общества была прогрессивная партия, которая транслировала интересы представителей власти, и радикальная партия, противостоящая ей. Вторая пользовалась политическим успехом, в том числе, и на выборах в скупщину.

Рассмотрим программу Сербской радикальной партии (СРП) и подробно остановимся на ее идеологе, человеке, который замыкал на себе ее деятельность и программу – Николе Пашиче. Эта фигура одна из самых значимых в сербской истории, и постепенно ее образ «трансформировался в сознании многих в некий миф или спасительный талисман, без которого правильно не решаются никакие дела» [\[26, с. 186 - 187\]](#). Он виделся человеком, который защищал Сербию от европейской модернизации и стремился сохранить традиции и укрепить приобретенную в ходе восстаний и жестоких войн независимость.

В 1880 – ых гг. идеологический фундамент радикальной партии уже был предметно очерчен, и его выразил сам Н. Пашича: «Наша партия полагает, что у сербского народа есть столько хороших и здравых учреждений и обычаев, что их оставалось бы только беречь и дополнять теми прекрасными установлениями, которые имеются у русского народа и остальных славянских племен, а с Запада брать только технические знания и науку и пользоваться ими в славяно-сербском духе».

Н. Пашич предлагал опираться на православную церковь, сельскую общину и традицию народного самоуправления. Эти традиционные для славян институты не только помогли выстоять под османским игом, но и должны сыграть решающую роль в начинающемся с Австро-Венгрией и правительством, подвластным ей, противостоянии.

Разумеется, Н. Пашич понимал, что для осуществления этой политики ему нужен верный союзник. Взгляды радикалов были обращены к России. Н. Пашич принялся восстанавливать авторитет «старшей сестры», который заметно пошатнулся после Сан-Стефанского мирного договора и Берлинского конгресса. Виновником сложившейся ситуации Н. Пашич признал политику Й. Ристича, которая якобы являлась «антирусской» и «публично отпускал России ее сан-стефанский «грех», давая простому сербскому крестьянину укрепить его пошатнувшуюся веру» [\[11, с. 195\]](#).

Н. Пашич и его сторонники поддерживали отношения со славянофильскими организациями. Помимо этого, они также пытались добиться «извне – освобождение и объединение *всех частей* сербского народа» [\[22, с. 112\]](#), т. е. сближение с Болгарией, Черногорией, вывод Боснии и Герцеговины из-под австрийской оккупации.

В связи с «вторжением» иностранных государств в политическую сферу Сербии также остро стоял вопрос об экономической независимости страны. Партия радикалов была противником внедрения иностранного капитала, скупки земель западными державами и строительством ими же железной дороги и предприятий. Светозар Маркович, сербский социалист и один из приближенных Н. Пашича, считал, что государство должно было взять на себя экономическую функцию – создать условия для роста отечественного

производства и не позволить проникнуть эксплуатации в отношения.

Успехом радикальной партии является Тимокское восстание 1883 г., которое было вызвано не только экономическими причинами (усиление налогового гнета, увеличение власти торгового и экономического капитала), но и - политическими. Прозападные настроения короля Милана и его сторонников не вызывали симпатию у народных масс. Однако успех сменился поражением: восстание было подавлено, что нанесло сокрушительный удар по СРП. Многие сторонники были расстреляны и отправлены на каторжные работы. Н. Пашичу удалось сбежать.

Следует отметить, что, однако, как официальная политика, так и деятельность оппозиционных групп, были направлены на следование национальным сербским интересам. Пути достижения только были разные.

Король Милан видел спасение в союзе с западными державами, модернизации, централизации управления по европейскому образцу и сохранении династии; Н. Пашич считал, что следует стремиться к истинно славяно-сербской демократии и устанавливать связи с другими славянскими народами, защищать экономику от иностранного вмешательства.

Что же, цена этой борьбы была высока... Победивший бы получил сербский престол.

Ситуация в Сербии и соседних государствах обострялась. Н. Пашич, находившийся в то время за границей, разворачивали активную деятельность по подталкиванию Сербии к восстанию. Одним из планов было «провозгласить [сербско-болгарскую] унию под эгидой династии Карагеоргиевичей, поднять восстание в Македонии и присоединить её к нашему совместному государству» [\[11, с. 273\]](#). Однако этому не суждено было осуществиться: болгарское правительство во главе с Петко Каравеловым было достаточно осторожным и не поддержало пламенные идеи Н. Пашича и его сторонников в Болгарии.

Король Милан не пользовался популярностью среди широких народных масс: ему вменяли национальное предательство после Тимокского восстания, но более сильный удар по престижу короля нанесла война с Болгарией.

Австро-Венгрии, «тайно наускивавшей сербов против болгар», удалось убедить Милана Обреновича в необходимости военных действий. В 1885 г. сербский король Милан Обренович объявил войну Болгарии, более того, он планировал использовать Порту в качестве союзника, и этого не произошло только из-за вмешательства России. Конфликт был окончательно завершён только в 1887 г., при чем Сербия не получила обещанных от Австро-Венгерской империи территорий.

Многие очевидцы тех событий вспоминали в дальнейшем о «малодушном, невоенном и даже трусливом поведении короля Милана», который, несмотря на противоречивые решения, «воображал себя великим воеводой и многие решения принимал без ведома Верховного главнокомандующего» [\[28, с. 92 – 93\]](#).

Н. Пашич в это тяжелое для обоих государств время не отступал от идеи сербо-болгарского союза. Взгляды радикалов разделяла не только сербская общественность, но и многие представители внутри власти. В связи с этим король Милан принял решение изменить существующую политику, чтобы сохранить династию у власти.

В январе 1886 г. был издан указ о помиловании радикалов, за исключением тех,

которые эмигрировали. Уже через месяц в Нише состоялась конференция, главным итогом которой стал ответ радикальной партии о внешней политике Сербии, - её готовность поддерживать национальные интересы и помогать королю в выходе из внешнеполитического кризиса.

В апреле либеральная партия Й. Ристича и радикальная партия заключили соглашение. Однако этот союз не принес Сербии положительных перемен. Каждая из партий стремилась занять позицию лидера в скупщине, в 1887 г. это удалось радикалам, которые встали во главе правительства. Главой правительства стал Сава Груич, который согласился на все условия короля. Тем не менее, «радикальный» кабинет не собирался ограничиваться экономическими вопросами, после выборов в скупщину 1888 г. они снова пришли к власти и предприняли попытку изменить законодательную систему. Король Милан усмотрел в этом подготовку к новому перевороту, правительству С. Груича пришлось уйти в отставку.

Одним из главных событий для сербской государственности после трети XIX в. стало принятие новой конституции в 1888 г. Она отражала чаяния не только либералов, но и радикалов. Первой статьёй Сербия объявлялась монархическим государством с народным представительством. Изменение в систему выборов этих представителей стало одним из главных внутривнутриполитических изменений: были отменены представители по назначению короля и введены выборы закрытой подачей голосов [\[8, ч. 78\]](#); в каждом округе должна быть образована окружная скупщина [\[8, ч. 161\]](#).

В целом, Конституция оценивалась положительно как сербскими, так и российскими государственными и политическими деятелями. Единственной проблемой было то, что претворить предписания было практически невозможно.

Уже в 1887 – 1888 гг. в период подготовки новой Конституции перед королем Миланом встал вопрос об отречении от престола. Это было связано не только с провальной внешней и внутренней политикой и отсутствием поддержки во власти и народе, но и с проблемами в семейной жизни. Сам Милан считал, что столкнулся с «национальными стремлениями» сербского народа, которые выражались в стремлении к анархии и революции. Он же устал использовать грубую силу, репрессии и расстрелы для того, чтобы навести в стране желанный всеми порядок.

В 1889 г. король Милан добровольно отрекся от престола в пользу своего сына Александра, оставив регентом Й. Ристича. Эта новость была принята с восторгом в радикальных кругах, однако политическая стабильность в стране так и не настала – кризис был отсрочен, но неизбежен.

Тем не менее, радикалы плотно утвердились во власти. В конце 1880-ых – начале 1890-ых гг. они проводили в жизнь «национальную» политику. Изменения коснулись не только политической, но и экономической жизни. Например, правительству теперь принадлежала соляная монополия, монополия на табачную промышленность; многие отечественные мероприятия освобождались от налогов и пошлин. Радикалы в экономической жизни стояли на сербских позициях и всячески поддерживали национальную экономику, которая была связана непосредственно с национальными интересами.

Помимо этого, в 1890 г., а затем в 1891 г. были внесены изменения в закон о выборах в скупщину, благодаря которым практически отменялся имущественный ценз. Также были расширены права скупщины (Закон о порядке работы народной скупщины, 1889 г.),

усилена ответственность чиновников перед парламентом (Закон об ответственности министров перед парламентом, 1891), права общины в области самоуправления были расширены (Закон об общинах, 1889), а также уменьшилось полицейское угнетение.

В 1891 г. из заграницы вернулся Н. Пашич. Благодаря его опыту и вмешательству в политическую жизнь страны удалось избежать серьезного конфликта, который возникал между радикалами и либеральной верхушкой во главе с Й. Ристичем. С включением радикалов в реальную власть и политику снизился градус экстремизма в партии, и по большей части ее представители стремились сглаживать существующие конфликты.

Таким образом, к концу XIX в. произошло «слияние» государственных и оппозиционных сил. Радикальная партия проводила национальную политику в экономической сфере, пыталась влиять на внешний курс. Отречение короля Милана от престола способствовало этому, однако власть по-прежнему находилась в руках либеральной партии и ее главного представителя – Й. Ристича. Кризис становился неизбежным, и ответом на него станут события начала XX в.

Влияние Сербской православной церкви на формирование национальной идентичности

Отношения между светской и церковной властью развивались в Сербии с момента обретения автономия. Сретенский устав регулировал не только государственные и церковные отношения в девятой главе «О церкви» (ст. 92 – 98), но также организовывал отношения внутри. Таким образом, была совершена попытка регламентировать действия церкви.

Определялось наличие «в православной восточной Сербской церкви» одного митрополита Сербского, в то время как архиереев могло быть то количество, которое необходимо «народу», то есть общине (ст. 92). В ст. 93 указывалась зависимость духовной власти от Константинопольского патриархата. Ниже, в ст. 95 указывается, что сербское духовенство не могло иметь других званий и чинов. Скорее всего, это должно было ограничить вмешательство религиозных деятелей в государственные дела. Однако ст. 96 указывала на то, что архиерей или митрополит может принимать участие в качестве советника по церковным делам, если будет призван князем или государственным советом [\[2\]](#).

Следует также отметить изменения, которые произошли после хатти-шерифов 1830 и 1833 гг. и Конституции 1838 г., дарованной турками: Сербская православная церковь становится крупным землевладельцем. Правительству приходилось считаться с церковью.

В «Начертании» И. Гарашанина важными считались следующие шаги. Во-первых, освобождения от влияния Константинопольской патриархии, а также установление крепких и доверительных отношений между церковью и государством, так как «именно через церковь Россия пытается влиять на все государственные дела Сербского княжества» [\[5, 97\]](#). Во-вторых, предполагалась свобода вероисповедания и обряда для жителей, не исповедующих православие. Для этого, как уже говорилось выше, создавались целые агентурные сети. Однако следовало представить это как «внутреннее дело угнетенного народа, а не как эгоистические устремления Сербии» [\[4, с. 124\]](#).

В дальнейшем постепенно началось отчуждение церкви от государства. Разумеется, религиозному институту отводилась второстепенная роль, и церковь была обязана признавать любую мирскую власть, а также обосновывать перед обществом

необходимость существования именно этой государственной модели, именно этого представителя власти. Однако, помимо мирского закона, должен также почитаться божественный закон. Если власть погрешит против христианской морали, то церковь должна не только отреагировать, но и предпринять попытку повлиять на государство. Если власть не принимает требования, то церковь занимает выжидательную позицию.

Эти и другие требования к церковному уставу были разработаны епископом Никодимом (в миру – Никола Милаш). Он также был ярким противником участия духовенства в политике, и наоборот, участия государства в церковных делах, касающихся христианского канона и обряда. Церковь и государство, по мнению Никодима, должны оказывать взаимную помощь друг другу, а не конфликтовать.

Таким образом, Сербская православная церковь занимала одну из центральных ролей в национально-освободительном движении в первой половине XIX века. Ей отводилось место в идеологической работе, которая, в соответствии с программой И. Гарашанина «Начертания» была направлена на христианской население вне Сербии.

Фигура митрополита Михаила является одной из значимых в истории Сербской православной церкви. Этот человек стал символом возрождения сербской церкви и ее традиций на Балканском полуострове: при нем в 1879 г. церковь стала автокефальной, он также осуществил огромный вклад в богословскую литературу, словесность и религиозное просвещение. Несмотря на это, митрополит Михаил несколько лет провел в изгнании, и причиной этого были сложные политические отношения внутри сербской власти, а также влияние на иностранных держав на решения, принимаемые существующей на тот момент властью. Данный конфликт, растянувшийся на практически десяток лет (1881 – 1889 гг.) современникам остается в историографии как «церковный вопрос».

Выше мы уже говорили о том, что политика Милана Обреновича носила проавстрийский характер, а отношения с Российской империей охладели. Однако претензии были горячи. «Русские отнимают у сербов сербской кровью искупленные и освобожденные сербские земли, отдают их болгарам» [\[28, с. 100\]](#), - считал генерал Коста Портич.

Были ли данные настроения справедливы? Пожалуй. Сербия потеряла на данном этапе возможность объявить себя гегемоном на Балканском полуострове.

Этап ожесточенной политической борьбы невозможно представить себе без религиозных властей. Митрополит Михаил был одним из центральных лиц развивающегося внутривластного и внешнеполитического конфликта. Следует сказать, что уже на заре своей деятельности Михаил (в миру Милош Йованович) не брезговал подковерной борьбой и интригами и, возможно, имел отношение к смещению своего учителя и предшественника митрополита Петра.

Разумеется, это наложило определенный отпечаток на поведение и манеру ведения диалога с властями. Тем не менее, митрополит Михаил, являвшийся главным русофилом Сербии (данную характеристику ему дали современники, и она впоследствии закрепились в историографии), был неугоден существующей на тот момент власти Обреновичей.

Митрополит Михаил являл собой прежнюю, почти средневековую Сербию, в которой государство и церковь параллельны друг другу и имеют одинаковое влияние на принятие решений. Это было невозможно в период яростной вестернизации короля Милана во внешней и внутренней политики Сербии. Совокупность этих факторов стала

причиной, по которой государственной властью было решено сместить митрополита Михаила с его поста.

Повод для отстранения митрополита Михаила был формальным. В апреле 1881 г. был принят Закон о таксах, который обязывал частные лица уплачивать в государственную казну пошлину за совершение услуг различными государственными учреждениями (например, судов, органами управы, религиозными учреждениями и т.д.). Пошлина выписывалась даже в том случае, если человек принимал сан монаха или другую церковную должность. Неудивительно, что митрополит Михаил считал необходимым высказать собственное мнение, ведь дело касалось церкви и духовенства.

В своём письме митрополит Михаил обращается к власти и приводит следующие доводы: «Во всех цивилизованных странах и везде на востоке есть точно очерченные границы деятельности государственной власти, которые она не смеет переходить, и принимать законы во вред церкви, - церковь имеет свои законы, которая власть не может менять. Церковь существует во всех странах, не сталкиваясь с государственными институтами, но и не меняя и не подлаживая свои законы под влиянием государства» [\[29, с. 145\]](#).

Правительством был найден свидетель, который утверждал, что при введении в церковный сан не была оплачена такса. Соответственно, это являлось грубым нарушением существующего законодательства, которое, к тому же, митрополит пытался оспорить. Об этом также сообщал посол России в Сербии, А. Персиани: «Отношения между митрополитом и правительством стали до того натянутыми, что окончательный разрыв делается неизбежен. Сегодня министерство предложило ему сложить с себя сан. Митрополит отказался» [\[29, с. 147\]](#). Тем не менее, министр просвещения Стоян Новакович добился своего, митрополит Михаил был лишен сана. Основной претензией было не только неповиновение закону, но и – по словам С. Новаковича – попытка церковных властей взять на себя полномочия государства и заниматься законотворчеством.

Уже через год после данных событий в газете «Српске новине» целиком была опубликована переписка между митрополитом и государственными деятелями. Вопрос смещения Михаила стал одним из основных, который обсуждали на Народной скупщине. Своими выступлениями представители правительства давали понять: в Сербии существует единственная легитимная сила, и это государственная власть, в руках которой сосредоточены административные, судебные, экономические и даже идеологические ресурсы.

Данное событие всколыхнуло все сербское общество. Его либеральная часть поддерживала митрополита Михаила и обвиняла государство, видя в нем исключительно карательный орган; партия напередняков (Сербская прогрессивная партия), напротив, считала, что митрополит Михаил погряз своими поступками в законы, а значит, погряз и в сербскую государственность. Радикальная партия, наиболее консервативная, национальная и традиционалистская из всех, отреагировала на снятие сана с митрополита Михаила отстраненно, считая данное событие не более чем внутримилицейской борьбой между несколькими силами. Митрополита Михаила обвиняли в изменении собственного мнения и подковерных интригах. Тем не менее, в сообщении радикалов явно прослеживается их желание закрепить авторитет власти, в отличие от авторитета церкви.

Духовенство достаточно прохладно, вопреки опасениям С. Новаковича, отнеслось к отстранению митрополита. Некоторые сторонники Михаила встречали его преемника, Теодосия, достаточно тепло, и лишь меньшая часть выразила протест по поводу данного

процесса.

Единственной стороной, которая абсолютно негативно восприняла процесс против митрополита Михаила, стала Россия несмотря на то, что представители в Сербии уверяли всех, что это сугубо внутренние дела государства. Тем не менее, отстранение Михаила виделось Петербургу как успех Австро-Венгрии и собственное поражение, как пощечина русской дипломатии.

Н. П. Игнатъев так писал К. Н. Победоносцеву: «Удаление Михаила - надежнейшего нашего союзника, воспитанника нашей духовной академии и человека твердого и предприимчивого - неисправимый удар, нанесенный венграми и немцами нашему влиянию. Я его поддерживал 15 лет сряду против разнообразных врагов и интриг. Одним махом - дали сокрушить трудно создаваемое. Мы теперь вкушаем плоды берлинского договора и нашего посрамления» [\[29, с. 143\]](#).

Таким образом, дело митрополита Михаила, точнее, реакция на него, указала несколько векторов направления национальной сербской мысли. В первую очередь, поддерживающие Михаила славянофилы видели путь Сербии в слиянии церковной и государственной власти, а также под надежной защитой России. Другой стороной было полное согласие с политикой, проведенной правительством в отношении Михаила: многие были недовольны его вмешательством в государственные дела. Приверженцы данной позиции видели силу в независимой законодательной, судебной и исполнительной властях, а также в окончательной сепарации церкви от государства.

Выводы

На протяжении XIX в. Сербия находилась в постоянной борьбе. На первом этапе это было «турецкое иго», под гнетом которого находились славянские народы Балканского полуострова. Народно-освободительное движение было яркими страницами в сербской истории, и из восстаний и войны выходила элита нового государства, которое получило независимость в 1878 г. Тем не менее, борьба не была окончена. Сербия по-прежнему являлась слабым международным игроком, и влияние на нее оказывали как Австро-Венгерская, так и Российская империи. Постоянное давление формировало особое отношение к национальному вопросу.

Исследовав официальные документы, автор пришел к выводу, что попытки оформить национальную политику были предприняты еще в Сретенском Уставе (1835 г.), однако наиболее ярко это было выражено в программе И. Гарашанина «Начертания», которая оставалась основным источником сербской национальной политики как внутри, так и вне государства.

Позже данный вопрос являлся не только предметом государственной власти, но и политических программ оппозиционных партий. Огромное влияние оказала Сербская радикальная партия, идеология которой базировалась на преданности традициям, укреплению государственного авторитета (в случае, если власть будет в их руках) и поддержке национальной экономики. Н. Пашич, ее лидер, и его сторонники неоднократно пытались захватить власть как с помощью вооруженного восстания, так и в политической борьбе. Борьба увенчалась успехом: власть в Сербии на протяжении нескольких лет была представлена радикалами, которые реализовали собственных национальные программы, в основном, в сфере экономики.

Особую роль в формировании сербской национальной идентичности играла Сербская православная церковь. На начальном этапе она являлась органом, объединяющим

православных сербов Балканского полуострова (в том числе, на территории Боснии и Герцеговины), позже – предприняла попытку влиять на государственное управление. Наиболее полно вмешательство СПЦ в национальный вопрос отражает деятельность митрополита Михаила, а также его последующее отстранение от должности за идеологическое несоответствие официальному государственному курсу.

Таким образом, сербская национальная идеология в XIX в. формировалась в условиях народно-освободительного движения, а также – частично – под влиянием Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской), Российской и Османской империй; влияние на формирование национальной идеи оказали не только государственные институты, но и оппозиционные политические партии; особое место в эволюции национальной идеи занимает Сербская православная церковь, конкурировавшая с государственным аппаратом в сфере идеологии. Таким образом, на протяжении XIX в. зародилась, сформировалась, эволюционировала сербская национальная идея, некоторые аспекты которой были не только зафиксированы, но и реализованы в внутренней и внешней политике.

Библиография

1. Гарашанин И. Начертание // Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: «Индрик», 2015. С. 225 – 250.
2. Закон о церковных властях Восточно-Православной Церкви в королевстве Сербии. [Электронный документ: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Palmov/zakon-o-tserkovnyh-vlastjah-vostочно-pravoslavnoj-tserkvi-v-korolevstve-serbii/#0_1].
3. Лавеле Э. Балканский полуостров. Путевые заметки. М.: К.Т. Солдатенков, 1889.
4. Письмо И. Гарашанина Й. Мариновичу цит. по Карасев А. В. Сербские национальные программы и борьба за их реализацию в 1856–1878 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII - начало XX вв. М.: Издательство "Индрик", 1997.
5. «Sretenjski» Ustav Knjažestva Serbija, 1835. [Электронный ресурс: <http://www.nspm.rs/dokumenti/sretenjski-ustav-knjazestva-serbije.html?alphabet=I>]
6. Независност српске цркве проглашена 1879. Београд, 1880.
7. Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931.
8. Устав Краљевине Србије.
9. Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878 – 1903. М.: РАН Институт славяноведения и балканистики. Научный центр общеславянских исследований, 1996.
10. Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: «Индрик», 2015. – 258 с.
11. Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование (1868 – 1891). М.: Индик, 1998. Монографии на иностранных языках
12. Hajdarpasic E. Whose Bosnia? Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840–1914. London: Cornell University Press, 2015.
13. Ђорђевић Д. Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989.
14. Новаковић Д. Од Начертанија о духовним властима до Закона о црквама и верским заједницама // Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати књ. 14, 2013.
15. Станић М. Коста Протић о Русима // Мешовита грађ. Београд, 2003. Књ. XXI.
16. Адашинская А. А. Функции парного культа Симеона и Савы сербских: от афонского монашества до национальных святых // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века (под ред. С. А. Яцык). СПб.: Алтейя, 2018.

17. Белов М. В. Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1, 2007. С. 205 – 211.
18. Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878 – 1903. М.: РАН Институт славяноведения и балканистики. Научный центр общеславянских исследований, 1996.
19. Искендеров П. А. Берлинский конгресс 1878 г. и его политические последствия для Балкан // Славянский мир в третьем тысячелетии, 2016.
20. Карасев А. В. Сербские национальные программы и борьба за их реализацию в 1856–1878 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII - начало XX вв. М.: Издательство "Индрик", 1997. С. 122 – 135.
21. Карасев А. В. Югославянская идея во внешнеполитических планах И. Гарашанина // Славянский альманах, 2001. С. 129 – 138.
22. Кулаковский П. А. Неопубликованная статья о партийной жизни в Сербии и выдвинутой радикалами программе // Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). М.: «Индрик», 2014.
23. Милорадович Г. Сербская или югославянская программа государственного объединения: «Начертание» Или Гарашанина и его трактовка в историографии", Историческая экспертиза / The historical expertise, № 2(23)/2020, 121–137.
24. Половченко К.А. Первая конституция Сербского княжества // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2017.
25. Половченко К.А. Роль Конституции 1838 года в развитии сербского конституционализма // Социально-политические науки, 2017.
26. Шемякин А. Л. «Партия нового типа». Особенности сербского радикализма (конец XIX – начало XX в.) // Славянский альманах, 2003.
27. Шемякин А. Л. особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
28. Крестић П. В. Српско-бугарски рат у мемоаристици // Нововековне српске династију у мемоаристици. Београд: Историјски институт, 2007.
29. Колинченко Ю. В. Сербская православная церковь в 1878 – 1920-ых гг.: национальная идеология и политическая практика / Диссертация на соискание степени к.и. н. М., 2016.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Находящийся на перекрестке цивилизаций Балканский полуостров с древних времён находился в поле зрения великих держав. Рим, Византия, Османы сменяли друг друга, но при этом созрели в той или иной форме идею империи. Однако в XIX в. на первый план постепенно выходит идея национальных государств, что нашло отражение на Балканах как в Болгарии, так и в Сербии. Последняя, кстати, претерпев серьёзные испытания в XX в., тем не менее и сегодня сохраняет национальную идею в бурных волнах насаждаемой Евросоюзом глобализации.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является форсирование сербской национальной идеи. Автор

ставит своими задачами рассмотреть официальную государственную политику в решении национального вопроса, определить роль оппозиционных сил и их влияние на формирование сербской национальной идентификации, проанализировать деятельность Сербской православной церкви в условиях национально-освободительного движения.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать формирование сербской национальной идеи и ее реализации в политических программах XIX века.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и сербскохорватском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем на нормативно-правовые акты, а также на письма сербских политических деятелей. Из используемых исследований укажем на труды С.И. Данченко и А.В. Карасева, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения сербской государственности. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследования способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как сербской государственностью, в целом, так и сербской национальной идеей, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "XIX век стал веком зарождения национальных государств, «началом конца» империй, бурным экономическим ростом и развитием национальных буржуазий". В работе показано, что "попытки оформить национальную политику были предприняты еще в Сретенском Уставе (1835 г.), однако наиболее ярко это было выражено в программе И. Гарашанина «Начертания», которая оставалась основным источником сербской национальной политики как внутри, так и вне государства". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, Сербская православная церковь сыграла особую роль в становлении сербской национальной идеи.

Главным выводом статьи является то, что

"протяжении XIX в. зародилась, сформировалась, эволюционировала сербская национальная идея, некоторые аспекты которой были не только зафиксированы, но и реализованы в внутренней и внешней политике".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории Европы и Америки, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Мезенцев И.В., Чекрыгин О.В., Надеина Д.А. Проблемные аспекты этнорелигиозной принадлежности Иисуса из Назарета к еврейскому иудаизму в контексте «третьего поиска исторического Иисуса» // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.70089 EDN: FJYWFC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70089

Проблемные аспекты этнорелигиозной принадлежности Иисуса из Назарета к еврейскому иудаизму в контексте «третьего поиска исторического Иисуса»

Мезенцев Иван Валерьевич

ORCID: 0000-0001-5585-5821

кандидат философских наук

независимый исследователь

690025, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Дзамбула, 7, кв. 1

✉ mezivan@yandex.ru

Чекрыгин Олег Всеволодович

ORCID: 0009-0007-4393-1445

независимый исследователь

115419, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Серпуховский Вал, 24/1, кв. 34

✉ ochek@bk.ru

Надеина Дарья Александровна

ORCID: 0009-0006-6063-8171

соискатель, кафедра философии науки и техники, Санкт-Петербургский государственный университет

115419, Россия, Московская область, г. Москва, бул. Ореховый, 59, оф. 89

✉ andeo.me@gmail.com

[Статья из рубрики "Дискуссии, полемика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.70089

EDN:

FJYWFC

Дата направления статьи в редакцию:

10-03-2024

Дата публикации:

26-09-2024

Аннотация: В данной статье анализируется «третий поиск исторического Иисуса», который опирается на археологические исследования Галилеи. Этот подход противостоит произвольным опытам исторической реконструкции личности Иисуса, прежде всего, на основе анализа текстов Библии, некоторых апокрифов и некоторых смежных документов. Новый подход развивался с привлечением научного инструментария социологии, сравнительной антропологии и археологии. Авторы дают краткое описание сути «третьего поиска», рассматривают упоминания о Галилее в древних письменных источниках и дают альтернативное осмысление результатов археологических исследований этой области. В статье анализируется мнение «третьепоисковиков» о «содержательном региональном плюрализме галилейского иудаизма». Особое внимание авторы уделяют вопросу религиозной идентичности галилеян в связи с традиционными иудейскими верованиями и обрядностью. На основе имеющихся свидетельств прослеживается историческая динамика этнорелигиозного состава Галилеи, начиная с Железного века, включая периоды Ассирийского и Вавилонского плена и период эллинизации. Авторы обращают особое внимание на положение Галилеи в конце I тыс. до н. э. В статье ставится под сомнение гипотеза о том, что в раннеримский период Галилея была заселена потомками иудейского исхода в Галилею при хасмонеях. В статье показано, что Галилея, начиная с упоминаний в 732 г. до н. э. и до Рождества Иисуса, фактически оставалась под иудейской властью Маккавеев лишь в период царствования Александра Янная с 106 по 79 гг., то есть всего около четверти века. Авторы критикуют суждение представителей «третьего поиска» о содержательном региональном плюрализме галилейского иудаизма, а также выявляют проблемные аспекты в обосновании общепринятого утверждения об иудейском происхождении Иисуса и об этнорелигиозной принадлежности Иисуса к религиозному еврейству. В статье показано, что из археологических данных раскопок в Галилее не следует с необходимостью, что ее население в рассматриваемый период было сплошь иудейским.

Ключевые слова:

библейстика, иудаизм, Галилея, Иудея, исторический Иисус, Ирод, хасмонеи, история Палестины, иудеохристианство, раннее христианство

Введение.

Примерно с 80-х годов прошлого века продолжается научный процесс, условно обозначенный как «третий поиск исторического Иисуса», который в некотором смысле свелся к поискам исторической Галилеи. Для целей нашего исследования будет достаточно указать, что два предыдущих этапа, по сути, свелись к произвольным историческим реконструкциям личности Иисуса, в основном, на основе анализа текстов Священного Писания, некоторых апокрифов и сопутствующих документов. Третий этап в этом смысле отличается от предыдущих возникшим интересом к Галилее как родине Иисуса, где, по мнению специалистов в области социологии, сравнительной антропологии, а с 90-х гг. – археологии Галилеи, под влиянием окружающей среды происходило формирование и становление личности Иисуса. Галилея времен Иисуса, в

представлении «третьепоисковиков», в этнорелигиозном отношении являлась полностью иудейской, с населением, состоящим из потомков в третьем-четвертом поколении маккавейских переселенцев из Иудеи в Галилею с целью экспансии и присоединения к хасмонейской империи исконных еврейских, как они считали, северных территорий. Эта версия хасмонейского исхода позволила, используя археологические данные, развить и ввести в обиход представление об особом галилейском варианте иудаизма, сочетавшего в себе наряду с нормативной иудейской религиозностью элементы бытовой эллинизации: «...речь должна идти о том, чтобы более точно определить, какой вид иудаизма Иисус представляет» [\[12, p. 437\]](#). А также еще раз обосновать и подтвердить исключительную преданность урожденного в иудаизме «хорошего еврея» Иисуса библейскому богу и иудейской религии в целом.

Неудивительной является скудость сохранившихся исторических письменных памятников, свидетельствующих об истории Галилеи. Также не удивляет обилие версий и реконструкций личности Иисуса и содержания его учения в исследованиях самого разного толка – на основе все тех же скудных документальных свидетельств. Удивительным с нашей точки зрения является общая для всех на протяжении столетий, как церковных деятелей от Павла и доныне, так и многочисленных представителей внеконфессионального исследования наследия Иисуса, принятая аксиома об Иисусе, представленном древним иудеохристианством I века, как Христос, «тот самый» иудейский Машиах древних пророчеств Еврейской библии. Любые попытки поставить под сомнение этот образ Иисуса, и тем более опровергнуть эту догматическую аксиому на основе известных фактов просто игнорируются как научным сообществом, так и общественным мнением, несмотря на серьезную весомость аргументов, приводимых сторонниками иных мнений об этнорелигиозном происхождении Иисуса и Его Учения. К примеру, Ф.Ф. Зелинский в своем фундаментальном труде «История античных религий» в шестой главе «Деиудеизация» пишет: «§ 26 Христианство возникло из иудаизма. Это первая ложь, господа, ложь явная и наносящая огромный вред... Сторонники такой точки зрения, а таких немало, продолжают упорствовать в утверждении, что основатель христианства, как они настаивают, сам был евреем. Это вторая ложь, тоже явная и наносящая еще больший вред, чем первая» [\[2\]](#).

Интерес к истории Галилеи, проявленный в «третьем поиске», является вполне оправданным для понимания тех исторических реалий, в которых проходила жизнь Иисуса и Его становление как личности. Однако, с нашей точки зрения, догматизированное утверждение об Иисусе как об этническом еврее и религиозном иудее, очевидно, приводит к вольной или невольной научной предвзятости. Это в полной мере относится, с нашей точки зрения, и к интерпретациям данных археологии Галилеи. Что дает основание авторам этой статьи пристальнее взглянуть в имеющиеся древние источники, а также в те археологические факты, которые приводятся в качестве доказательств – с целью их объективной оценки на предмет этнорелигиозной принадлежности Иисуса.

1. Упоминание Галилеи в древних письменных источниках.

Ввиду уже указанной сосредоточенности «третьего поиска» на хасмонейском периоде истории Галилеи все предшествующие периоды обозначим лишь пунктирно: подтвердить их цитатно не позволяет объем журнальной публикации, приходится ограничиться ссылками.

1.1. Железный век и Еврейская библия. Первое библейское упоминание Галилеи – в

книге Иисуса Навина (усл. 1540-1430 до н.э.) в 21 главе: «...от колена Неффалимова город убежища для убийцы — Кедес в Галилее и предместья его» (Нав. 21: 32). Далее, в главе 9 третьей книги Царств (ст. 11-13) говорится, что в X в. до н.э. Соломон наградил своего финикийского союзника, царя Хирама I из Сидона, двадцатью городами в Галилейской земле, которые затем были заселены иноверцами во время и после правления Хирама [\[16\]](#).

Таким образом, это была *первая депортация* (насильственная или добровольно-принудительная) евреев-иудеев с территории Галилеи, или по крайней мере, ее северо-западной части.

1.2. Ассирийский плен. В 732 г. до н. э. Тиглатпаласар III отторг Галилею от царства Израиль и, превратив ее в ассирийскую провинцию Мегиддо, угнал в плен местное население в Ассирию (4 Цар. 15: 29; ср. 1 Пар. 5: 6, 26).

Это *вторая полная насильственная депортация* населения Галилеи. Вместо условных евреев-иудеев Галилея «языческая» была заселена арамейскими племенами, принесшими на эти земли свой язык, сохранившийся там до времен Иисуса. Переселенные народы продолжали поклоняться своим богам, и, оставаясь политеистами, в числе прочих почитали и местного еврейского бога (4 Цар. 15: 29).

1.3. Вавилонский плен. В июле 586 года до н. э., после очередного восстания Иудеи, вавилонский царь Навуходоносор II захватил и уничтожил Иерусалим; для евреев начался великий плен, который продолжался почти 70 лет (*Древности* 10.9.7). Галилеи это выселение не коснулось.

1.4. После плена. После пленного восстановления общины ограничилось только Иерусалимом и его окрестностями. Иерусалимская храмовая община получила большие привилегии. Это вызывало серьезное недовольство местного населения Палестины, самаритян и галилеян, которое ставилось в неполноправное, даже зависимое положение (*Древности* 11). Как пишет проф. Вельхаузен: «Из изгнания вернулся не народ, а одна только религиозная секта» [\[18\]](#).

1.5. Эллинистический период. В 333 году до н. э. Галилею у персов отвоевали войска Александра Македонского, началось освоение ее территории греко-македонскими колонистами. На основании археологических свидетельств из Тель-Анафы, Кедеша и аш-Шухары, считается, что Верхняя Галилея в то время была заселена языческим населением, имевшим тесные связи с финикийским побережьем.

«Периоды владычества Вавилонии (с 604 г. до н. э.) (Когда Навуходоносор овладел Сирией и Иудеей, см. 4 Цар. 24-25.), Персии (с 539 г. до н. э.) и эллинистических государств Птолемеов (между 323 г. и 200 г. до н. э.) и Селевкидов не отмечены исключительными для Галилеи событиями» [\[1\]](#).

Удаленность Галилеи от территории непосредственного влияния Иудеи, с которой она не граничила, а также разнородный этнический и религиозный состав населения позволяют предположить, что в Галилее этого сравнительно мирного для нее периода сосуществования представителей различных народов и вер могли существовать и небольшие поселения иудеев, проникавших в Галилею из Иудеи путем естественной диффузии через покупку плодородных земельных угодий на вполне мирной, уживчивой и толерантной по отношению к любым пришельцам, чужестранцам и колонистам территории. Все изменилось в отношениях поселившихся в Галилее немногочисленных иудеев с соседями-иноверцами после Хасмонейского восстания.

1.6. Хасмонейский период (165-37 гг. до н.э.), предыстория. Именно на хасмонейский период как основу массовой иудаизации Галилеи ссылается «Третий поиск», и потому его историю надлежит рассмотреть во всех подробностях

Поначалу процесс эллинизации в Иерусалиме, как, по-видимому, и во многих других городах, протекал мирно. Часть населения решила принять греческие обычаи и жить обособленной общиной. Однако ситуация осложнялась борьбой сект, выдвигавших кандидатов на первосвященство, а также особой «богоизбранностью» иудаизма.

В 170 г. до н. э. Антиоху IV пришлось ввести в город войско, чтобы восстановить порядок, а в 168 г. до н. э. волнения, вызванные слухом о гибели царя, переросли в масштабное восстание. После этого царь решил, опираясь на прогречески настроенную часть жречества, перейти к насильственной эллинизации жителей.

1.7. Маккавейское восстание. Внезапная смерть Антиоха IV в 165 г. до н. э. помешала ему организовать поход против иудеев, в то же время мятеж разрастался и принимал характер войны за независимость; борьба закончилась победой иудеев, созданием независимого иудейского государства с центром в Иерусалиме и восстановлением Храмового богослужения.

1.8. Иуда Маккавей (ц. 166-160 гг. до н. э.). «Когда окрестные народы услышали, что построен жертвенник и возобновлено святилище, как прежде, сильно вознегодовали» (1 Мак. 2: 1). «Окрестные племена очень недружелюбно отнеслись к успехам и возрастианию могущества иудеев» (Древности 13.8) – и, в частности, галилеяне, ополчившиеся на проживавших там иудеев. Иуда послал воевать за них брата Симона с армией, каковая война закончилась тем, что Симон вывел из Галилеи всех живших там иудеев в Иудею «с великой радостью» (1 Мак. 5: 23).

Почему «окрестные народы», ранее вполне уживавшиеся с иудеями, узнав о восстановлении жертвенника в Иерусалиме, вдруг «сильно вознегодовали», и стали истреблять иудеев, живших среди них? Ответ мы находим у Флавия, который в книге 11 «Иудейских древностей» отмечает, что окончательное оформление догматов иудаизма завершилось лишь в начале IV в. до н.э. То есть, незадолго до начала эллинистического периода в Иудее возникла новая иудейская религия особой богоизбранности еврейского народа. Пока она осваивалась самими иудеями в пределах Иерусалима и Иудеи, наступили времена эллинского господства, и религия евреев оказалась гонимой, будучи вынужденной скрывать на фоне государственной несвободы евреев свое истинное лицо религии особой избранности еврейского народа единственным и единым для всех народов библейским богом – и так было вплоть до маккавейского восстания. Восстановление жертвенника и жертв в Иерусалиме было сигналом для иудеев по всей Сиропалестине: началось! И реакция иудеев, живших в рассеянии среди других народов, которых они всегда считали чужеродными захватчиками родовых еврейских земель, была предсказуемо торжествующей: мы вам покажем, кто здесь хозяин. Так что реакция до этого вполне доброжелательных к евреям окружающих, очевидно, была, увы, ответной, и более реалистичной представляется совершенно иная картина происшедшего в Галилее, а именно: не галилеяне, а, напротив, агрессивно настроенные против «пришлых» иноверцев иудеи, вдохновленные восстанием в Иудее, в свою очередь подняли иудейское восстание в Галилее, на помощь которому отправился Симон. И, скорее всего, несмотря на победные реляции Флавия, после вторжения в Галилею был бит ввиду немногочисленности своего войска по сравнению с населением Галилеи, объединившемся против иудейских захватчиков. Поэтому ему и пришлось

срочно убраться из, казалось бы, побежденной им Галилеи, которую, тем не менее, захватить и присоединить к Иудее Симон не смог – и тогда зачем вообще приходил? Эта его провальная акция, во-первых, привела к полной и окончательной депортации того немногочисленного иудейского населения, которое образовалось за предыдущий период, и во-вторых, к ответной ненависти галилеян к евреям, как захватчикам и разбойникам, каковая ненависть более никогда (вплоть до окончания Первой Иудейской войны) не позволяла никаким иудеям селиться на постоянной основе в Галилее среди галилейского населения.

В работах немецкого библеиста Альбрехта Альта ^[9] отстаивается точка зрения, что события маккавейской войны ограничились только западными окраинами Галилеи и побережьем, а эвакуированы были не все евреи: якобы источники говорят об их присутствии здесь и до хасмонейского завоевания. Однако, при пристальном исследовании упомянутых им источников оказывается, что приведенные им аргументы с нашей точки зрения убедительными не являются, и ниже будут оспорены и убедительно опровергнуты, а именно: 1) свобода, с которой хасмонейский военачальник Ионафан перемещался по Галилее (ок. 145 г. до н.э.), объясняется его поддержкой местными жителями; 2) отсылка юного Александра Янная в Галилею для получения образования приблизительно, в кон. II в. до н.э.; 3) взятие Птолемеом Асохиса при Яннае 103 г. до н.э.).

Это уже третья полная депортация иудейского населения из Галилеи – на этот раз добровольно-принудительная от самих маккавейских иудеев.

1.9. Ионафан (ц. 160-143 гг. до н.э.). «Когда Ионатан стал просить царя удовлетвориться оброком в тридцать талантов за всю Иудею и три топархии «Самарию, Перею и Галилею», Деметрий II (!) согласился и на это: «Закрепляю за ним три нома, Афериму, Лидду и Рамафу, которые они отняли у Самарии и присоединили к Иудее»» (*Древности* 13.4.9).

То есть, царь освобождает от всех налогов Иудею с уже завоеванными ею южными самарийскими землями, и ни слова о топархиях – почему? Только лишь потому, что Ионафан имеет видны все земли (Иудейские и Израильские), принадлежавшие евреям до ассирийско-вавилонского пленения, и этой просьбой сообщает царю о своих претензиях. Реакция царя пассивно-отрицательная, он поминает лишь Иудею и то, что ею уже захвачено, а об остальных территориях ни слова, и это означает «нет».

Далее в главах 4-10 Флавий всего раз упоминает Галилею как место сражения войск Ионатана с Деметрием II, что никак не свидетельствует о принадлежности Галилеи маккавейскому царству: войска многих царей постоянно перемещались и передвигались по всей Сиропалестине, но это ничего не говорит ни о принадлежности земель, за которые постоянно шли войны между греками, египтянами и иудеями, а впоследствии еще и римлянами, ни тем более об этническом и религиозном составе населяющих их народов. Случайное упоминание Флавием выступления войска от Генисаретского озера в сторону плата Асор говорит лишь о географии, и ничего – о геополитике.

1.10. Иоанн Гиркан (ц. 143-106 гг. до н. э.). Когда Антиох погиб в Парфии, Иоанн тотчас начал забирать сирийские города, подчинил себе самаритян (на севере) и идумеян (на юге), и насильственно принудил их принять иудаизм и обрезание. Умер в 107 до н. э.

При Симоне и Гиркане – все это вошло в 13 книгу «Древностей» Флавия – была частично оккупирована Южная Самария – и ни слова о соседней Галилее.

1.11. Аристокбул 1, сын Гиркана (ц.106-107 гг. до н. э.). Процарствовал лишь год; после побед над захватившими часть Верхней Галилеи итуреями обратил их в иудаизм и в 106 г. до н. э. присоединил всю Галилею к царству Хасмонеев: «... причем принудил тех из итुरейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским» (*Древности*, 13.11.3) (то есть, несогласных выселил).

То есть, до 106 г. до н. э. Галилея в Хасмонейское царство вообще не входила. Итурея находилась севернее Галилеи, еще дальше от Иудеи, чем Галилея. Однако нигде не говорится о завоевании Галилеи ни при Гиркане, ни при его сыне Аристокбуле. Видимо, после завоевания Аристокбулом более северных территорий Галилея без своего вельможи формально вошла в хасмонейскую империю, и нигде не говорится ни о какой иудаизации – добровольной или насильственной – населявших ее народов. При этом достаточного количества народа для заметной колонизации Галилеи из Иудеи при Аристокбуле не имелось из-за больших потерь иудейского населения в ходе маккавейских войн [\[10\]](#).

Получается, что только лишь в 106 г. до н. э. Галилея хотя бы формально была присоединена к Маккавейскому царству.

1.12. Александр Яннай (ц. 106-79 гг. до н. э.). «Гиркан больше всех других детей любил Антигона и Аристокбула. И вот, когда он во сне однажды увидел самого Предвечного, то спросил Его, кто из детей будет его преемником. Господь Бог указал на Яннай. Тогда Гиркан, огорчившись, что именно этот сын его станет наследником всех его благ, распорядился, когда Яннай родился, отдать его на воспитание в Галилею» (*Древности*, 13.12.1).

Гиркан пошел против своего бога и его пророчества, удалив ненавистного ребенка от себя в Галилею языческую, где, как он надеялся, им будут забыты и род его и его родовая религия – вот смысл этой ссылки: лишить сына его корней, его прошлого, настоящего и будущего. Эта ссылка как раз доказывает, что Галилея для иудея того времени была страной чужой, чуждой и враждебной. Подтверждается эта версия другой цитатой Флавия, которую он не разъясняет: «Кроме того, народ стал поносить его (Гиркана – прим. авт.), что он родился от военнопленных родителей и потому не может быть признан достойным чести совершать жертвоприношения» (*Древности*, 14.13.5). Видимо, Яннай воспитывался в Галилее в приемной семье неиудеев-язычников, которых в Иудее считали за военнопленных, поскольку они формально относились к завоеванным иудеями чужим народам, именно для того, чтобы навсегда закрыть ему дорогу к царскому престолу и первосвященническому званию – и слух об этом искажился со временем, превратив его из царского сына в сына «военнопленных» язычников.

1.13. Вражда Яннай с Птолемеем. «Но так как Александр [вовремя] узнал о намерении Птолемея, то и он собрал около пятидесяти тысяч воинов, а по данным у некоторых историков, даже восемьдесят тысяч, и с этой ратью двинулся на Птолемея. Тогда последний неожиданно напал на галилейский город Асохис, взял его штурмом в одну из суббот, увел оттуда около десяти тысяч пленных и унес значительную добычу» (*Древности*, 13-12:4.5).

Многие исследователи текстов трактуют это место, как свидетельство того, что население Асохиса (а следовательно, и всей Галилеи) было сплошь иудейским: иудеи соблюдали субботу и в субботу не могли сопротивляться язычникам Птолемея. Опровергает это ошибочное мнение сам Флавий в другом месте «Древностей»: «дело в том, что закон разрешает отражать наступление и нападение, но не позволяет препятствовать какому-либо другому предпринятию неприятелей» (*Древности*, 14-4:2). То есть, Птолемей взял

Асохис в субботу не потому, что горожане не могли сопротивляться из-за соблюдения субботнего покоя, а потому что субботу соблюдала находившаяся на подходе армия Янная, которая из-за этого не смогла дойти до Асохиса вовремя.

1.14. Янная: Завоевания. Голанские высоты и гора Хермон были завоевана ещё братом Алесандра Янная, Аристобулом. Однако в Итурее регулярно проходили восстания до тех пор, пока Итурея не была окончательно завоевана Александром Яннаем, а её жители были обращены в иудаизм [8: 5].

Следует особо указать на то, что формальное присоединение Галилеи не повлекло за собой того, что Маккавеи творили на других захваченных территориях: не было ни геноцида иноверцев, ни депортаций, ни насильственных религиозных обращений – нигде нет никаких упоминаний о подобном на территории Галилеи при наличии упоминаний на других территориях севернее и южнее Галилеи. Нет сведений об упомянутом нами выше предположении «третьепоисковиков» о массовом исходе иудеев в Галилею, который мог стать причиной сплошной заселенности Галилеи их потомками в третьем–четвертом поколении в раннеримский период. К тому же массовое заселение Галилеи одними только выходцами из Иудеи при Аристобуле и Яннае в течение всего-то двадцати пяти лет требовало такого избытка иудейского населения для полной замены населения Галилеи на иудейское, взяться которому было просто неоткуда, особенно ввиду больших потерь населения Иудеи в ходе маккавейских войн [10]. Непонятно также, куда бы могло быть выселено за пределы Галилеи население целой страны – соседние страны вряд ли согласились бы принять переселенцев, потакая иудейской прихоти. Из всего этого можно сделать вывод, что такое предположение выглядит неубедительно, как и основанное на нем утверждение о сплошной заселенности Галилеи иудейскими потомками в раннеримский период, якобы основанное на археологических изысканиях в Галилее последних тридцати лет, достижения которых мы рассмотрим ниже.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что Галилея при Хасмонеях, несмотря на свою формальную принадлежность к Маккавейской империи в качестве иудейской провинции, тем не менее, так и осталась «языческой» в глазах самих иудеев. Однако, ее население, будучи политеистическим, не отвергало библейского бога и принимало иудаизм как уважаемую религию, даже, возможно, переняв у иудеев, и усвоив ритуальную и обрядовую сторону для правильного угождения этому богу, одному из многих. Этим, кстати, может объясняться и традиция паломничества из Галилеи в Иерусалим, и почитание иудейских праздников, и надписи в Храме, запрещавшие вход во внутренний двор необрезанным иноверцам, и, наконец, восклицание Иоханана бен Заккая «Галилея, Галилея, ты ненавидишь Тору!» (*Галмуд* 16.8.3 (15d)) – а также, возможно, и те археологические находки, на которые ссылаются приверженцы теории массового галилейского иудаизма. То есть, с формальной стороны у хасмонеиных завоевателей не было повода для расправ над галилейским населением. Однако взаимная ненависть никуда не делась, и иудеи продолжали разбойничать в Галилее, но не жить в ней.

1.15. Завоевание Галилеи Римом в 63 году до н. э. Помпей, завоевав в 63 г. до н. э. Палестину, отдал Самарию и другие области под власть римских наместников в Сирии, и Галилея, оставаясь провинцией Иудеи, практически оказалась *обособленной от нее*.

«Иерусалим он (Помпей – прим. авт.) заставил платить дань римлянам... народ же весь [иудейский], дошедший прежде до высокой степени могущества и распространения, он **втиснул** обратно в пределы его страны» (*Древности* 14.4.2).

«Втиснул обратно» – то есть обратно в Иудею из завоеванных за маккавейский период земель Итуреи, Галилеи, Переи, Самарии, Идумеи и проч.

Это уже четвертая тотальная депортация иудеев из Галилеи за всю ее историю – на этот раз принудительная.

1.16. Ирод Великий. Карьеру Ирод начал в 48 году до н. э. как тетрарх Галилеи, где прославился разгромом повстанцев Иезекии, отца Иуды Галилеянина.

«Антипатр ... молодому Ироду... поручил управление Галилеею... Юноша немедленно нашел возможность выказать свою доблесть, а именно ему удалось захватить Иезекию, атамана разбойников, совершавшего во главе огромного отряда набегина пограничные с Сирией области; затем он казнил его и многих его товарищей по шайке» (*Древности* 14.9.2).

Разгром и казнь «галилейских разбойников» вызвала одобрение у римских наместников Сирии и осуждение у консервативных иудеев. Хизкия принадлежал к известной семье, из которой вышло несколько учёных – что отнюдь не мешало ему разбойничать в Галилее и по всей Сирии.

Сын Хизкии, Иуда Галилеянин, пошел по стопам отца и стал одним из вождей антиримского движения, продолжив разбойничьи набеги на Галилею, за что, очевидно, и получил свое прозвище. Этим опять-таки подтверждается разбойничий характер отношений иудеев с населением, в частности, Галилеи, которое, что вполне понятно, уже из-за этого одного относилось к иудеям с ненавистью и недоверием.

1.17. Нашествие парфян в 40 году до н. э. вынудило Ирода оставить Галилею и бежать на юг: сначала в Иерусалим, затем в Идумею, откуда через Египет в Рим. Там он был представлен римскому сенату и «избран» новым царём Иудеи и при поддержке населения Галилеи изгнал парфян, взял Иерусалим и воцарился (*Древности* 14.15.1). Умер в 4 либо 1 г. до н. э.

1.18. Ирод Антипа (ц. 1 г. до н. э. – 39 гг. н. э.). Октавиан Август, на утверждение которому Архелай-наследник повёз завещание в Рим, предоставил ему лишь половину царства (Идумею, Иудею, Самарию, Кесарию, Иоппию и Иерусалим) с титулом этнарха. Вторую половину он разделил на две тетрархии, которые предоставил двум другим оставшимся сыновьям Ирода: Филиппу (Батанея, Трахоней и Авран) и Антипе (Перея и Галилея).

Таким образом, Галилея, начиная с упоминаний в 732 г. до н. э. и до Рождества Иисуса, фактически оставалась под иудейской властью Маккавеев лишь в период царствования Александра Янная с 106 по 79 гг., то есть всего около четверти века, все остальное время она не имела никакой связи с Иудеей, ее народом и ее религией.

Галилеяне не были против принятия иудейского бога, они были открытыми политеистами: и от своих прежних богов не отрекались, и чужих принимали и почитали. Они сохраняли свои прежние верования, а на одного бога больше или меньше — не имело значения. Со стороны иудейских монотеистов дело обстояло совсем иначе: как могли древние евреи принять инородцев в свою замкнутую общину богоизбранного народа? Увеличивая свою численность за счет обращения идумеян, итурейцев и самарян в иудаизм, евреи получали «прозелитов от врат (жителей)» или «прозелитов благочестия», при том, что принцип этнорелигиозной osobости служил только их интересам. Эти пришельцы могли стать иудаистами, יְהוּדִי [иуди], но никогда — евреями, עֲבָרִי [иври] (Всего в Еврейской

библии это слово именно в значении «еврей» употреблено 34 раза.).

1.19. Поход Петрония на Иудею. В кесарство Калигулы осенью 39 г. н. э., после разрушения иудеями малозначимого местного языческого жертвенника было его распоряжение поставить его статую в Иерусалимском храме. В Иудею были посланы войска во главе с Петронием. Противостояние с иудеями продолжалось полтора года, а в феврале 41 г. н. э. Калигула был убит, и установка его статуи в храме не состоялась.

Об этом событии подробно рассказывают два его современника: Филон Александрийский и Иосиф Флавий (*Древности*, 18.8; *О посольстве Гаю*, 32-33).

Упомянутые Флавием и Филоном «Жители священного города и всей страны»; «люди, отчаявшись сберечь заветы предков»; «огромные толпы иудеев» – это религиозные фанатики, восставшие против осквернения *Иерусалимского храма*, то есть правоверные иудеи, проживавшие исключительно в Иудее. В Самарии, которая находилась между Иудеей и Галилеей, жители которой в зависимости от политической выгоды то признавали себя евреями, то отрекались от своего еврейства, было свое священное место поклонения, гора Гаризим. Так что за Иерусалимский храм самаряне не переживали, это точно. Что уж тогда говорить о Галилее, которая вообще имела у иудеев презрительное нарицание «языческой», и вся пестрота проживавших там народов поклонялась целым пантеонам собственных богов, среди которых был и Яхве, как бог-охранитель территории, которую он в незапамятные времена дал древним евреям по завету с ними. Богом больше, богом меньше – так что за чужой храм где-то там вдалеке, в горной Иудее галилеяне тоже не переживали. То есть, толпы были исключительно иудейскими, состоящими из иудейских иудеев, ринувшихся к Петронию из Иудеи через враждебные Самарию и Галилею. Более того, упоминание каких-то «тамошних» иудеев в Тивериаде не может не удивлять на фоне перечисления Флавием населения в новопостроенной Тивериаде:

«Всевозможные пришельцы отовсюду, в числе которых было немало галилеян, множество насильно удаленных и отправленных в ссылку людей... всевозможные набранные отовсюду бедняки, равно как целый ряд лиц, свободное происхождение которых не было даже установлено» (*Древности* 2: 13).

Какие же иудеи станут оскверняться проживанием в про'клятом городе (построенном на кладбище), да и в «языческой» стране среди населения, которое состоит из перечисленного Флавием? Ирод даже синагогу там построил, чтобы привлечь туда евреев, но – тщетно. Так что «огромные толпы» иудеев были исключительно населением иудейской Иудеи, и пришли они оттуда, поскольку никаких местных иудеев в Самарии-Галилее просто не было и взяться им было там неоткуда, что уже было нами показано на протяжении всей истории Галилеи.

Зачем же тогда Петроний отправился в Тивериаду, «чтобы ознакомиться с настроением тамошних иудеев»? Да потому что Тивериада как раз в это время была столицей Галилеи, и Петроний просто ошибся, приняв Тивериаду за столицу тех иудеев, которых обнаружил в Птолемаиде.

1.20. Иоаннан бен Захай (1 в. н. э.). Утверждают, однако, что несмотря на скверну Тивериады с точки зрения иудея (построена на костях), Иоаннан бен Захай, современник Иисуса, был уроженцем и воспитанником иешивы в Тивериаде – и этим доказывается, что Тивериада была иудейским городом, с синагогой и иешивой, иудейским духовным училищем.

«Согласно Мишне, Иоханан бен Заккай был учеником-преемником Хиллела и Шаммая. Амора Ула утверждает, что Иоханан бен Заккай 18 лет жил в городе Арав (Нижняя Галилея), где поселился, видимо, после периода ученичества» [\[4\]](#).

Про рождение и учебу в иешиве в Тивериаде ничего не сообщается, но лишь об учении у Хиллела и Шаммая, оба возглавляли Синедрион, к Галилее не имеют отношения. Поскольку Синедрион находился в Иерусалиме, то и они, и ученик – там же. Чем занимался 18 лет после учебы, проживая в Галилее, – неизвестно. Зато известно, что Иуда Галилеянин был иудейским ученым богословом, учредителем и возглавителем «четвертой» секты, и одновременно разбойничал в Галилее. Если одно другому не мешало в его случае, то почему бы не предположить аналогию и в случае с Заккаем?

Всем вышеперечисленным исчерпываются письменные исторические сведения о Галилее. На их основе можно сделать *следующие выводы*:

1. Галилея со времен ассирийского пленения Израиля и вплоть до Первой Иудейской войны по сути никогда не была иудейской по населению, не была обращена в иудаизм, не была населена ни иудеями, ни иудейскими прозелитами, и при формальной четвертьвековой зависимости от власти фанатичных иудейских царей Хасмонеи фактически от них не зависела.

2. В Галилее иудеи не жили и не селились – но лишь разбойничали, грабили, насиловали и притесняли местное население, считая их чужаками и временными оккупантами исконных еврейских земель – каковыми оккупантами, колонизаторами и захватчиками, разбойниками и бандитами их взаимно считало местное население, начиная с хасмонеи восстания.

3. Накал взаимной ненависти просто не мог позволить и допустить соседское существование иудеев с местным населением: они бы просто не решились селиться в Галилее языческой иначе, как под охраной войск за крепостными стенами.

Однако, весьма существенными в вопросе правильного понимания этнорелигиозного состава населения Галилеи являются результаты археологических изысканий в Галилее. К сожалению, провести непосредственный анализ всего громадного объема полученных за тридцать лет результатов изысканий галилейской археологии не представляется возможным в рамках журнальной публикации – возможно только ограничиться критическим рассмотрением тех выводов, которые делаются на основе такого анализа, за добросовестность и беспристрастность которого мы поручиться не в силах, в целом ряде солидных монографий авторов «третьего поиска» Иисуса.

2. Археология в интерпретации «третьепоисковиков».

К. В. Неклюдов в своем исследовании обобщает результаты археологических раскопок в Галилее и приходит к выводу, что «археология показывает» иудейскую идентичность галилеян I в., они потомки хасмонеи переселенцев из Иудеи [\[6, с. 214\]](#). Мы проведем свой по возможности непредвзятый анализ указанных археологических данных, интерпретируемых в многочисленных публикациях «третьепоисковиков» как особый вид «эллинизированного иудаизма» [\[19\]](#).

Исследователями были выделены маркеры иудейской принадлежности: наличие синагог, микв (ступенчатых бассейнов для совершения ритуальных омовений), оссуариев (иудейских захоронений), элементов каменных сосудов и отсутствие в быту свинных костей [\[17\]](#) – все это, по мнению «третьепоисковиков», неопровержимо свидетельствует

об этнорелигиозной принадлежности населения Галилеи раннеримского (68 г. до н.э. – 70 г. н. э.) периода к потомкам хасмонеяского исхода иудеев в Галилею с целью экспансии северных территорий.

Было раскопано три города: Сепфорис, Тивериада и Гамала. Все три города носят все признаки типичных греческих городов, не станем подробно перечислять их. Из находок иудейской культуры в них обнаружены постройки, идентифицированные как синагоги – но неточно, и их «датировка спорная» [\[14\]](#). В отношении микв надлежит вспомнить о распространенной на территории Галилеи во времена Иисуса религии мандеев-назореев, проводивших свои крещения обязательно в «йорде», то есть проточной воде (Иоанн Креститель был назорейским пророком и крестил в Иордане) – они тоже могли строить для своих нужд бассейны с проточной водой, которые отличить от микв археология не сможет, если не обнаружит ритуальных надписей, рисунков и датировки, ничто из которых так ни разу и не было обнаружено.

В «сельских» городах в наличии то же самое: кое-где вроде бы синагоги неопределенной датировки, миквы неясного назначения, и каменные черепки – среди множества греко-римских находок [\[19\]](#).

В деревнях – просто ничего [\[11\]](#).

При этом признается, что слои I в. сохранились очень плохо [\[11\]](#); от, собственно, деревень Галилеи I в. осталось очень мало археологического материала, «Находки I в. в Назарете фрагментарны и плохо опубликованы» [\[17\]](#). Откуда при этом взялось утверждение о двукратном умножении деревень и, тем более, населения именно в период хасмонея по сравнению с предыдущим [\[13\]](#) – непонятно. Как вообще возможно что-то археологически зафиксировать при отсутствии материала? Но даже если это и так, это не является категорическим признаком переселения именно иудеев из Иудеи в Галилею при хасмонеях, тем более, что исторические источники утверждают как раз обратное. Это могли быть и греки, и египтяне, и те же идумеи из завоеванных Аристовбулом южных территорий современного Ливана. Да и вообще кто угодно, поскольку к хасмонеяской империи Галилея формально принадлежала всего последние 25 лет в самом конце хасмонеяского периода. То же относится и к утверждению о двукратном увеличении населения Галилеи в раннеримский период, причем для этого периода полного отделения Галилеи от Иудеи в качестве самостоятельной римской провинции увеличение населения за счет исхода из Иудеи не выглядит убедительным даже как предположение.

То есть, ни обнаруженные синагоги, ни раскопанные миквы не могут точно свидетельствовать о наличии иудеев в составе оседлого населения Галилеи в раннеримском столетии; датировать эти постройки в пределах ста лет невозможно, да и предназначение этих построек может быть поставлено под сомнение.

Что касается фрагментов каменных сосудов, то остается непонятным, на чем основано утверждение, что это – непременно – остатки иудейских сосудов для ритуальных омовений. Во-первых, культура каменных сосудов была широко распространена в древнем мире, и каменные сосуды использовались отнюдь не в одной только Иудее – но повсюду от греко-римской ойкумены до Египта, где их найдены тысячи в идеальной сохранности. Аргумент, что в Палестине ими пользовались одни только правоверные иудеи для своих ритуальных надобностей, поскольку в отличие от глиняной посуды каменная не может быть «осквернена», не выглядит убедительным: в Иудее, наряду с

каменной, широко использовалась и глиняная посуда.

В качестве маркера «на иудаизм» упоминается также отсутствие свиных костей, то есть не употребление свинины в пищу. Возможно, однако, что свиноводство вообще не было развито в Галилее, как сельхозотрасль, по причинам отнюдь не религиозным. В мире полно таких мест, где свиней просто не разводят – например, в горной Грузии. Ссылки на упоминание свиноводства в синоптических евангелиях «в стране Гадаринской» или Гергесинской, не являются исторически достоверными хотя бы по причине отсутствия там крутых берегов, с которых бросились свиньи, утопившись. Тем более, что особо подчеркивается другая сторона Генисаретского озера «напротив Галилеи» (Лк. 8: 32-33; Мк. 5: 1-16; Мф. 8: 28-32).

К тому же, бытовая субкультура распространяется гораздо быстрее и шире, чем религиозные взгляды и верования. Современные христиане соблюдают в быту множество обрядов и обычаев: блюдают посты, крестят детей, венчаются, отпевают покойников – все это при массовой религиозной апостасии. Так что на основе обнаружения в раскопках на территории Галилеи предположительных микв, синагог и каменной посуды, а также отсутствия свиных костей, категорически утверждать принадлежность галилеян к массовому ритуальному иудаизму, мягко говоря, не вполне корректно. И даже если галилейские политеисты переняли у иудеев некоторые религиозные обычаи (в том числе – и неприязнь к употреблению в пищу «нечистой» свинины по соображениям более гигиеническим, чем ритуальным), обнаружение характерных для иудаизма материальных артефактов не может являться достоверным доказательством принадлежности их пользователей к иудейскому еврейству.

То же относится к оссуариям: практика захоронения костей покойников в специальных вместилищах отнюдь не является исключительно иудейской, а о сугубо иудейских надписях на оссуариях ничего не сообщается.

Заключение.

И наконец, все это обнаруженное археологическое хозяйство неразлично по времени своего происхождения в I в. до н. э. от I в. н. э., когда случился тот самый реально исторически зафиксированный исход иудеев в Галилею, при котором количество населения, синагог, микв и всего иудейского обихода увеличилось кратно, – никакой датировки на всем этом обнаружено не было, а без нее установить временную разницу в 100 лет археологическими методами, очевидно, невозможно.

Мнение «третьепоисковиков» о «содержательном региональном плюрализме галилейского иудаизма» можно принять лишь в том смысле – и согласиться с ним, – что жители Галилеи языческой, как мы установили в нашем исследовании источников, на протяжении всей истории Галилеи «были открытыми политеистами и от своих прежних богов не отрекались». Если взглянуть на археологию Галилеи с этой точки зрения, становится понятным подлинный смысл «плюрализма галилейского иудаизма»: те галилеяне, которые наряду с другими божествами верили и в «хозяина» галилейской земли – еврейское племенное божество Яхве, вполне могли усвоить себе и принятые иудеями формы почитания их родового библейского бога. И тогда «особый иудаизм» галилеян приобретает совершенно другой смысл: воспринятая обрядовость отнюдь не делала галилеян иудеями יְהוּדִים [иуди] в главном смысле иудаизма как поклонения единому и единственному библейскому богу, и уж тем более – евреями עֲבְרִי [иври].

Таким образом, из раскопок в Галилее отнюдь не следует, что ее население было сплошь иудейским – такой категорический вывод в значительной степени может

основываться лишь на упомянутой в начале догматической аксиоме об этнорелигиозной принадлежности Иисуса к еврейскому иудаизму, и свидетельствует лишь о научной предвзятости. Однако, с нашей точки зрения, археология не подтверждает оседлое проживание в Галилее «языческой» во времена Иисуса еврейско-иудейского населения.

Итак, ни имеющиеся документальные исторические свидетельства, ни результаты археологических изысканий не подтверждают прямо и однозначно ни гипотезу о заселенности Галилеи в раннеримский период потомками иудейского исхода в Галилею при хасмонеях, ни общепринятую догматическую «аксиому» о еврейском происхождении и религиозной принадлежности к иудаизму Иисуса Галилеянина и его галилейских учеников.

Библиография

1. Галилея // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. 1982. С. 16-20.
2. Зелинский, Ф. История античных религий. Т. 6. Кн. 2. СПб.: Квадривиум, 2019. 429 с.
3. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Минск: Беларусь, 1994. 558 с.
4. Иоханан бен Заккаай // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 3. 1986. С. 797-799.
5. Маккавеи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 35. 1896. С. 418-419.
6. Неклюдов, К. В. Археология Галилеи и «третий поиск исторического Иисуса // В сб.: «Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви». М., 2017. С. 199-214.
7. Филон Александрийский. О посольстве к Гаю. М.: Мосты культуры, 2017. 336 с.
8. Хасмонеи // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 9. 1999. С. 707-714.
9. Alt, A. Galilaische Probleme. Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. Vol. II. Munchen: C.H. Beck, 1953. 492 p.
10. Bauer, W. Jesus der Galilaer. Leipzig: G. Wigand, 1941. 245 p.
11. Jensen, H. M. Herod Antipas in Galilee // The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee. Tubingen: Mohr Siebeck, 2006. 344 p.
12. Kloppenborg, J.S. Excavating Q: The History and Setting of the Sayings Gospel. Minneapolis: Fortress Press 2000. 546 p.
13. Leibner, U. Settlement and History in Hellenistic, Roman, and Byzantine Galilee. Tu"bingen: Mohr Siebeck, 2009. 471 p.
14. Meyers, E. M. Sepphoris, City of Peace // The First Revolt: Archaeology, History, and Ideology. Routledge, 2002. Pp. 110-120.
15. Jerusalem Talmud. A Translation and Commentary on CD. Ed. J. Neusner. 2010.
16. Rawlinson, G. History of Phoenicia. London; New York: Longmans, Green, 1889. 583 p.
17. Reed, J. L. Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-Examination of the Evidence. Harrisburg, Penn: Trinity Press International, 2000. 253 p.
18. Wellhausen, J. Israelitische und judische Geschichte. Berlin: Reimer, 1897.
19. Zangenberg, J. Jesus der Galilaer und die Archaeologie: Beobachtungen zur Bedeutung der Archaeologie fur die historische Jesusforschung // Munchener Theologische Zeitschrift. Vol. 64. No. 2. 2013. Pp. 123-156.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в эпоху Перестройки произошло крушение господствовавшей на протяжении

семидесяти с лишнем лет официальной коммунистической идеологии, возникший духовный вакуум не могла не заполнить религия. И действительно, по счастливому совпадению именно в 1988 г. торжественно отмечалось тысячелетие крещения Руси, что не могло не вызвать в обществе нарастающий интерес к православию. А ведь внимание к христианскому вероучению обусловило и рост научных исследований по истории христианства.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является этнорелигиозная принадлежность Галилеи. Автор ставит своими рассмотреть упоминание Галилеи в древних письменных источниках, показать археологические раскопки в Галилее, а также определить влияние на Галилею иудеев после своего исхода в эту страну.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать проблемные аспекты этнорелигиозной принадлежности Иисуса из Назарета к еврейскому иудаизму в контексте «поиска исторического Иисуса».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 19 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и немецком языках. Источниковая база статьи представлена прежде всего энциклопедическими и справочными материалами. Из используемых исследований отметим труды К.В. Неклюдова и В. Бауера, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения Галилеи в раннехристианскую эпоху. . Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историческими исследованиями жизни Иисуса Христа, так и раннехристианской Галилеей, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «третий поиск исторического Иисуса» отличается «возникшим интересом к Галилее как родине Иисуса, где, по мнению специалистов в области социологии, сравнительной антропологии, а с 90-х гг. – археологии Галилеи, под влиянием окружающей среды происходило формирование и становление личности Иисуса». Автор отмечает, что «догматизированное утверждение об Иисусе как об этническом еврее и религиозном иудее, очевидно, приводит к вольной или невольной научной предвзятости». Вызывает интерес проведенный автор обзор работ по археологическим данным Галилеи, в рамках которого указывается: «на основе обнаружения в раскопках на территории Галилеи предположительных микв, синагог и каменной посуды, а также отсутствия свинных костей, категорически утверждать принадлежность галилеян к массовому ритуальному иудаизму, мягко говоря, не вполне корректно».

Главным выводом статьи является то, что «ни имеющиеся документальные исторические свидетельства, ни результаты археологических изысканий не подтверждают прямо и

однозначно ни гипотезу о заселенности Галилеи в раннеримский период потомками иудейского исхода в Галилею при хасмонеях, ни общепринятую догматическую «аксиому» о еврейском происхождении и религиозной принадлежности к иудаизму Иисуса Галилеянина и его галилейских учеников».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории религий, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шадрин А.В. Основные направления аграрного развития Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.40033 EDN: GBNGSM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40033

Основные направления аграрного развития Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг.

Шадрин Алексей Владимирович

ORCID: 0009-0009-4756-195X

соискатель, кафедра истории, ХГУ им. Н.Ф. Катанова

655017, Россия, республика Хакасия, г. Абакан, пр. Ленина, 90

✉ alexej.shadrin287@yandex.ru

[Статья из рубрики "Памятная дата в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.40033

EDN:

GBNGSM

Дата направления статьи в редакцию:

23-03-2023

Аннотация: В статье на основе архивных документов и литературы анализируются основные направления развития сельского хозяйства Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг. В частности, внимание уделено динамике развития и структурным изменениям в аграрном секторе экономики региона, которые в указанный период носили противоречивый характер. Присутствовали позитивные тенденции: в указанный период наблюдался рост среднегодового объема валовой продукции аграрного производства, улучшилась его материально-техническая база, новый виток развития получило растениеводство. Но с другой стороны, наблюдались некоторые негативные моменты: сокращение поголовья скота из-за непродуманной экономической политики, направленной на коллективизацию, отсутствие электрификации в сельском хозяйстве, низкая урожайность зерновых в годы первой пятилетки. Изучение основных направлений развития сельского хозяйства страны в целом и Хакасии в частности в 1920-е – начале 1940-х гг. через анализ количественных и качественных показателей способствует раскрытию дискуссионных проблем в отечественной и региональной истории, а именно кооперации, коллективизации, совхозного строительства. Это

позволит обобщить исторический опыт тех лет (позитивный и негативный), который может помочь в преодолении трудностей в российском сельском хозяйстве через соответствующие выводы. Актуальность изучения данной темы также обусловлена изменениями в теоретико-методологической базе в отечественной исторической науке. В настоящее время эту тему можно рассмотреть с позиции теории модернизации в дополнение к предыдущим исследованиям, в частности основанным на формационном подходе. Также актуальность данной темы можно объяснить большим количеством не введенных в научный оборот неопубликованных исторических источников.

Ключевые слова:

сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, Хакасия, Сибирь, динамика развития, структурные изменения, экономическая политика, количественные показатели, качественные показатели

Введение

Необходимость эффективного развития аграрного сектора экономики современной России вызывает потребность в изучении сельскохозяйственной проблематики в отечественной истории. Особое место и значение в этом плане занимает советский период, так как именно в эту эпоху происходили существенные преобразования в области сельского хозяйства страны.

Изучение основных направлений развития сельского хозяйства страны в целом и Хакасии в частности в 1920-е – начале 1940-х гг. через анализ количественных и качественных показателей способствует раскрытию дискуссионных проблем в отечественной и региональной истории, а именно кооперации, коллективизации, совхозного строительства. Это позволит обобщить исторический опыт тех лет (позитивный и негативный), который может помочь в преодолении трудностей в российском сельском хозяйстве через соответствующие выводы, которые могут сделать органы власти различного уровня. Также это позволит прогнозировать дальнейшее развитие региона, а затем и страны по наиболее оптимальному варианту.

Актуальность изучения данной темы также обусловлена изменениями в теоретико-методологической базе в отечественной исторической науке. В настоящее время эту тему можно рассмотреть с позиции теории модернизации в дополнение к предыдущим исследованиям, в частности основанным на формационном подходе. Также актуальность данной темы можно объяснить большим количеством не введенных в научный оборот неопубликованных исторических источников.

Основная часть

Анализ основных направлений развития аграрного сектора Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг. предполагает рассмотрение количественных и качественных показателей его развития, а также структурных изменений.

Важнейшим показателем динамики развития аграрного производства является среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства. В пределах Хакасии за 1928–1938 гг. он увеличился с 7901,8 тыс. руб. до 39740 тыс. руб. (показатель за 1938 г. дан только по колхозам), т.е. в 5 раз ^[1]. Для сравнения, по СССР в течение 1928–1937 гг. данный показатель возрос с 15,2 млрд. руб. до 20,1 млрд. руб., т.е. в 1,3 раза

[\[2\]](#).

Стоит отметить, что в годы первой пятилетки в Хакасии среднегодовой объем валовой продукции аграрного производства сократился с 7901,8 тыс. руб. до 5469,98 тыс. руб., или на 30,7% [\[3\]](#).

Возникновение указанной тенденции обусловлено следующими факторами. Во-первых, из-за экономической политики, направленной на создание коллективных хозяйств (колхозов), произошло сокращение поголовья скота (о чем будет сказано ниже). Во-вторых, в указанный период все еще низкой оставалась урожайность главных растениеводческих культур – зерновых. В 1932 г. она в среднем по региону колебалась от 5,4 ц. с га до 5,6 ц. га. [\[4\]](#).

Несмотря на невысокие количественные показатели, в развитии сельского хозяйства Хакасии происходили важные качественные изменения. За исследуемый период его доля в совокупной валовой продукции региона снизилась. Об этом косвенно свидетельствуют увеличение удельного веса промышленной продукции до 49,6% к 1938 г. и снижение доли занятых в аграрном секторе до 45,9% [\[5, с. 184\]](#). Это являлось одним из признаков построения в Хакасии структуры хозяйства, характерной для индустриально-аграрного общества.

Снижение доли занятого населения в сельском хозяйстве региона также являлось следствием неоднозначной экономической политики, проводимой партийно-государственным руководством в указанный период. Из-за допущенных ошибок при проведении коллективизации, репрессий начался исход крестьян из деревни. Так, в 1926 г. сельское население Хакасии составляло 93,3%, а в 1940 г. его доля понизилась до 64,5%, хотя численность его за это время выросла в 2 раза [\[15, с. 292\]](#).

Важным позитивным изменением стал рост производства валовой продукции на одного занятого в сельском хозяйстве региона. Так, данный показатель к началу 1940-х гг. вырос в 5 раз [\[6\]](#).

На протяжении исследуемого периода заметно улучшилась материально-техническая база аграрного сектора Хакасии. Только за 1938–1939 гг. средства производственного назначения (по совхозам) увеличились в регионе с 32176,5 тыс. руб. до 35309 тыс. руб., т.е. в 1,1 раза [\[7\]](#). Парк тракторов вырос с 2 шт. в 1925 г. до 1262 шт. в 1940 г. [\[5, с. 129, 184\]](#). Увеличивалось количество и другой сельскохозяйственной техники, в частности комбайнов и автомобилей. Количество первых возросло с 15 шт. в 1934 г. до 78 шт. в 1936 г., а вторых – соответственно с 39 до 146 шт. [\[8, с. 72\]](#). Это позволило повысить механизацию сельского хозяйства. Так, механизация сева в колхозах за 1933–1938 гг. возросла с 38,9% до 96,7%, т.е. на 57,8% [\[9\]](#).

Несмотря на представленные выше улучшения, данный сектор экономики оставался не электрифицированным. Об этом свидетельствуют материалы архивного дела, посвященного экономическим показателям по Хакасской автономной области за 1933 г., в частности электрификации. Согласно представленным данным ни одна электростанция не обеспечивала электроэнергией сельское хозяйство [\[10\]](#).

Для выявления основных тенденций развития аграрного производства Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг. необходимо остановиться на изучении отраслевой и территориальной структур.

В исследуемый период в сельском хозяйстве региона произошли изменения в отраслевой структуре (см. таблица 1).

Таблица 1

Отраслевая структура сельского хозяйства Хакасии в 1928–1932 гг. [\[11\]](#)

1928 г.			1932 г.		
Место отрасли в структуре промышленности (по валовой продукции в тыс. руб.)	Отрасль промышленности	Доля (%)	Место отрасли в структуре промышленности (по валовой продукции в тыс. руб.)	Отрасль промышленности	Доля (%)
1	животноводство	67	1	животноводство	60
2	растениеводство	33	2	растениеводство	40

Так, в 1932 г. укрепились позиции растениеводства, продолжавшего занимать второе место, доля которого увеличилась с 33 до 40%. А положение животноводства, продолжающего оставаться доминирующей отраслью, ухудшилось. Его удельный вес снизился с 67 до 60%. Это объясняется проводимой руководством страны и региона в данное время экономической политикой, направленной на создание коллективных хозяйств.

Рассмотрев отраслевую структуру сельскохозяйственного производства Хакасии, проанализируем ее территориальную структуру. В рассматриваемый период целесообразно рассмотреть удельный вес районов в аграрном потенциале региона (см. таблица 2).

Таблица 2

Удельный вес волостей (районов) в аграрном потенциале Хакасии (в %) [\[12\]](#)

1923 г.		1938 г.	
Весь аграрный сектор региона	100%	Весь аграрный сектор региона	100%
В том числе:	22,5%	В том числе:	24%
Усть-Абаканская волость		Аскизский район	
Знаменская волость	18%	Бейский район	21,5%
Усть-Фыркальская волость	14,6%	Усть-Абаканский район	16,9%
Аскызкая волость	13,7%	Богградский район	13,7%
Сейская волость	12,7%	Ширинский район	10,8%
Кизильская волость	10,5%	Саралинский район	6,6%
Синявинская волость	8%	Таштыпский район	6,5%

Если в 1923 г. ведущую роль в сельскохозяйственном потенциале региона занимала центральная Усть-Абаканская волость (будущий Усть-Абаканский район), то в 1938 г. на данной позиции был Аскизский район, специализировавшийся на лидирующей отрасли аграрного производства Хакасии – животноводстве.

Второе место в 1923 г. принадлежало Знаменской волости (будущей составной части Богградского района), где было развито как земледелие, так и животноводство. В 1938 г.

данное место принадлежало Бейскому району, который также имел смешанную специализацию.

Тройку лидеров в 1923 г. замыкала Усть-Фыркальская волость, имеющая смешенную специализацию. В 1938 г. на данную позицию занял Усть-Абаканский район, значительно усиливший свои позиции в промышленном производстве.

Представляет интерес анализ динамики развития основных отраслей сельского хозяйства региона.

В 1920-е – начале 1940-х гг. доминирующей отраслью аграрного производства Хакасии было животноводство. Данный факт является вполне объяснимым, так как этому способствовали природно-климатические и природно-исторические условия. О динамике поголовья скота в указанный период можно судить по данным таблицы 3.

Таблица 3

Численность поголовья скота в Хакасии в 1920-е –1930-е гг. [\[16\]](#)

Название животных	1924	1928	1934	1938
Год				
Крупнорогатый скот (голов)	129571	245672	107366	130280
Лошади (голов)	57686	99625	44506	54425
Овцы (голов)	258439	495960	212649	339285

В 1924 г. количество крупнорогатого скота во всех хозяйствах региона составляло 129571 голов, лошадей – 57686 голов, овец – 258439 голов. К 1928 г. количество крупнорогатого скота возросло в 1,9 раз, лошадей – 1,7 раз, овец – 1,9 раз.

Таких показателей скотоводам позволили достичь преобразования начала 1920-х гг., проводившиеся в рамках новой экономической политики (НЭП). Но в конце упомянутого выше десятилетия руководство страны стало больше внимания уделять организации коллективных хозяйств (колхозов).

Данный процесс оказал скорее негативное влияние на животноводство, так как при его реализации был допущен ряд ошибок (нарушение принципа добровольности при вступлении в колхозы, пренебрежение спецификой национальных районов при осуществлении коллективизации, проведение насильственных изъятий скота), которые привели к массовому забою скота в рамках протестных настроений и, следовательно, снижению его поголовья. К 1934 г. количество крупнорогатого скота во всех хозяйствах региона уменьшилось до 107366 голов, лошадей – 44506 голов, овец – 212649 голов [\[8, с. 69\]](#).

Таким образом, поголовье указанных видов скота за 1928–1934 гг. сократилось более чем в 2 раза.

Во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. ситуация в региональном животноводстве приобрела более позитивный характер. Этому способствовали более тщательный уход за общественным скотом и повышенное внимание к качественному улучшению скота, повышению его продуктивности. В этих целях в Хакасию планомерно завозился высокопородистый скот, в частности племенные жеребцы – орловской и

русской рысистой скаковой породы, быки-производители симментальской породы, тонкорунные бараны. Путем скрещивания их с местной породой работники коллективных хозяйств к 1936 г. вырастили около 4,5 тыс. голов новых рысистых и скаковых лошадей, свыше 12 тыс. голов крупнорогатого скота симментальской породы, 92 тыс. голов тонкорунных овец [\[5, с. 129, 184\]](#). Указанные выше преобразования позволили увеличить к 1938 г. во всех хозяйствах региона поголовье крупнорогатого скота до 130280 голов, лошадей – 54425 голов, овец – 339285 голов [\[8, с. 69\]](#).

В результате, поголовье крупнорогатого скота и лошадей за 1934–1938 гг. увеличилось в 1,2 раза, а количество голов овец за этот промежуток времени возросло в 1,5 раза. Однако животноводство к концу 1930-х гг. еще не восстановилось после массовых убоев начала десятилетия.

Важной отраслью в структуре аграрного производства Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг. было земледелие. В силу природно-исторических и природно-климатических особенностей региона оно находилось на вторых ролях, но его значение постоянно повышалось. Этому способствовали меры принятые в рамках проводимой экономической политики. Они выражались в увеличении уровня механизации сельскохозяйственных работ и полеводства в частности, а также в улучшении агротехники и мелиорации.

Данные преобразования позволили увеличить за 1929–1933 гг. посевные площади с 56 тыс. га до 125 тыс. га или на 123%, а с 1934 по 1937 г. они выросли со 144,6 тыс. га до 173,1 тыс. га или на 19%.

Рост посевных площадей в регионе шел в основном за счет более ценных сельскохозяйственных культур, особенно за счет пшеницы. Ее посевы с 1930 по 1935 гг. увеличились с 27,3 га до 66,7 га, т.е. на 144%. Подобная тенденция прослеживалась и по всем зерновым в целом. Их посевы за указанный промежуток времени возросли с 59,1 га до 135,7 га, т.е. на 129%. Также высокие показатели роста (с 30,8 га до 67,1 га или на 117%) прослеживались и по фуражным культурам [\[14, с. 81\]](#).

Стоит отметить, что в основном поля были заняты зерновыми. Так, в 1935 г. они занимали 63% посевных площадей колхозов. На остальной части возделывались овощебахчевые, технические, кормовые и прочие культуры [\[14, с. 81\]](#).

Росла урожайность сельскохозяйственных культур. Так, по представленным в работе «Очерки истории Советской Хакасии (1917–1991 гг.)» данным, «урожайность пшеницы до 1931 г. была 8,83 ц. с га, в 1938 г. – 13,3 ц. с га» [\[8, с. 73\]](#).

Заключение

Таким образом, в указанный период основные направления сельскохозяйственного развития Хакасии носили противоречивый характер. Присутствовали позитивные тенденции: наблюдался рост среднегодового объема валовой продукции аграрного производства, улучшилась его материально-техническая база.

В 1920-е – начале 1940-х гг. новый виток развития получило растениеводство. Происходил рост посевных площадей. Этому способствовало повышение уровня механизации полеводческих работ, а также в улучшения в области агротехники и мелиорации.

Но с другой стороны, наблюдались некоторые негативные моменты: сокращение поголовья скота и отток крестьян из деревни из-за непродуманной экономической

политики, направленной на коллективизацию, отсутствие электрификации в сельском хозяйстве, низкая урожайность зерновых в годы первой пятилетки.

Библиография

1. Рассчитано по: ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Там же. Д. 29а. Л. 5.
2. Статистические динамические ряды за 1913–1951 годы. С. 109. URL: http://istmat.info/files/uploads/40054/rgae_1562.41.65_statisticheskie_dinamicheskie_ryady_1913-1951.pdf (дата обращения: 25.11.2022).
3. Рассчитано по: ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
4. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 36. Л. 170.
5. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг. / под. ред. П.Н. Мешалкина. Абакан, 1963. 420 с.
6. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М., 1928. С. 230–231; Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995. С. 239; ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 196. Л. 20,21; Там же. Д. 1. Л. 2; Там же. Д. 29а. Л. 5.
7. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 29а. Л. 190.
8. Очерки истории Советской Хакасии (1917–1991 гг.) / науч. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан, 2019. 252 с.
9. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 29а. Л. 82.
10. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.
11. Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
12. Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 29а. Л. 5
13. Социально-экономическое развитие Хакасии (XX – начало XXI века) / отв. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан, 2014. 250 с.
14. Рассчитано по: Смердов И.М. Сельское хозяйство Хакасии за 40 лет Советской власти // Записки Хакас. науч.-исслед. ин-т яз.,лит. и истории. 1958. Вып. 6. С. 81.
15. Шапошников, Г.М. Вехи становления и развития аграрного сектора Хакасии / Г.М. Шапошников, Д.В. Дугаржапова, В.П. Чебодаев // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2. С. 291–297.
16. Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 20. Лл. 1–4; Очерки истории Советской Хакасии (1917–1991 гг.) / науч. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан, 2019. С. 69.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

1. Тема статьи "Основные направления аграрного развития Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг."(далее-Произведение) актуальна и релевантна специализации Журнал: Genesis: исторические исследования (далее -Журнал).
2. Содержание Произведения не вполне соответствует заявленной в названии теме. А именно, в названии фигурирует период «1920-е – начало 1940-х гг.», при этом в основном фигурирует статистика до 1938 г. Вероятно будет целесообразно определить в наименовании статьи исторический период «1920-х – конец 1930-х гг.», что более соответствует внутреннему содержанию произведения.
3. Качество представления исследования и его результатов в Произведении не соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Во введении

определен предмет исследования. Методология «с позиции теории модернизации в дополнение к предыдущим исследованиям, в частности основанном на формационном подходе» не реализована в тексте статьи, также как и не освещены упоминаемые «предыдущие исследования». Задачи исследования не определены.

4. Научная новизна Произведения автором обоснована как необходимость введения «в научный оборот неопубликованных исторических источников», что не является достаточным основанием научной новизны. Изложенные в заключительной части выводы соответствуют тексту Произведения, но выводы поверхностны, их достоверность и обоснованность не подтверждена достаточным количеством рецензируемых научных источников. Научная аргументация отсутствует. Более того, автор рекомендует потенциальным читателям сделать выводы самостоятельно: «выводы, которые могут сделать органы власти различного уровня». Значимость выводов не соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

5. В тексте Произведения отсутствует анализ текущего состояния исследуемой проблемы, анализ и критика полученных результатов с апелляцией к оппонентам.

6. Научная литературы и источники, использованные автором, релевантны проблематике Произведения, но недостаточны для раскрытия темы. Согласно требованиям Журнала «рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников, который должен содержать: не менее трети зарубежных источников; не менее половины работ, изданных в последние 3 года. В список литературы включаются только рецензируемые научные источники (статьи из научных журналов и монографии), которые упоминаются в тексте статьи». В этой связи, объем библиографического списка недостаточен. Из 16 указанных в библиографии источников, 11 – архивы. В списке литературы отсутствуют рецензируемые научные источники (статьи из научных журналов и монографии), изданные в последние 3-5 лет. Учитывая степень исследованности проблематики, объем списка литературы для мог бы составить не менее 20-25 источников.

7. Оформление работы не соответствует требованиям, предъявляемым к подготовке академических журнальных статей: отсутствуют необходимые структурные элементы, посвященных анализу состояния темы исследования, постановке решаемой задачи, методике исследования, критическому анализу результатов; стиль изложения информационно-реферативный, лингвостилистические характеристики, присущие научному стилю в целом отсутствуют, информационная насыщенность недостаточная. Наличие таблиц в тексте обосновано. Возникают вопросы к содержанию таблицы 2 «Удельный вес волостей (районов) в аграрном потенциале Хакасии (в %)» в плане взаимодействия левой и правой части таблицы: тексте Произведения недостаточно комментариев по переименованию волостей в районы и их соответствию. Оформление библиографического списка не соответствует требованиям Журнала.

8. Степень научной новизны Произведения не соответствует требованиям, предъявляемым к подготовке академических журнальных статей, статистические данные, по большей части уже введены в научный оборот. Интерес для научного сообщества с точки зрения вклада в развитие науки минимальный.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью Основные направления аграрного развития Хакасии в 1920-е – начале 1940-х гг.»

Предмет исследования – основные направления аграрного развития Хакасии в 1920-начале 1940-х гг. Целью рецензируемой статьи является изучение структурных, количественных и качественных изменений в аграрном секторе Хакасии. Хронологические рамки работы охватывают 20-40-ые годы 20 века, то есть период реформ в землевладении и землепользовании, коллективизации, раскулачивания, военный период.

Методология исследования. Методологической основой работы являются принципы диалектики и историзма, научности и объективности как главные принципы исторического познания. Принцип диалектики и историзма позволил рассмотреть основные направления аграрного развития в Хакасии в динамике, во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими явлениями с учетом конкретно-исторических условий и в хронологической последовательности. Принцип научности и объективности дал возможность раскрыть прошлое с позиций исторической правды, выявить условия и факторы, обусловившие динамики количественных и качественных изменений аграрного сектора экономики Хакасии. Принцип объективности выразился также в привлечении всей совокупности выявленных фактов их отбора и анализа.

Актуальность исследования. Актуальность статьи определяется тем, что в настоящее время проблемы геополитического и экономического характера ставят задачу обеспечения страны продовольствием и укреплением продовольственной безопасности страны, что актуализирует проблемы, связанные с вопросами аграрного развития страны в целом и ее отдельных регионов. В этих условиях возрастает интерес к изучению опыта советских реформ первых десятилетий советской власти: реформ в сфере землепользования, продовольственного обеспечения города и деревни, опыта коллективизации, развития растениеводства и скотоводства и их соотношения в зависимости от традиционных форм сельского хозяйственного производства населения региона. Представляется в этом плане интересен и опыт Хакасии, где в достаточно-короткий период (на протяжении около двух десятилетий) произошли существенные изменения в аграрной сфере.

Научная новизна работы определяется тем, что статья подготовлена на основе широкого круга источников, в том числе архивных (материалы из Национального архива Республики Хакасия), часть из которых впервые вводится в научный оборот. Научная новизна работы определяется тем, что проблема развития растениеводства, скотоводства, изменения численности занятых в сельском хозяйстве, влияние политики коллективизации на аграрное развитие Хакасии изучено недостаточно. В статье сделана также попытка анализа советской политики модернизации в аграрной сфере.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи является академический, язык четкий и ясный. Материал статьи будет понятен не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Апелляция к оппонентам представлена в анализе собранного автором материала, хорошего знания темы и смежных тем изучаемого вопроса, достаточно глубокого анализа разнообразных источников и литературы по исследуемой теме в целом. Библиография рецензируемой статьи в целом свидетельствует о знании предмета исследования.

Выводы автора объективны и вытекают в целом из проведенной автором работы. Статья будет интересна всем, кто интересуется вопросами аграрного развития страны и ее отдельных регионов в 1920-1940-ые годы, опытом советского модернизации. Статья написана на актуальную тему, имеет признаки научной новизны.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Балдин А.К. Место и роль конституционных положений в формировании военной идеологии: исторический опыт Российского государства // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.44057 EDN: IQKXMR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44057

Место и роль конституционных положений в формировании военной идеологии: исторический опыт Российского государства

Балдин Александр Константинович

кандидат юридических наук

доцент, кафедра гражданского права и процесса, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Проспект Гагарина, 23

✉ akbaldin@unn.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.44057

EDN:

IQKXMR

Дата направления статьи в редакцию:

18-09-2023

Аннотация: Статья посвящена историко – правовому исследованию форм выражения концепций военной идеологии в конституционных положениях основных законов советского государства и современной России. Объектом исследования является сравнение идеологических подходов, связанных с восприятием человеком, обществом и государством войны как социально-политического явления и армии как основного инструмента её ведения. Предметом исследования выступают конституционные нормы, принятые и действующие на различных этапах политико-правового развития Российского государства. Автором рассмотрены особенности правового регулирования военно-идеологических установок, воззрений и ценностей в различных исторических условиях, подчеркнуто значение военной идеологии в осуществлении регуляции всей военной сферы общества. Научная новизна представленной работы заключается в проведении сравнительного анализа характера изменений во взглядах и подходах к решению вопроса об участии населения в организации вооружённой защиты

государства. На основе изучения положений, содержащихся в текстах конституций, автор приходит к выводу, что вне зависимости от формы и типа государства, внешнеполитических обстоятельств, элементы идеологии военной сферы в той или иной степени находили своё отражение в основополагающих правовых документах, что свидетельствует об их важности в процессе политико-правового воспитания населения и формировании его нормативно-ценностной основы.

Ключевые слова:

военная идеология, армия, вооружённые силы, национальная безопасность, милитаризм, военная сфера, военная доктрина, конституционные основы, идеологические концепции, конституция

На протяжении всей своей истории человечество неоднократно пыталось дать правовую, философскую, морально-нравственную оценку категории «война» и выработать общепринятые подходы при уяснении её сущности. По выражению выдающегося китайского мыслителя Сунь-Цзы, «понимание сущности войны имеет жизненно важное значение для государства» [\[1, с. 8\]](#). Это, прежде всего, обусловлено тем, что война приводит либо к уничтожению государства, либо, наоборот, к его выживанию, к могуществу и процветанию или упадку. В этой связи одним из основных направлений его деятельности в международной сфере является функция обороны, актуальная как в прежние времена, так и в настоящее время. Также следует помнить, что признаком и необходимым атрибутом любого государства является наличие армии, выполняющей не только ряд внешнеполитических функций, но и участвующей во внутреннем механизме правоохранительной деятельности. Если народ декларируется носителем суверенитета государства, то вооружённые силы представляются его гарантом, обеспечивающим территориальную целостность страны и неприкосновенность государственных границ.

Построению мощной, готовой выполнять любые задачи армии способствует формирование идеологических начал её деятельности. Идеология как совокупность правовых, политических, нравственных знаний, убеждений и ценностей об окружающем мире и месте человека в нём в силу своей содержательной основы охватывает все сферы жизни государства и общества. Важным составным элементом идеологии как общесоциального понятия выступает государственная идеология включающая в себя систему взглядов, идей, представлений, выражающих интересы, прежде всего, государства на определённом историческом этапе. Принимая во внимание, что приоритеты государства и населяющего его народа могут изменяться, трансформироваться с течением времени, государственную идеологию нельзя рассматривать в качестве постоянной категории, она развивается вместе с государством и отражает модель его взаимодействия с системой общественных отношений. Государственная идеология, выражая публичные идеалы, ценности и убеждения, во многом определяет направления развития страны и формирует её духовно-нравственный фундамент.

Анализируя соотношение, взаимное влияние государства и армии с определённой долей уверенности можно утверждать, что составной частью государственной идеологии представляется военная идеология, основные структурные элементы и сущностные характеристики первой без труда проецируются на вторую. Данную позицию, в частности, разделяет профессор В. Г. Ольшевский, утверждающий, что «военная идеология как составная часть государственной идеологии конституировалась в XX

веке» [\[2, с. 123\]](#). Будучи разновидностью идеологии как комплексного социального явления, военная идеология представляет собой форму общественного сознания, выраженную в сложившейся под воздействием различных внешнеполитических, историко-культурных и иных факторов системе взглядов, оценок, убеждений, идей, выражающих отношение человека, общества и государства к войне как к социально-политическому явлению, и армии. По мнению Е. А. Иукова, существование военной идеологии «определяется потребностями государства до тех пор, пока существуют армии и военные конфликты» [\[3, с. 94\]](#). Несмотря на специфичность рассматриваемого вида идеологии, круг её носителей не ограничивается только лишь субъектами общественных отношений, непосредственно участвующими в военной деятельности. С учётом того, что защита Отечества является долгом и обязанностью каждого гражданина, принимая во внимание потребность каждого в обеспечении личной безопасности, субъектный состав потенциальных носителей военной идеологии следует рассматривать более широко без определения социальных границ. Каким бы миролюбивым не декларировалось государство, каким бы демократичным не представлялся его внешнеполитический курс, вопросы войны, организации вооружённых сил всегда присутствуют в информационной повестке.

На протяжении длительного периода времени многие государства избегали и сейчас продолжают избегать использования термина «военная идеология», придавая ему безусловный отрицательный оттенок. Опыт мировых войн сформировал крайне негативное отношение к милитаризму, с которым зачастую полностью отождествляют военную идеологию. Вместе с тем, данное представление о военной идеологии является упрощённым и не совсем корректным. Необходимо отметить, что сама военная идеология может быть выражена в нескольких категориальных формах. Милитаризм всего лишь одна из таких форм, характеризующаяся абсолютизацией значения военных средств в решении внешнеполитических задач. Рассматриваемая форма ориентирована на активное использование армии и иных военных институтов, их безусловное доминирование в механизме государства перед другими политическими институтами, милитаризацию экономики и иных сфер жизни общества. Вместе с тем, помимо необходимости увеличения численности вооружённых сил, стремления присоединиться к агрессивным военно-политическим блокам, содержание военной идеологии может включать в себя менее категоричные и более сбалансированные концепции и идеи. Например, вместо ведения захватнических войн и маниакального желания физического уничтожения населения какого-либо государства, основанного на исторической ненависти, военная идеология государства может быть сконцентрирована исключительно на защите своей территории и проживающего на ней населения. В этом случае военные средства используются исключительно для выполнения оборонительных функций, а любые возможные военные наступательные операции трансформируются из оборонительных действий. Таким образом, военная идеология может выражать не только экспансионистские милитарные идеи и убеждения, но поддерживать вполне себе миролюбивые гуманистические ценности и устремления. Во избежание социального «негатива», вызванного неправильным восприятием и толкованием категории «военная идеология» в научной литературе также предлагается в качестве альтернативы данному термину использовать понятие «идеология военной сферы» [\[2\]](#).

Учитывая роль военной идеологии в осуществлении регуляции всей военной сферы общества, её правовая фиксация имеет определённые особенности, одной из которых является закрепление базовых структурных и содержательных элементов идеологии в текстах основных законодательных актов и программных документах государства. К

таким источникам относятся конституции, военные стратегии, военные доктрины, концепции национальной безопасности и другие основополагающие акты доктринального порядка, на самом высоком юридическом уровне формализующие идеологические начала в военной сфере. Несмотря на то, что в ныне действующей Конституции России [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года] декларируется положение об отсутствии государственной (а значит и военной) идеологии, это не означает её отрицание, поскольку в содержание Основного закона входят иные правовые концепты, которые в полной мере можно считать идеологическими. Ни в одном государстве не может присутствовать идеологический вакуум, способный повлечь за собой нравственно-ценностную дезориентацию населения. Аналогичным образом обстоят дела и с военной идеологией, которая практически не представлена в конституционном тексте, но получает дальнейшее развитие и конкретизацию в иных программных документах. Так, система взглядов на подготовку к вооружённой защите и вооружённую защиту нашей страны содержится в Военной доктрине Российской Федерации [утверждена Президентом РФ 25.12.2014], которая на основе анализа военных опасностей и военных угроз формулирует ключевые положения военной политики, направления военного строительства в целях обеспечения обороны государства. Фундаментальные ценности и принципы, формирующие военную идеологию, также фиксируются в Стратегии национальной безопасности [утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400].

Деидеологизированный характер действующей Конституции вовсе не свидетельствует о формировании соответствующей правовой традиции отказа государства от провозглашения необходимых обществу идеологических ориентиров, в том числе, и в военной области. Хотя конституционное развитие России и не является продолжительным по времени, в сравнении со многими другими государствами, оно имеет свои особенности, связанные и со спецификой изложения и построения идеологических конструкций Основного закона в отдельные исторические периоды. Советские конституции, представлявшие собой идеологизированные правовые документы, не уделяли значительное внимание военным вопросам. При этом они адекватно отражали трансформации военно-политического устройства страны и фундаментальные преобразования, происходившие в сфере военной политики и военного строительства. Этого было вполне достаточно для правильно ориентированного политического воспитания общества и его консолидации перед возможными внешними угрозами. Как справедливо отмечено Р. М. Тимошевым, военная идеология рассматривалась «частью советской идеологии, системой взглядов Коммунистической партии, государства и трудящихся на задачи страны и пути их успешного выполнения в деле вооружённой защиты советского народа и государственных интересов от внешней империалистической агрессии» [\[4, с. 17\]](#). В связи с этим обстоятельством представляется интересным проведение сравнительно-правового ретроспективного исследования положений конституций Российского государства, содержащих элементы государственной идеологии военной сферы.

Целью принятия первой советской Конституции РСФСР 1918 г. [принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.] стало укрепление диктатуры пролетариата, революционного порядка в государстве, а также нормативное закрепление социалистических идей и советской государственности. До принятия рассматриваемого документа в стране уже действовал ряд декретов, носивших конституционный характер, регламентировавших фундаментальные преобразования, в том числе, в военной сфере. Отличительной чертой первой советской Конституции является наличие в её содержании Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (раздел первый), представлявшей собой фактически идеологизированный

структурный элемент, определявший основные принципы и направления социальной, экономической, военной и правовой политики. Так, пп. «ж» п. 3 Декларации декретировал «вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов в целях устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров». Значение Декларации определяется ещё и тем, что в ней формулировались основы новой государственности - диктатура пролетариата и система советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в качестве её политической основы. В самой Конституции в ст.19 устанавливалась всеобщая воинская повинность как инструмент защиты завоевания революции и социалистического отечества. Документ провозглашал новую, классовую пролетарскую демократию, лишая при этом значительную часть населения права защищать государство с оружием в руках, поскольку это право рассматривалось как привилегия трудящихся. Армия предполагалась народной и должна была служить, прежде всего, политическим целям, главная из которых - поддержание социалистического строя. В целом, Конституция РСФСР 1918 г., представляющая собой конституцию диктатуры пролетариата, выражающую классовые отношения общества, учёными оценивается как «наиболее идеологизированная в сравнении со всеми другими (последующими) советскими конституциями» [\[5, с. 187\]](#).

Основной закон СССР 1924 г. [утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.], как и принятая годом позже Конституция РСФСР 1925 г. [утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.] подчеркнули преемственность идеологических концептов прежних конституционных актов. В общесоюзной конституции нашло закрепление образование нового государства, а «Декларация об образовании СССР» и «Договор об образовании СССР» сформировали её содержательную основу. Структурное своеобразие Конституции СССР 1924 г. не оставило нормативный текст без военно-идеологических положений, хотя напрямую они и не формулируются. Вместе с тем, Декларация содержит оценочную характеристику «лагеря капитализма», элементами которой являются «империалистические зверства и войны». Указанные причины во многом и побудили советские республики объединиться в союзное государство совершенно нового типа. Нельзя не согласиться с мнением Б. Е. Рощина, что «создание СССР определялось жизненной необходимостью объединить скудные ресурсы советских республик для противостояния внешней угрозе (военной, экономической и т.п.), консолидации и упрочения диктатуры пролетариата» [\[6, с. 189\]](#). В таких исторических условиях в силу необходимости обеспечения защиты социалистического строя государство не могло себе позволить полностью отказаться от военно-идеологических начал. Более чётко идеологическая составляющая в военной сфере прослеживается в Конституции РСФСР 1925 г., которая юридически зафиксировала опыт создания СССР и отразила исторический путь, пройденный советским государством с 1918 г. Своеобразие Конституции РСФСР 1925 г. выражается в том, что она, логически дополняя содержание Конституции СССР 1924 г., исходит также из положений Конституции РСФСР 1918 г., в частности, в её тексте тождественно воспроизводится декларация об установлении всеобщей воинской повинности в целях «всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции и защиты социалистического Отечества». Вооружённую защиту государства, как и прежде, могли осуществлять только трудящиеся, для которых это было «почётным правом».

Конституция СССР 1936 г. [утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.], в народе прозванная «сталинской», в отличие от иных советских конституций не предусматривала программных положений. Вместо этого она идеологически констатировала построение

социализма в государстве, уточняла социально-экономические основы, отражающие соотношение классовых сил, декларировала процесс демократизации отдельных сфер государственного управления и общественных отношений. В силу последнего обстоятельства Конституцию СССР 1936 г. зачастую характеризуют как самую демократическую в мире на тот период, более того, по степени демократизации ряд авторов сравнивают её с ныне действующей Конституцией России^[7]. Так, по утверждению Е. А. Шершневой, «при принятии Конституции СССР 1936 г. впервые был опробован механизм общенародного обсуждения проекта закона с выдвижением предложений, дополнений и поправок к нему, который в современной России также используется» [Шершнева Е. А. Создание Конституции СССР 1936 года: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2011]. «Сталинская» Конституция по нормативному содержанию была шире прежней Конституции СССР 1924 г. и включала в себя главы, ранее отсутствовавшие в текстах основных законов советского государства. В частности, детально регулировались как основные права, так и обязанности граждан СССР, к числу которых относилась защита Отечества. Основным закон «победившего социализма» сыграл весьма значимую роль в формировании военно-идеологической парадигмы на данном историческом этапе. Согласно ст.132 Конституции СССР 1936 г. воинская служба в рядах РККА определялась как «почётная обязанность граждан СССР», а защита Отечества рассматривалась их «священным долгом». Всеобщая воинская обязанность отныне являлась законом. Таким образом, существенные трансформации произошли в идеологическом понимании института воинской службы как основы военной сферы государства. Если ранее действовавшие советские конституции рассматривали данный институт в виде «почётного права», принадлежащего только трудящимся, то Конституция 1936 г. с учётом произошедших социально-политических изменений, связанных, в том числе, с ликвидацией остатков «эксплуататорских классов», провозгласила воинскую обязанность в качестве «почётной обязанности» каждого гражданина СССР, приравняв её к закону. Отличительной чертой рассматриваемой Конституции можно также выделить определение измены Родине как тягчайшего военного преступления и самого тяжкого злодеяния, караемого по всей строгости закона. По традиции советского государственного строительства вслед за принятием Конституции СССР на следующий год принимались Конституции союзных республик. Большинство нормативных положений Конституции РСФСР 1937 г. [утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.] дословно воспроизводили соответствующие нормы общесоюзной Конституции, принятой годом ранее. Так, Глава XI «Основные права и обязанности граждан» Конституции РСФСР полностью соответствовала аналогичной Главе X Конституции СССР, а военно-идеологические формулировки республиканской Конституции ничем не отличались от деклараций общесоюзного Основного закона.

Следующим этапом дальнейшего развития военной идеологии СССР следует рассматривать принятие Конституции СССР 1977 г. [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. Сохраняя идеологическую преемственность по отношению к ранее принятым Конституциям, Конституция СССР 1977 г., тем не менее, вводила ряд новых конструкций, к числу которых относится концептуализация принципов государственной политики. В рамках проводимого исследования особый интерес представляет Глава 5 «Защита социалистического Отечества» Основ общественного строя и политики СССР. Защита социалистического Отечества провозглашалась важнейшей функцией государства и делом всего народа. По-прежнему подтверждалась всеобщая воинская обязанность, служившая организационной и материальной основой формирования Вооружённых сил

СССР. Вооружённым силам отводилась ключевая роль в системе гарантий безопасности и обороноспособности страны. Таким образом, по сравнению с прежними советскими конституциями Конституция СССР 1977 г. формулировала военно-идеологические положения в отдельной главе первого и ключевого раздела Основного закона, что подчёркивает их значение в процессе построения «развитого социалистического общества» и «общенародного государства». Помимо отдельной специальной главы, положения военно-идеологического характера закреплялись в Главе 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР». По аналогии с ранее действовавшими конституциями защита социалистического Отечества рассматривалась «священным долгом каждого гражданина», что подтверждало неразрывную связь армии и народа. После принятия Конституции СССР снова, как и ранее, принимались республиканские конституции, в целом повторявшие основные положения союзного документа, но учитывавшие при этом особенности республиканского развития. В связи с этим, Конституция РСФСР 1978 г. [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.], аккумулировала идеологические ценности Конституции СССР 1977 г.

Значение советских конституций в решении вопроса формирования отношения человека, общества и государства к войне и армии чрезвычайно велико. Основные законы любого управленческого уровня - общесоюзного, союзных республик, автономных республик – выступали основой правового воспитания населения в контексте любви к своей Родине, уважения к советским законам, осознания внутреннего долга защиты Отечества в случае необходимости с оружием в руках. Армия рассматривалась частью народа, его вооружённой составляющей, никак не отделялась от него и, тем более, не противопоставлялась. Несмотря на декларируемый федеративный характер советского государства, его национальный состав, вооружённые силы были едиными общесоюзными. Граждане союзных республик проходили службу в рядах Вооружённых Сил СССР, а не в своих национальных республиканских армиях. Любое внешнее нападение на какую-либо часть огромного советского государства рассматривалось как нападение на каждого советского гражданина, влекущее за собой внутреннюю готовность дать отпор любому агрессору. Наличие единой армии оказывало значительное влияние на обеспечение безопасности и обороноспособности многонационального государства, укрепляло его федеративную основу, а в ряде случаев и устраняло межнациональные противоречия.

Конституция России 1993 г., закрепившая новую модель государственной, политической, правовой и социально-экономической системы, отказалась от прежних идеологических деклараций, излагаемых в тексте Основных законов. Современное Российское государство признаёт идеологическое многообразие, предполагающее невозможность установления никакой идеологии в качестве государственной или обязательной. Сформировалось устойчивое мнение, что государственная или обязательная идеология является препятствием для развития гражданского общества и правового государства, поскольку она непременно будет «навязана» сверху и в конце концов сделает невозможной свободу мысли, слова и ряд других личных прав граждан. Оставаясь в стороне от извечного философского спора о необходимости или бессмысленности государственной идеологии для современной России, следует отметить, что отсутствие концептуально выраженной идеологической парадигмы не означает полного отсутствия государственной идеологии, ведь идеологическое многообразие - это тоже публичная идеологическая установка. Также и содержащуюся в ст. 59 Основного закона нашего государства декларацию, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина России», следует рассматривать как элемент современной военной

идеологии. В связи с этим, действующую Конституцию России преждевременно характеризовать как полностью деидеологизированный документ, поскольку, как уже ранее отмечалось, идеологический вакуум невозможен, политическая природа не терпит пустоты.

В заключении следует отметить, что историко-правовой анализ конституционного развития Российского государства подтверждает не только допустимость существования военной идеологии государства, но и её важность для формирования необходимого вектора общественного сознания, нравственного развития граждан страны. Значимость военно-идеологических положений подчёркивается механизмом их закрепления в текстах конституций, что позволяет заявлять о возможности рассмотрения военной идеологии в качестве значимого элемента конституционной идеологии. Кроме того, даже в условиях конституционного запрета и отсутствия государственной идеологии, военно-идеологические конструкции по-прежнему представляются необходимыми для политико-правового воспитания населения и дальнейшего развития государства.

Библиография

1. Сунь-Цзы. Искусство войны / Сунь-Цзы; [пер. с англ. М. Михайлова]. Москва: Издательство АСТ, 2020. 160 с.
2. Ольшевский В. Г. Идеология военной сферы в системе социально-гуманитарного и профессионального знания // Наука и современность. 2011. № 13-2. С. 120-124.
3. Иуков Е. А. К вопросу о формировании новой военной идеологии в современной России / Е. А. Иуков // Вестник Военного университета. 2011. № 4(28). С. 94-97.
4. Тимошев Р. М. К проблеме формирования военной идеологии // Вестник Военного университета. 2007. № 3 (11). С. 13-20.
5. Аникеенко Г. С. Государство диктатуры пролетариата по Конституции РСФСР 1918 г / Г. С. Аникеенко, В. А. Федоренко, В. Г. Балковая // Наука среди нас. 2018. № 1(5). С. 183-188.
6. Рощин Б. Е. Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой Конституции Советского Союза) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 2. С. 189-193.
7. Лазарев С. Е. Соотношение норм Конституции СССР 1936 г. и Конституции РФ 1993 г. // Гражданин и право. 2015. № 7. С. 46-57.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья «Место и роль конституционных положений в формировании военной идеологии: исторический опыт Российского государства» посвящена актуальным вопросам и проблемам использования идеологии для целей стабильного развития общества и государства. Авторами статьи справедливо подчёркивается, что государственную идеологию нельзя рассматривать в качестве постоянной категории. Она развивается вместе с государством и отражает модель его взаимодействия с системой общественных отношений.

Предметом исследования стала военная идеология, важность которой, согласно авторской позиции определяется не демократичностью, но внешнеполитическим курсом, прежде всего, при котором вопросы войны, организации вооруженных сил всегда присутствуют в информационном повестке.

Высказана авторская позиция, согласно которой военная идеология может выражать не только экспансионистские милитарные идеи и убеждения, но поддерживать вполне миролюбивые гуманистические ценности и устремления.

Автором проведен серьезный и комплексный анализ всех основных законов нашей страны, начиная с первой Конституции РСФСР 1918 г. через призму одной из важнейших обязанностей гражданина защищать свое Отечество – от «почётной обязанности граждан СССР», «священного долга» до «всеобщей воинской обязанности». Подчёркнута основополагающая роль конституций в вопросе формирования отношения человека, общества и государства к службе в армии. Отмечается роль ст. 59 Основного закона, в которой закреплено положение о том, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина России». Авторы рассматривают ее как элемент современной военной идеологии.

Сказанным определяется новизна проведенного исследования, ее научные результаты. Рецензируемая статья соответствует, в целом, требованиям, предъявляемым к такому виду научных работ.

Несмотря на то, что статья не содержит специально выделенного методологического раздела, цель и задачи исследования поставлены и реализованы. Сделаны необходимые выводы. Как подчеркивают авторы, историко-правовой анализ конституционного развития Российского государства подтверждает не только допустимость существования военной идеологии государства, но и её важность для формирования необходимого вектора общественного сознания, нравственного развития граждан страны.

Анализ списка использованных источников и литературы показывает его достаточно скромный состав. Считаем, что данное обстоятельство не позволило авторам развернуть широкую научную дискуссию.

Однако, высказанное замечание не влияет значительным образом на качество рецензируемой научной статьи.

Статья написана понятным для читателя языком. Считаем, что она способна вызвать читательский интерес и будет полезна для широкой аудитории, не только целевой, научной, профессиональной. Считаем, что научная статья является полезной, просветительской, что приобретает особую значимость в современных условиях общественно-политического развития страны.

Рецензируемая научная статья «Место и роль конституционных положений в формировании военной идеологии: исторический опыт Российского государства» рекомендуется к опубликованию.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Блейх Н.О. Исламский вопрос в конфессиональной политике Российской державы (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.43430 EDN: IOHKJQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43430

Исламский вопрос в конфессиональной политике Российской державы (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)

Блейх Надежда Оскаровна

кандидат педагогических наук, доктор исторических наук

профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватулина, 46

✉ nadezhda-blejikh@mail.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.43430

EDN:

IOHKJQ

Дата направления статьи в редакцию:

25-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является конфессионально-правовая политика Российской империи относительно мусульман во время включения Северного Кавказа в орбиту влияния. Обосновывается тезис о том каким образом политические события второй половины XVIII – первой половины XIX вв. влияли на государственно-правовую координацию конфессиональной стратегии, складывающейся в крае в условиях модернизации и военного времени. Научная новизна видится в том, что в работе по-особому осмыслена роль социально-правовых установлений России. Несмотря на обилие научных трудов по данной проблематике, автор на основе как известных, так и малоизученных архивных и документальных материалов представил свое видение специфики теократической политики империи относительно горцев-мусульман в указанное время. На основании проведенного обзора автор пришел к выводам о том, что вопрос конфессионального взаимодействия с горскими народами Северного Кавказа был изначально центром внимания Российской державы, которая, распространяя свое влияние на автохтонное население в национальных округах задействовала разные

средства коммуникации – от «кнута» до «пряника», что отразилось на ее политике, в которой столь «удачно» ужились такие несовместимые концепции, как свобода веры и контроль над ней. Несмотря на это, разрабатываемая Российской державой социально-духовная модернизация способствовала консолидации исламского вероисповедания в горской среде. Но многие проекты проводимой реформы оказались имперфективными, и потому по сей день порождают полемику не только среди российских политиков, но и зарубежных политологов. В этом контексте данная публикация может быть полезна не только российским, но и зарубежным исследователям в выработке взвешенной дипломатии в решении мусульманских проблем.

Ключевые слова:

Российская держава, Северный Кавказ, Северокавказский край, автохтонные народы, исламский вопрос, мусульманская религия, конфессиональная политика, духовная модернизация, поликонфессиональный регион, межнациональный диалог

Введение

Одной из главных политических целей современной России является стратегия межконфессионального взаимодействия. В рамках этого направления большое внимание уделяется вопросам исламской религии, ведутся дискуссии о её значении в обществе, высказываются суждения о наследии исламской духовности и роли последней в социализации и просвещении молодёжи. Однако заметим, что участники таких полемизаций зачастую стараются обходить стороной и не привлекать особого внимания к вопросу о корреляции исламского мировоззрения и государственной политики. Такой осторожный подход, на наш взгляд, связан в большей степени с проблемами развития мусульманских радикальных течений, массовых эмиграций из мусульманских территорий, создающих коллапс политики европейского мультикультурализма, с которыми столкнулось большинство европейских государств.

Что касается нашей страны, то она не в пример западным цивилизациям, соприкасаясь с религиозными особенностями мусульманства, старалась наряду с другими верованиями, энергично включать его в политико-правовую систему и гармонично внедрять в социально-духовные отношения. В этом плане Россия являет собой уникальный пример, когда, единожды присоединив большой массив мусульман Поволжья, Приуралья, Сибири, Крыма, Туркестана, Кавказа, она не нарушала их религиозной самоидентификации и продолжала поддерживать отношения с исламским миром. И сегодня правопреемница Российской державы Российская Федерация понимает, что правильно выстроенная межконфессиональная стратегия является залогом и позитивным фактором сплочения нации представляющей особенно важной в условиях ведущегося экономического и военного противостояния России со странами НАТО.

Правительство полагает, что успех проводимых политико-социальных мероприятий зависит от установления выверенных межконфессиональных коммуникаций внутри государства, в частности в его полиэтничных районах, одним из которых является Северный Кавказ. Здесь важнейшей целью социальной политики является переход от национального ренессанса к обновлению гражданскому. Однако в нынешней обстановке мы еще недостаточно близки к выполнению заданного курса из-за имеющего место быть «цивилизационного раскола». В связи с чем приходится признавать, что необходимо найти пути решения такой ситуации. И в этом нам поможет история, при обращении к

которой мы увидим, что в таких же обстоятельствах Северокавказский край, представляющий собой густонаселенную мусульманами территорию, уже оказывался. В XIX веке перед российской властью также вставали задачи проработки и внедрения эффективной конфессиональной политики в отношении нехристианских народностей, от успеха которой зависела дальнейшая межнациональная экзистенция, сплочение и поддержка горцев русской державы. В связи с этим вопрос взаимосвязи конфессиональной политики на мусульман Северного Кавказа в период становления российской государственности является актуальным и практически значимым.

Начала выстраивания межконфессионального согласия с мусульманами (предыстория вопроса)

Северный Кавказ с давних пор являлся многонациональным и поликонфессиональным регионом, в котором счастливо уживались представители различных религиозных верований [\[13, с. 16-21\]](#). Если в России начала XIX столетия абсолютное большинство населения исповедовало православие, а ислам занимал вторую позицию, то на Северном Кавказе (особенно в его национальных областях) доминировала мусульманская вера. И потому российские власти, готовясь присоединить горский край и принять в подданство его многочисленные народы, не могли не учитывать местных особенностей вероисповедания и сообразно этому учились выстраивать свою политику мирного сосуществования, считая конфессиональный фактор базисным в отношениях с кавказскими автохтонами для которых понятия национальной и религиозной принадлежности являлись синонимичными. В связи с чем российским чиновникам в обязательном порядке приходилось принимать во внимание как национальное самосознание горцев, так и их религиозные настроения.

Самая сложная задача для империи состояла в примирении исламской религии с православной государственностью. В начале XIX в. здесь произошло столкновение двух идеологий – российской (европейско-христианской) и исламской (восточно-магометанской), насаждаемой имамом Шамилём. Несмотря на свою противоположность, эти две доктринальные концепции имели единый вектор, заключавшийся в ломке традиционных устоев горского изоляционизма, внедряя правила жизни в системе государства. Однако в отличие от Шамиля у России имелся опыт конфессионального строительства, начавшийся еще в веке XVIII.

Первым, кто обратил внимание на иноверцев-мусульман был Пётр Великий (1672— 1725 гг.), поручивший русскому ученому, доктору медицины и философии Петру Постникову (1666—1703 гг.) в 1716 г. перевести Коран. Выбор был не случаен. Сын дипломата Василия Тимофеевича Постникова, он окончил Славяно-греко-латинскую академию, изучил медицину в Падуанском университете, служил при петровском дворе переводчиком и дипломатом, хорошо владел английским и французским языками. Именно последний был задействован при переводе Корана, сделанного в 1697 г. французом Андре дю Рие.

Через 6 лет (1722 г.) в русском государстве вышел первый научный анализ Корана «Книга система или состояние Мухаммеданския религии», проведенный известным государственным и научным деятелем Дмитрием Кантемиром (1673 – 1723 гг.) [\[5, с. 24\]](#). Интересна судьба этого человека, родившегося в селе Силиштень в семье молдавского государя Константина, являющегося наследником крымско-татарского рода Кантемиров. Знатное происхождение помогло получить Дмитрию хорошее образование (в совершенстве владел турецким, персидским и арабским языками, увлекался музыкой,

литературой, философией). Занимал посты князя Молдавского княжества (1693, 1710-1711), Светлейшего князя России (1711), российского сенатора (1721) и тайного советника (1722). Не случаен был выбор Петром его кандидатуры. Дмитрий был другом российского императора, а во время Персидского похода (1722) заведовал канцелярией и разрабатывал манифесты и обращения к жителям Персии. Поэтому Петр I доверил ему сделать анализ Священной книги, которым пользовались не только русские ученые, но и ученые западных стран.

Однако дальше переводов Корана дело не пошло. Ни сам Петр, ни его последователи (жена Екатерина I (1725 – 1727), внук Петр II (1727 – 1730), Анна Иоанновна (1730 – 1740), Елизавета Петровна (1741 – 1761), Петр III Федорович (1761 – 1762)), правя страной, не особо заботились о судьбе мусульман, считая их «неблагонадежными», притесняя налогами и заставляя насильно принимать христианство. Такая политика была изменена только при Екатерине II (1729 – 1796 гг.), которая официально провозгласила веротерпимость к «инородцам» документально зафиксировав это в своём «Наказе» (1773), где говорилось о позиции государства по отношению к религиям, которые «нельзя запрещать и необходимо относиться к ним бережно» [\[12, л. 4-5\]](#). Этот вердикт касался всех мусульман, в т.ч. и проживающих в Северокавказском крае.

Специфика выстраивания конфессиональной стратегии Российской державы на Северном Кавказе (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX вв.)

После разгрома и аннексии Крымского ханства (1783 г.) долгие годы держащего в страхе южные оконечности государства и пытавшегося с помощью Турции контролировать Северный Кавказ, у Екатерины оказались «развязаны руки» и она более активно стала проявлять интерес к его территориям, являвшимся важными торговыми путями, и где по рассказам путешественников и самих горцев, прежде всего, кабардинцев (принявших подданство России еще в 1557 г. при Иване Грозном), существовали «несметные залежи рудных ископаемых и много племен говорящих на разных языках». К тому же седой Кавказ располагался в выгодном стратегическом положении: находился между Севером и Югом, стоял неизменным стражем между Европой и Азией. И у императрицы возникло желание расширить границы державы, т.е. прирасти землями, тем более что Петр I уже приложил к этому усилие – покорил Азов – предбрюшье Кавказа.

Для начала с целью защиты российских границ от османов была выстроена Азово-Моздокская линия (1777 г.). На ней по примеру построения крепости Терки, когда-то располагавшейся в устье Терека (1588 г.), стали возводить крепости Кизляр (1735 г.), Моздок (1763 г.), Георгиевск (1777 г.), Ставрополь (1777 г.), Владикавказ (1784 г.), Грозную (1818 г.) со временем превратившиеся в крупные населенные пункты. Рядом с русскими в них селились и горцы, которые нуждались в военной защите как от внешних (Турция, Иран), так и от внутренних (набеги соседних племен) посягательств. Надеясь на русскую силу, они не раз отправляли своих послов в Санкт-Петербург с заверениями о преданности. Империя поверила им и приняла под свою руку осетин (1774 г.), ингушей (1767 г.), чеченцев (1779 г.). С этого момента у кавказцев создались условия для социально-экономического развития, а у державы – выход к Закавказью и Азии, подчинение большого количества территорий с теплым климатом, людским потенциалом и природными богатствами. К тому же благоприятное географическое и геостратегическое расположение Кавказа несло и политическую выгоду – чем большими землями располагала страна, тем значительнее с ней считалось мировое комьюнити.

Несмотря на то, что Екатерина понимала значимость проведения реформ, до третьей

четверти XVIII в. законов, регламентирующих жизнь и деятельность мусульман Северного Кавказа, не было. Конкретно исламский вопрос был затронут при утверждении в 1786 г. Кавказского наместничества, где «Самодержица расейская» обратила внимание на необходимость выстраивания добрых отношений «с насельниками края».

Через 16 лет в 1802 г. применительно к адыгам и осетинам, которые «учиняли бунт» недовольные политикой российских чиновников, внук Екатерины Великой Александр I (1801 – 1825) самолично определит причины смуты и, руководствуясь нарративами своей знаменитой бабушки, укажет на способы усмирения кавказцев: «...Не единою силою оружия предлежит победить народы, в неприступных горах живущие и имеющие надежные в оных от войск наших убежища, но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе доверенность, кротостию смягчать нравы, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими...» [\[4, с. 292\]](#).

Этот документ свидетельствует о признании за кабардинцами права на исламскую религию, но считая их «народом с дикими нравами, не имеющим своей морали». В связи с чем императорское разрешение на исламское вероисповедание было скорее вынужденной мерой, чем личным убеждением правителя, который веру начинает использовать как инструмент воздействия имперской власти на кавказские этнические общества с целью их социализации.

Архивные материалы описываемого времени также подтверждают сведения о лояльности российских властей к мусульманской вере. Так, путешественники, побывавшие на Кавказе, описывая «благомыслие» русских властей по отношению к горцам и их вере, утверждали, что «русские на Кавказе занимались строительством мечетей и помогали поставлять мулл и проч.» [\[12, л. 5-16\]](#).

Несмотря на то, что либеральная установка официально провозглашала принцип религиозной веротерпимости и декларировала ее неоспоримое осуществление русское правительство не доверяло полностью иноверцам, поэтому оно стремилось тотально контролировать все исламские институты. Как пример рассмотрим историю создания Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (ГУДДИИ).

Идею о необходимости надзора за нехристианскими религиями впервые высказал президент Императорской академии наук, граф Н.Н. Новосильцев (1761–1838 гг.) [\[8, л. 106\]](#). Однако его проект о создании «министерства всех вер и религий, исключая православного греко-кафолического исповедания» был отклонен, но тема, затронутая им, не была забыта. Следующим, кто ее вновь поднял, был М.М. Сперанский (1772 – 1839 гг.), видный государственный деятель, являвшийся на тот момент статс-секретарем. В своем проекте «Введение к уложению государственных законов» он представил концепцию «особенного департамента под руководством обер-прокурора Синода, которому дела духовные различных исповеданий надлежит рассматривать» (1809) [\[10, с. 706\]](#). Но и эта инициатива не была реализована, тем не менее при учреждении в 1810 г. ГУДДИИ основная суть её все-таки сохранилась.

Руководство новым органом поручили князю А.Н. Голицыну, бывшему обер-прокурором Синода [\[9, с. 278-280\]](#). Первоначально в составе ГУДДИИ находилось 5 отделений, одно из которых разрабатывало указы для мусульман. Известно, что в нём трудились известные эксперты-исламоведы, одним из которых был дагестанский просветитель Казем-Бек [\[1, с. 19-26\]](#). В ведении Департамента находилось заведование конфессиональными округами

(учреждение новых духовных должностей, устройство учебных заведений и богоугодных храмов, контроль за ними и т.д.).

По прошествии 7 лет в 1817 г. ГУДДИИ был реорганизован в Министерство духовных дел и народного просвещения (МДДНП). Причинами объединения двух ведомств стало не только упрощение управления и сокращение расходов, но и идеологические доводы, строящиеся на тесной связи религии, олицетворяющую нравственность, с образованием. Однако в объединенном виде этот орган просуществовал сравнительно недолго. В 1824 г. министерство было расформировано. Дела мусульманские вновь реверсировались в управление обер-прокурора Синода, которым стал министр народного просвещения А.С. Шишков (1754—1841 гг.). При его содействии началось активное искоренение тайной крамолы путём ужесточения цензуры особенно в мусульманских районах [\[14, л. 23\]](#).

После 1832 г. дела иностранных исповеданий были делегированы Министерству внутренних дел, которое, продолжив курс на веротерпимость еще более ужесточило надзор над иноверцами, одновременно с тем порекомендовав российским чиновникам на Северном Кавказе найти подход к мусульманским народам. Наиболее наглядным примером такой двойственной политики является деятельность русского ген. А.П. Ермолова (1777—1861 гг.). В своем проекте по усмирению горских народов в 1833 г. он предлагал:

- «1. Обеспечить за правительством средства контроля и надзора за деятельностью лиц, коих их религиозные верования зачастую ставят в конфронтационные к нему отношения.
2. Противостоять укреплению сплоченности в среде горских сословий.
3. Воспрепятствовать проникновению различных духовных эмиссаров из Ирана и Турции с миссионерскими миссиями.
4. Ограничить по случаю круг влияния духовной знати в среде магометанского населения, не покушаясь при этом на его религиозную идеологию.
5. Поставить наиболее влиятельную часть духовенства в непосредственное подчинение от правительства.
6. Создать, насколько возможно, надзор за духовными школами и училищами.
7. Выяснить наличие духовного имущества, используемого на поддержание заграничного священства» [\[11, л. 4-5\]](#).

Однако несмотря на прописанные в документе «строгости» сам Алексей Петрович следовал заветам лояльности. Он выделял деньги на строительство мечетей и мектебе. Так, в ауле Герменчук до сих пор функционирует большая мечеть, построенная на ермоловские деньги.

Как видим, в правительственных кругах и у чиновников методами конфессионального взаимодействия становился «кнут и пряник», однако свобода на вероисповедание не нарушалась. О том не раз упоминал и начальник Кавказской линии, соратник А.П. Ермолова, ген.-лейт. А.А. Вельяминов (1785—1838 гг.): «...покорным горцам предоставляется совершенная свобода следовать Магометанской или другой какой-либо вере. Никто не должен принуждать их к перемене веры или делать за веру какие-нибудь притеснения при полном контроле со стороны российского военного начальства» [\[3, с. 17\]](#). Одновременно с этим Алексей Александрович призывал чиновников «все

духовенство содержать в суровости, дабы они не замысливали прегрешений супротив российских властей» [\[3, с. 18\]](#).

Вместе «с кнутом», духовные элиты рекомендовалось задабривать различными подачками, как-то: награждать подарками, дарить селения и земли. А на государственном уровне царь Александр I поручил «дать упомянутому духовенству такое устройство, которое могло бы, с одной стороны, внушить местным жителям убеждение, что правительство не имеет в виду посягать на их религиозные верования, а с другой – предоставить власти возможность надзора за духовными лицами, а также поставить последних в зависимость от правительства» [\[7, с. 242\]](#).

Наравне с этим монарх поручил Сенату разработать законопроект о легитимации правовой модальности мусульманских элит. После долгих прений между государственными деятелями таковой был создан и включил в себя следующее:

«- право почетных сословий мусульман Северного Кавказа отсылать своих детей в кадетские корпуса. Об этом говорилось в Указе 1834 года;

- право священнослужителя военной крепости Анапа на государственный кошт. В довершении к работающей в крепости аманатской школе, власти разрешили построить на ее территории мечеть, в которой и должен был служить мулла;

- право кавказских горцев на мусульманское вероисповедание при прохождении курса обучения в российских военных образовательных заведениях. Для этого были изданы «Правила для обучения горцев». Согласно им воспитанникам-мусульманам для совершения таинств и обрядов представлялся мулла;

- разрешение военным мусульманам на получение лекаря и муллы для Дагестанского конно-иррегулярного полка по указу от 1850 года. Эти люди определялись «лицами аварского племени, известными стараниями и преданностью Престолу»» [\[6, с. 111, 132, 150-151, 262\]](#)

Как положительный факт отметим введение закона на судебную деятельность, по которому все наследственные и бракоразводные дела совершались в Горских народных судах по шариатским нормам, но только с поправками, направленными на смягчение наказаний. Вместо кровной мести за убийство или нанесение тяжких увечий стало применяться тюремное заключение. Этот закон знаменовал собой органичное сосуществование государственных и локальных структур и призван был минимизировать жесткую установку державной практики в крае, направленную на централизацию.

Таким образом Российская империя старалась своими лояльными законами выстраивать дружеские отношения с «инаковерными» жителями Северного Кавказа. Отметим также, что и в ходе кавказской войны, главным лозунгом которой стала «борьба за веру», Империя не меняла своего почтительного отношения к исламу. На этот факт обращали внимание причем и западные исследователи Кавказа. Так, известный американский русофоб М. Хаммер в своём труде «Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan», вынужден был признать: «...даже в ходе ожесточенных сражений мечети оберегались русскими войсками» [\[16, с. 112\]](#).

Размышлял о русско-кавказском взаимодействии и американец Дэвид Соркин. В своей монографии «The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna» [\[15\]](#) он связывал его с религиозным просвещением и отмечал позитивную роль

России в этом направлении. Скажем и мы несколько слов о просветительской деятельности Державы, которая образование считала мощным фактором межнациональной коммуникации проводя политику лояльности к существующей системе исламского образования, представленной мектебе и медресе.

Как известно, мектебе с давних пор функционировали при мечетях, затем с приходом России для них стали строить отдельные здания. Процедура их открытия была простой. Для этого необходимо было желание местного прихода, наличие учителя и учеников. Официального разрешения от властей не требовалось. Поэтому мектебе существовали в каждом ауле. Администрация в их деятельность обычно не вмешивалась и финансировались они за счет народного кошта.

Медресе являлись учебными учреждениями более высшей ступени, чем мектебе, поэтому существовали только в крупных городах или у наиболее почитаемых мударрис (учителей), которые специализировались на какой-то одном направлении (например, богословии, исламском праве, шариате и т.д.). Медресе также были не подвластны государственному «пригляду». Недостатком многих таких школ был кадровый состав, т.к. некоторые учителя являлись эмиссарами из восточных стран и потому, отстаивая интересы Турции и других недружественных стран, стремились использовать исламский фактор для продвижения идей, не отвечавшим интересам России. И хоть российские чиновники не вмешивались в дела медресе, не закрывали их, ко второй половине XIX столетия эти учебные заведения перестали пользоваться поддержкой населения, которое все больше стало доверять казенным (государственным) российским школам.

В противовес злобным нападкам некоторых представителей мусульманского духовенства, пугающего «карами небесными» своих прихожан за поддержку российского образования, последние видели, что в государственных школах учебный процесс действительно был направлен на развитие детей. В них основной упор делался на обучение основам духовного вероучения, вместе с тем давались элементарные знания по арифметике, русскому, чтению. Изучался и родной язык.

Для обеспечения учебного процесса стали печататься учебники, методические пособия. Власти разрешили переводить богословскую литературу на русский и другие горские языки. На начальном этапе своего существования учителей в школах не хватало, поэтому обучение велось местными муллами. За казенными школами проводился контроль. Наиболее подробно о специфике мусульманского образования изложено в нашей статье с одноименным названием [\[2, 67-74\]](#).

Таким образом Российская держава, распространяя свое влияние на кавказское население в национальных округах задействовала разные средства коммуникации – от «кнута» (ущемление прав собственности духовной аристократии, временное запрещение хаджа в Мекку, подавление народных протестов) до «пряника» (беспрепятственное отправление богослужебных таинств, заигрывание с местной духовной элитой, свободное религиозное обучение), что отразилось на ее политике, в которой столь «удачно» ужились такие несовместимые концепции, как свобода веры и контроль над ней. Это является свидетельством того, как проводимая на протяжении указанного периода конфессиональная стратегия в мусульманских районах Северного Кавказа коррелировала с существовавшей исторической обстановкой.

Заключение

Отметим, что начиная со времени принятия под «свою руку» Северокавказский край Российская держава озаботилась налаживанием межэтнических коммуникаций с

аборигенным населением. Для чего в центр внимания был поставлен мусульманский вопрос. При содействии российских законов Империя стала усиливать свои позиции в Северокавказском крае, выкристаллизовывая созидательный для российской державности потенциал в отличии от получившего воплощение в имамате Шамиля исламского варианта модернизационного проекта. Несмотря на то, что последний возник из недр горского общества, российский конфессиональный сценарий для автохтонов оказался предпочтительнее. Тогда как мусульманские традиционалисты суровыми методами подавляли у соплеменников инакомыслие, жестко регламентировав все их стороны жизни, Империя старалась уважительно относиться к исламским институтам. Укрепление исламского вероучения предпринималось с целью пробуждения гражданственности и нравственности у «населенников края». В результате чего постепенно возрастал авторитет самой религии, способствовавший консолидации горских национальных обществ.

Так благодаря взвешенной межконфессиональной коммуникации российское государство постепенно консолидировало свои позиции в Северокавказском регионе превращаясь не только в христианскую, но и в исламскую страну каковой она пребывает и поныне.

Библиография

1. Блейх Н.О. Исламский фактор в конфессиональной политике Российской империи XIX века // Политика и Общество. 2017. № 5. С. 19-26.
2. Блейх Н.О. Проблемы конфессионального образования мусульман Северного Кавказа (XIX век) // Педагогика и просвещение. 2017. № 2. С. 67-74.
3. Вельяминов А.А. Правила для управления покорными горцами северных покатостях Кавказа // Источник. 2003. № 5. С. 17-18.
4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб, 1886. 312 с.
5. Законы об управлении духовных дел магометан // В кн.: Свод законов. Т. 11. Ч. 1. СПб, 1896. 423 с.
6. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика) / Составитель Д.Ю. Арапов. М., 2001. 562 с.
7. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 342 с.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 526 [Новосильцев Н.Н.] Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 31. № 24307. С. 278-280.
10. Приходько М.А. Управление делами иностранных исповеданий и государственная система в России в первой трети XIX века (историко-правовой аспект) // Lex Russica. 2012. № 4. С. 706.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив).-Ф. 821 [Министерская система в Российской империи]. Оп. 78. Д. 610. Л. 4-5.
12. РГИА. Ф. 1268 [Кавказский комитет]. Оп. 1. Д. 545. Лл. 5-16.
13. Статистика народонаселения Российской Федерации за 2023 г. // Статистический вестник. № 2. С. 16-21.
14. ЦГА РСО-А (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания). Ф. 290 [Управление начальника Владикавказского военного округа]. Соч. 19. Д. 2. Л. 23-56.
15. Sorkin D. The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. 339 p.
16. Hammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and

Daghestan. London, 1994. R. 512.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Хотя уже древнерусское княжество включало в себя помимо восточнославянского этноса еще и финно-угров и тюрков, тем не менее масштабная трансформация из монационального в многонациональное государства происходит уже начиная с эпохи Ивана IV. Современная Российская Федерация также отличается многонациональным составом населения, различающимся помимо прочего конфессиональной и культурной составляющей. Как справедливо отмечает Президент РФ В.В. Путин, «Россия рождалась как единое централизованное государство, как многонациональное и как многоконфессиональное государство, у нас это, по сути, с младых ногтей, с молоком матери все впитывалось». При этом одной из важнейших составляющих нашей страны является добрососедство различных конфессий, в частности взаимное уважение между представителями христианства и ислама. В этой связи вызывает важность изучение различных аспектов взаимодействия между Российским государством и представителями мира ислама.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является исламский вопрос в конфессиональной политике России. Автор ставит своими задачами показать начало выстраивания межконфессионального сотрудничества с мусульманами Северного Кавказа, а также рассмотреть специфику выстраивания конфессиональной стратегии правительства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX вв.).

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать процесс формирования эффективной конфессиональной политики в отношении нехристианских народностей Северного Кавказа. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 16 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Российского государственного исторического архива и Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания, а также из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, кроме того автор привлекает опубликованные нормативно-правовые акты из Полного собрания законов Российской империи и статистические данные. Из используемых исследований укажем на труды Н.О. Блейх, А.А. Вельяминова, М.А. Приходько, в центре внимания которых различные аспекты изучения исламского фактор в конфессиональной политике Российской империи. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование

различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как исламом в истории России, в целом, так и конфессиональной политикой на Северном Кавказе, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что

«Россия являет собой уникальный пример, когда, единожды присоединив большой массив мусульман Поволжья, Приуралья, Сибири, Крыма, Туркестана, Кавказа, она не нарушала их религиозной самоидентификации и продолжала поддерживать отношения с исламским миром». Автор показывает, что «Российская держава, распространяя свое влияние на кавказское население в национальных округах задействовала разные средства коммуникации – от «кну́та» (ущемление прав собственности духовной аристократии, временное запрещение хаджа в Мекку, подавление народных протестов) до «пряника» (беспрепятственное отправление богослужебных таинств, заигрывание с местной духовной элитой, свободное религиозное обучение), что отразилось на ее политике, в которой столь «удачно» ужились такие несовместимые концепции, как свобода веры и контроль над ней». Статья богата фактологическим материалом, при этом автор активно привлекает нормативно-правовые документы, показывая перемены в конфессиональной политике России.

Главным выводом статьи является то, что «благодаря взвешенной межконфессиональной коммуникации российское государство постепенно консолидировало свои позиции в Северокавказском регионе превращаясь не только в христианскую, но и в исламскую страну каковой она пребывает и поныне».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования стратегий межконфессиональных отношений.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кутищев А.В. Эволюция менталитета военных сословий в эпоху позднего феодализма // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.69144 EDN: IMQPGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69144

Эволюция менталитета военных сословий в эпоху позднего феодализма

Кутищев Александр Васильевич

ORCID: 0000-0001-6921-3344

кандидат исторических наук

доцент, кафедра управления в социальных и экономических системах, философии и истории,
Уральский государственный университет путей сообщения

620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66

✉ akutishev@usurt.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.69144

EDN:

IMQPGI

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Аннотация: Предметом исследования является морально-психологическая готовность западноевропейского и российского дворянства к войне и военной службе. Опираясь на компаративно – аналитический метод, автор приводит сопоставление ментальности отечественного и западноевропейского военных сословий эпохи позднего феодализма. Научная новизна заключается в выделении в портрете военных сословий общих и особенных морально-психологических качеств, а также в их дифференциации по отношению к основному роду деятельности, к войне и военному делу. Предмет статьи представляется в эволюции под воздействием культурно цивилизационных факторов эпохи. Западноевропейское военное сословие рассматривается, как преемник средневекового рыцарства, унаследовавшее его высокие нравственные и боевые ценности. В XVI – XVIII вв., столкнувшись с угрозой разорения, оно было вынуждено теснее связывать свою судьбу с армией. По иному складывалась экономическая обстановка на Востоке Европы. Поместно – крепостное хозяйство обеспечивало

русскому дворянину скромный, но стабильный достаток. И наоборот, военная служба отвлекала помещика от земледельческого хозяйства и подрывала его благосостояние. Автор заключает, что военная служба и война являлись основными источниками существования западноевропейского дворянства, в то время, как мирные условия несли ему только нищету и разорение. Культурно-цивилизационная специфика обуславливала ментальную склонность западноевропейского дворянства к войне и военной службе, формировала в нем соответствующие морально-боевые качества. Московское военное сословие в целом тяготилось службой и воспринимало её, как тяжкое бремя. Попытки Петра Великого внушить «служилым людям» западноевропейские морально – боевые ценности только отчасти потеснили их традиционные взгляды и представления. Выработанная веками нравственная антипатия к военной службе, а также неприятие войны стало главной ментальной чертой, отличавшей русское военное сословие от воинственного западноевропейского дворянства.

Ключевые слова:

Военные сословия, служилые люди, европейское дворянство, менталитет, моральные качества, отвага, слава, долг, рыцарский кодекс, православные ценности

Вступление

Тотальная гибридная война Запада против России заметно обостряет интерес российского общества к нашему прошлому, в котором кроются ответы на современные вызовы миру и стабильности. Истоки системного российско-европейского противостояния уходят корнями в глубину истории культур и цивилизаций, неотъемлемой частью которых является сложный турбулентный социум. Один из его многогранных аспектов, ментальность военных сословий периода позднего феодализма, находится в центре настоящего исследования.

Безусловно, прямые аналогии между культурно-социальными смыслами той эпохи и современностью весьма относительны. Вместе с тем, этническая ментальность, культурно-поведенческий архетип признаются исследователями довольно устойчивыми психологическими образованиями. Унаследованные от предков, они и сегодня составляют неотъемлемую часть современной национальной ментальности, социально-психологических состояний и настроений, оказывающих заметное влияние на геополитическую реальность.

Цель настоящего исследования – на основе отечественных, а также иностранных источников выявить тенденции морально-психологической эволюции европейского и российского дворянства эпохи позднего феодализма и кануна Нового времени. При этом сословный менталитет рассматривается, как продукт различных, подчас противостоящих друг другу культур. Сословные дворянские ценности: честь, гордость, великодушие, стремление к славе – анализируются через призму индивидуализма европейской культурной среды и общинной психологии русского мира. Среди факторов эволюции особое внимание уделяется хозяйственно-экономическому развитию, а также влиянию передового зарубежного опыта. Также учитывается субъективный фактор, например, личность Петра Великого, преобразовательная деятельность которого буквально перетряхнула все сферы жизни старомосковского общества.

Методология исследования основана на всемирно-историческом подходе к объяснению истории, акцентируя внимание на материально-экономических приоритетах

исторического процесса. В ходе исследования применялись историко-системный, компаративно-аналитический и другие методы научного поиска. Военные сословия Западной Европы и России рассматривались с опорой на принципы, сформулированные такими видными исследователями средневековой культуры, как А.Я. Гуревич, Н. Элиас и др. [\[1, 2\]](#).

Эволюция ментальности западноевропейского дворянства в XVI-XVIII вв.

Менталитет западноевропейского дворянства накануне Нового времени представлял собой результат естественной эволюции средневекового сословного кодекса чести и основывался на рыцарских морально-этических качествах. Дворянская корпоративная культура продолжала культивировать честь, славу, великодушие, щедрость – эти и другие ценности, которые определяли достоинство как родовой аристократии, так и провинциального бедного дворянства [\[1, 2, 3\]](#). Большая часть сословия оставалась верной родовым традициям, связывая свою жизнь с военным делом, которое оставалось наследственным семейным занятием. Культура войны, военная этика больше всего соответствовала сословному менталитету дворянства. Его боевой дух оставался чрезвычайно высоким, о чём свидетельствуют многие очевидцы и исследователи [\[2, 3, 4, 5, 6, 7\]](#).

В XVII-XVIII вв. в образе и характере европейского военного класса под влиянием культуры барокко наблюдаются заметные трансформации. Менталитет, в котором ранее превалировали мужественные качества, начинает заметно дрейфовать в сторону утонченности и манерности. Подчеркнутая мускулиность несколько смягчается под воздействием галантности и даже некоторой женоподобности. Среди военного командования это вызывает резкое осуждение. Так, маршал Де ла Ну жаловался на офицерский состав французской армии: «...как куртизанки, они ищут роскоши в обхождении и избытка в украшениях» [\[4, p. 170\]](#). Противоестественная для военного быта тяга к роскоши и утонченным манерам достигла своего расцвета к середине XVIII века. Офицер эпохи Людовика XV, напудренный и нарумяненный, постоянно прихорашиваясь и поправляя причёску, больше походил на куклу, нежели на солдата. Воинственность европейского офицера XVIII вв. приобретала причудливые барочные черты. Однако, галантные манеры не только не умаляли вопросов чести и личного мужества, но наоборот, разжигали честолюбие дворянина своей нарочитой манерностью и декоративностью.

Важным фактором эволюции менталитета военных сословий стал военный прогресс. К рассматриваемому периоду феодальные ополчения безнадежно устаревают, становясь явным анахронизмом в военном деле. Рыцарь, как индивидуальный воин, вытесняется с поля боя дисциплинированной подготовленной пехотой, вооружённой мушкетом или аркебузой [\[8, p. 73 – 110; 9, p. 28 – 32;\]](#). Соответственно этому к XVII веку дворянство из средневекового рыцарства перекалывается в профессиональное офицерство постоянных регулярных армий. Параллельно этому в социальной сфере наблюдается трансформация, в результате которой дворянство из вассалов влиятельных суверенов превращается в государственных чиновников и служащих. Эти метаморфозы не могли не отразиться и на предъявляемых к воину качествах. Личная индивидуальность, проявляемая в неукротимой отваге, воинственности, преданности и великодушии отступали на второй план. Требования к офицеру регулярной армии смещались в сторону организованности, дисциплинированности, профессионализма, управленческих качеств, требовательности к себе и подчинённым [\[10, p. 105 – 109\]](#). Военный прогресс

сыграл заметную, но отнюдь не фатальную роль в судьбе европейского дворянства, которое, в конце концов, сумело адаптироваться к современным требованиям. Труднее было противостоять новым буржуазно-экономическим отношениям. На патриархальную Европу неумолимо надвигался капиталистический рынок со своими безжалостными законами. «Старое» дворянство становится одной из первых его жертв. Архаичное феодальное хозяйство с трудом встраивалось в новую буржуазную систему. Массы феодалов разорялись, впадая в долги и теряя свои родовые владения. Современники иллюстрируют удручающие картины деградации старых благородных семейств: «Среди 3000 фамилий, чьи корни теряются в глубинах прошедших эпох с трудом можно насчитать 2 – 3 сотни, избежавшие нищеты и упадка... Остальные влачат печальное существование, напоминая собой мощный дуб, одряхлевший от времени, чей ствол расщепили невзгоды» [\[5, p. 50 – 52\]](#). Чтобы хоть как-то свести концы с концами, многие расставались со своими родовыми именами, в сущности, навсегда отрываясь от своей сословно-классовой почвы. От фамильного благородства у них оставались разве что память о славном прошлом, предания о былом величии и приличные манеры. Для французского и английского дворянства в XVII веке главным источником жизни становится казна. Почти треть прусского дворянства этой эпохи не имели земельных наделов, существуя исключительно за счёт государства. Четверть доходов французской аристократии также обеспечивалась королевской казной. Что касается мелкого провинциального дворянства, то оно практически полностью существовало за счёт государственного содержания [\[6, p. 98\]](#).

На руинах привычного патриархального мира дворянин оказывался перед сложной дилеммой: или – место придворного при монархе, или – военная служба. К королевскому двору допускались только избранные из числа родовитых аристократов, поэтому уделом провинциального дворянства оставалась привычная военная служба. Только армия могла обеспечить относительную стабильность и достаток, куда и устремлялись массы мелкого дворянства. Так, на рубеже XVII-XVIII веков от трети до половины молодых дворян Франции состояли на военной службе. Видный военный историк А. Корвисье назвал этот социальный феномен «беспрецедентной аристократической мобилизацией» [\[11, p. 341 – 343\]](#). Не отставали от Франции и немецкие земли, в которых «...уровень милитаризации населения был чрезвычайно высок. В XVIII веке в Ганновере, Гессен – Касселе, Брауншвейге и Пруссии по крайней мере каждый четвёртый мужчина от 18 до 45 служил в той или иной армии» [\[12, p. 57\]](#). «Только в Гессен – Касселе при населении в 0,5 млн. армия насчитывала 14 тыс, т.е. каждый 19 житель служил в армии» [\[12, p. 61\]](#).

Но даже военная служба не гарантировала безбедного существования. С одной стороны, содержание офицеров было невелико и выплачивалось крайне нерегулярно. С другой – свойственные дворянству стремление к роскоши часто приводило его на грань банкротства, вынуждая всё глубже залезать в долги. Так, в начале войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) генерал Д'Артаньян советовал военному министру выплатить офицерам аванс на проживание на зимних квартирах: «В обратном случае все обернется настоящим бедствием, в котором будут прозябать наши офицеры. Думаю, что недостаток средств ... просто вынудит капитанов оставлять свои роты, как это было в прошлую войну» [\[13, p. 11\]](#).

В услугах дворянина остро нуждались в случае войны, и часто отказывали ему – при наступлении мира. При сокращении армии офицера могли просто выставить на улицу с минимальным денежным пособием. Так, после войны за Испанское наследство (1701-

1714 гг.) из армии Людовика XIV было уволено 7530 офицеров. К 1724 году – ещё 6700. [\[13, p. 17\]](#). Подобные эпизоды из парижской жизни середины XVIII века приводит журнал Барбье: «На улице оказалось великое множество молодёжи, прослужившей несколько лет в звании лейтенанта, суб-лейтенанта и даже – капитана, которые сейчас пребывают в полном отчаянии. Потеряв свои посты в армии, они остались без зарплаты, без положения и даже – без имущества» [\[13, p. 17\]](#).

Один из очевидцев тех событий, маркиз Монтеньяр, вспоминал: «В основном это – офицеры пехоты, беднейшее дворянство, которые, если лишатся должности в королевской армии, останутся без каких-либо средств к существованию. ... Многие, особенно в гарнизонах, только ужинают в трактире, экономя на завтраках и обедах» [\[13, p. 20\]](#).

Очередная война означала рост численности армии, комплектование новых полков, расширение офицерских штатно-должностных списков. Естественно, это значительно повышало шансы военного дворянства на карьерный рост и продвижение в сословной иерархии. Возникла перспектива поправить свои финансовые дела, вырваться из рук кредиторов, рассчитаться с долгами. И наоборот, заключение мира обрекало его на финансовые затруднения и ставило на грань разорения. В поисках работы толпы уволенных офицеров рыскали из края в край Европы, с нетерпением ожидая новой войны. Подобную ситуацию после Оливского мира 1656 г., заключенного между Польшей и Швецией, описывает опытный «солдат удачи» Патрик Гордон [\[14, с. 95\]](#). Ветеран войн Людовика XIV, Де ла Колони, вспоминает, как после войны 1688-1697 гг. французские военные толпами устремились на службу ко вчерашним противникам, в имперскую и бранденбургскую армии, продолжавших воевать с Турцией [\[15, p. 81\]](#).

Война была «часом откровения» для дворянской молодёжи. Она приятно кружила голову романтикой будущих подвигов, навевала мечты о чести и доблести. И наоборот, примирение возвращало с бранных полей славы в рутинный мир казарменной повседневности и жадных кредиторов. Воинственность подогревалась юношеским максимализмом и жаждой прославиться. Герцог Сен-Симон вспоминал о небывалом подъёме среди французской молодёжи перед военным походом: «Я бы умер от стыда, если б моя рота не была б готова к началу кампании» [\[16, p. 113\]](#). Ему с воодушевлением вторит старый маршал Вобан: «...Вся нация обожает войну, и с лёгкостью берётся за оружие с единственной целью вознести честь дворянского имени и приумножить славу рода...» [\[17, p. 269\]](#). Это отмечали и противники французов, испанцы: «Среди французской аристократии полно праздной буйной молодёжи, готовой любой ценой доказать собственную отвагу и честь» [\[18, p. 22 – 23\]](#). Склонность шведского дворянства к войне отмечал генерал Левенгаупт: «На войне и за границей его (дворянина – А. К.) и самая малость радует больше, нежели так называемые радости, на которые он со стыдом и тщеславием дома у себя на родине время убивает» [\[19, с. 28\]](#).

Эволюция ментальности российских «служилых» сословий в XVI-XVIII вв.

Связанная с войной романтическая мотивация напрочь отсутствовала в российских реалиях рассматриваемой эпохи. Феодально-крепостническому хозяйству России никакие кризисы ещё не угрожали. Скорее наоборот, оно укреплялось и развивалось. В то время, как дворянские надель в Европе разоряются и продаются за долги, условно-служебная собственность русских помещиков переводится в наследственное владение. Феодальное землевладение распространяется вширь, захватывая всё новые и новые

районы страны. Вплоть до конца XVIII века оно будет выступать заметным фактором роста российской экономики. При всей своей архаичности земледельческое хозяйство остается главным источником существования военных сословий московской Руси. «Служилый человек», в первую очередь, остаётся земледельцем, «...хлопоча больше о хлебе насущном, о домашнем хозяйстве, о прокормлении себя и семейства, чем о военной службе; карабин и сабля спокойно по целым месяцам висели на стене, покрываясь ржавчиной, а воин – помещик возился с сохой, молотил муку или ездил по ярмаркам и торговал, чем мог» [\[20, с. 187\]](#). Ничто так не омрачало жизнь помещика, как ожидание военного похода, который вырывал его из привычного хозяйственного уклада и кидал в круговорот смертельной стихии. Если европейское дворянство связывало с войной радужные надежды, то русскому дворянству она несла только разорение. Если для европейского солдата военная служба – это смысл его существования, то для московского «служилого» сословия она становилась угрозой его благосостоянию и стабильности.

Жизненное кредо русского «служилого люда» прокомментировал И. Посошков: «Дай-де Бог Великому государю служить, а сабель из ножен не вынимать» [\[21, с. 268\]](#). Беспристрастный П. Гордон прямо указывал на «отсутствие склонности к войне у большинства ваших людей, особенно у грандов и советников» [\[22, с. 7\]](#). Высокомерный ко всему русскому дипломат Вебер более резок, отмечая «природное отвращение русского простонародья к войне ...» [\[23, с. 1105\]](#). Военным и дипломатам вторит архидьякон Павел Алеппский, посетивший Москву в середине XVII века: «Война считалась на Руси ... одним из тяжелых бедствий и испытаний, посылаемых Богом человеку» [\[24, с. 141\]](#).

Но не только хозяйственно – экономической самобытностью определялись антивоенные настроения московских «служилых» сословий. В русской культуре так и не сложился этос, аналогичный европейскому военно – сословному кодексу. Здоровый карьеризм, жажда славы, честолюбие были ей чужды. Русская культурная традиция отвергала воинственность и культивировала неприятие войны. Это не могло не сказываться на боевом духе московского воинства. Н. М. Карамзин с сожалением отмечал, как «... ослабела храбрость, питаемая народным честолюбием. ... Древние полководцы наши, воспалая мужество в воинах наших, говорили им о стыде и славе, герой Донской битвы – о венцах мученических» [\[25, с. 425\]](#).

Нравственные качества, подчёркивающие личностную индивидуальность: отвага, достоинство, гордость, честь – высмеиваются и презираются на Руси. Это отмечает имперский посол Иосиф Корб: «...Они (русские – А. К.) обвиняют в безумии некоторых немцев, отличающихся более возвышенной доблестью за то, что те усиленными просьбами стараются ... подвергнуться несомненным опасностям воинской службы» [\[26, с. 210-211\]](#). П. Гордон вспоминает: «... на иноземцев смотрят как на сборище наемников, и ... не стоит ожидать никаких почестей или повышений, кроме военных, да и то в ограниченной мере...» [\[14, с. 105\]](#).

Надо отметить, иноземцы не открыли русским глаза на низкую боеспособность их ратей. Ещё в середине XVI века Иван Пересветов сетовал на православное воинство: «Что из того, что их много, раз нет у них верного сердца, а смерти боятся и умирать не хотят, ... за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут» [\[27, с. 607\]](#). Воевода Шеин в 1632 году докладывал о массовом бегстве «служилых людей» из-под Смоленска: «...бегут... не нужею... не хотят Вам, Государем, служить» (Акты

Московского государства. СПб.: Тип. Императорской АН, 1889. Т. I. С. 516). По свидетельству самого царя Алексея Михайловича, в поход 1654 года войско выступало с тягостным настроением: «Едут с нами отнюдь не с единомушием, наипаче двоедушием, как есть облака: иногда благопотребным воздухом и благонадёжным и уповательным явятся; иногда зноем отчаянным и яростью и ненастьем всяким злохитростным и обычаем московским явятся; иногда злым отчаянием и погибель прорицают; иногда тихостью и бледностью лица своего отходят лукавым сердцем...» [\[28, с. 81\]](#).

Ментальный контраст русского и европейского военных сословий отражал культурно-цивилизационный разрыв между Востоком и Западом, достигший своего апогея в XVI-XVII веках. Противоположные, порой враждебные друг другу культуры формировали разные духовно-нравственные коды, мотивационно-поведенческие архетипы. «Леность», «огурство», «нетство» русского дворянства были обусловлены пассивностью, холопской покорностью, составляющие устойчивый архетип русского человека той эпохи. Социальная активность, желание проявить себя, здоровый карьеризм, энергичность были чужды его природе. «Крестьянская» психология «служилых сословий», с её низкой предприимчивостью порождала «... безучастное отношение к самому делу, которое исконно воспринималось их призванием, заключало смысл существования». [\[29, с. 120\]](#)

Для поддержания порядка в войске властям оставалось полагаться на испытанный административно-властный ресурс. На протяжении всего исторического этапа Москва беспощадно боролась с дворянским «уклонизмом». Правительство грозило «нетчикам» то «жестоким разорением», то опалой, то конфискацией поместий. (Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1830. Т. IV, с. 352, 648, 776; т. V, с. 3, с. 22 – 23, с. 35 – 36, с. 125, с. 195). В этом отношении Пётр Великий был первым, кто не ограничился драконовскими мерами. Он попытался «перековать» русских «служилых людей» по образцу и подобию благородного европейского дворянства. Естественной ментальной трансформации он противопоставил неутомимую энергичность и железную волю. Привычные меры – жестокость и угроза расправы дополнялись неведомой диковинкой – личным примером и неистощимой энергией царя. Он грозно и категорично внушал русскому «служилому» дворянству представления о благородстве, достоинстве, чести, долге, дисциплинированности. Крылатые сентенции «в службе – честь», «честь мундира», «офицерский долг» были положены в основу самосознания российского дворянства. Под воспитательные меры подвигалась солидная законодательная база. Указ о престолонаследии 1714, Табель о рангах 1722 и др. – оформляли социальную статусность, вводили профессиональную карьеру, обеспечивали вертикальную мобильность дворянства. Но идеи благородства, чести и гордости с трудом приживались в атмосфере деспотизма и холопской покорности. Не все передовые заимствования смогли преодолеть вековые культурно – ментальные наслоения. Так, европейский «майорат», насаждаемый Указом 1714 года, едва пережил самого императора и был отменен в 1730 году. Дворянство по малейшему поводу покидало опостылевшую службу. Так, в 1719 году офицеры, по воле Петра Великого оказавшиеся на мекленбургской службе, воспользовавшись переформированием, ходатайствовали перед герцогом Карлом-Леопольдом об отставке. Получив разрешение, они в массовом порядке убывали на родину. Освободившиеся вакансии были тотчас заняты немцами [\[30\]](#). Контраст в отношении к военной службе европейского и русского дворянства был поистине поразителен. Мысли об опостылевшей службе и желании её покинуть насквозь пронизывают записки А. Т. Болотова. Он откровенно завидует своему зятю, который: «... отпущен был от полковника еще с самого начала зимы и нашел потом способ отбиться

совсем от службы в отставку». [31, с. 4]. После смерти сурового царя-реформатора дворянство стало добиваться сокращения сроков военной службы, что и было сделано Анной Иоановной в 1736 году. Сенат встретил это событие с нескрываемой настороженностью – «их пугала мысль, что множество дворян выйдет в отставку» [32, с. 14]. И действительно, уже после русско-турецкой войны 1735-1739 гг. почти половина офицеров, выслужившая обязательный 25 – летний срок, подаёт в отставку. Примечательно, что освободившиеся вакансии быстро заполнялись остзейским дворянством и иностранцами [33, с. 177]. Значительная часть дворянства с восторгом восприняла Манифест о вольности 1762 года. Петербургский вельможа граф И. Г. Чернышов писал, что этим император сумел «сделать 100 тысяч людей радостными – и притом 100 тысяч дворян!» [7, р. 18]. Не скрывал своего ликования и А. Т. Болотов: «Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества. Все вспрыгались почти от радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, в которую угодно было ему подписать указ сей» [31, с. 62]. Сам он, к тому времени дослужившийся до поручика, «возненавидел уже давно шумную и беспокойную военную жизнь и ничего уже так в сердце своем не желал, как удалиться в деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни» [31, с. 63]. Впоследствии дворянство впишет в историю России немало примеров верного служения Отечеству. Оно оставит потомкам образцы беззаветного исполнения долга, выдающиеся памятники искусства, личной отваги, самопожертвования, но так и не станет точной калькой с европейского дворянства. Рядом с высокими морально-боевыми качествами всегда будет тлеть незатухающий огонёк отчуждённости и неприятия героизации войны.

Отвага и верность не помешают дворянству тяготиться государственной службой. Оно будет настойчиво выступать против её обязательности, фрондировать против «пруссачества» Павла I, отпускать колкие эпиграммы над аракчеевщиной, уходить в мир поэтических грёз и философических исканий. Государственный абсентеизм, политическая отчуждённость и бытовая «обломовщина» станут устойчивым признаком русского исторического архетипа, самобытной ментальности и проявлением социальной культурной традиции.

Выводы:

Таким образом, славные семейные традиции, военная служба, как выбор жизненного пути, причудливая милитарно-барочная культурная атмосфера, постоянный поиск средств к существованию формировали жизненную парадигму западноевропейского дворянства – социальную заинтересованность в войне. Оно было мотивировано на войну, ментально готово к войне и, по большому счёту, симпатизировало войне.

Иные экономические и культурно-цивилизационные тенденции были характерны для Восточной Европы, в частности, для России. Ментальность российского благородного сословия представляла собой причудливый симбиоз заимствованного и традиционного самобытного. Выдающиеся ратные подвиги, образцы личного мужества и самопожертвования сочетались с сословным абсентизмом по отношению к военной службе и внутренней отстраненностью от государства. Естественное миролюбие стало главной отличительной чертой российского дворянства, которое отличало его от – западноевропейского, сохранившего воинственность и милитарные традиции средневековья.

Библиография

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
2. Элиас Н. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002.
3. Smith J. M. The Culture of Merit, Nobility, Royal service and making of Absolute Monarchy in France, 1600–1789. The University of Michigan Press, 1996.
4. Babeau A. La vie militaire sous l'ancien regime / en 2 vol. – Paris: Elibron Classics, 2005. Vol. II.
5. Bouillé F.-C.-A. Mémoires du marquis de Bouillé. Paris: Firmin-Didot, 1859.
6. Dewald J. The European Nobility 1400–1800. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
7. Hamburg G. M. Noblesse, état et société en Russie XVI – début du XIX-e siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34, № 1/2, pp. 11–31.
8. Linn J. A. Battle. A History of Combat and Culture. New York: Basic Book, 2003.
9. Tallet F. War and Society in Early – Modern Europe, 1495–1715. London: Routledge 11. New Fetter Lane, 1992.
10. Corvisier A. Armies and Societies in Europe 1494–1789. Bloomington and London: Indiana University Press, 1976.
11. Corvisier A. Louvois. Paris: Fayard, 1983.
12. Childs J. Armies and warfare in Europe 1648–1789. Manchester: Manchester University Press, 1982.
13. Tuetey L. Les Officiers sous l'ancien regime. Nobles et roturiers. Paris: Librairie Plon. Plon-Nourrit et Cie, Imprimeurs-Editeurs 8, 1908.
14. Гордон П. Дневник 1659–1667 гг. М.: Наука, 2003.
15. The Chronicles of an old Compaigner M. De la Colonie 1692–1717. London: John Murray Albemarle Street, 1904.
16. Saint Simon. Mémoires. A. de Boislisle ed. / en 45 vol. Paris: Hachette et Cie, 1879–1930. Vol. I. 1879.
17. Vauban sa famille et se écrit / Ed. by A. R. de Aiglun. Paris: Firmin-Didot, 1910.
18. Rousset C. Histoire de Louvois / en 4 vol. Paris: Librairie academique Didier Perrin et Cie Libraires editeurs 35, 1862. Vol. 1.
19. Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 286 с.
20. Устрялов Н. И. История Петра Великого / в 8 томах. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858–1863. Т. I. 1858.
21. Посошков И. Т. О ратном поведении // Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951.
22. Гордон П. Дневник 1684–1689 гг. М.: Наука, 2009.
23. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера / Под ред. П. П. Барсова // Русский архив. М., 1872. № 6. С. 1057–1168.
24. Аболенский И. Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне по запискам архидьякона Павла Алеппского. Киев: Тип. С. Т. Еремеева, 1876.
25. Карамзин Н.М. Предания веков. М.: Правда, 1988.
26. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906.
27. Сочинение Ивана Семёновича Пересветова. Большая челобитная. Памятники литературы Древней Руси Конец XV – первая половина XVI веков. М.: Художественная литература, 1984.
28. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990.
29. Гордон А.В. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). // Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия. – М.: Наука, 1996.
30. Mecklenburg army in March 1719 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusmilhist.blogspot.com/2014/06/mecklenburg-army-in-march-1719.html> (дата

обращения 26.02.2022).

31. Записки А. Т. Болотова, написанных самим им для своих потомков [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=285315&> (дата обращения 26.02.2022).

32. Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 книгах. М.: Мысль, 1994. Кн. XIII.

33. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Военное издательство МО СССР, 1958.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в эпоху Перестройки на фоне ослабления цензурных ограничений и поэтапного крушения официальной коммунистической идеологии произошло резкое усиление интереса общественности к гуманитарным наукам, мало кто мог представить, что уже скоро всеобщая коммерциализация приведет к массовому появлению псевдонаучной литературы, в том числе в рамках исторической науки. Чего стоит только «новая хронология» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, которая была масштабно представлена на полках российских книжных магазинов. В то же время в современных условиях необходимо не просто подлинно научное обращение к родному прошлому, но и комплексный анализ системного российско-европейского цивилизационного противостояния.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является эволюция менталитета западноевропейского и российского военного сословий в эпоху позднего феодализма. Автор ставит своими задачами рассмотреть причины и предпосылки эволюции менталитета военных сословий в эпоху позднего феодализма в Западной Европе и России, а также определить принципиальные различия между ними.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать «тенденции морально-психологической эволюции европейского и российского дворянства эпохи позднего феодализма и кануна Нового времени».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и французском языках. Источниковая база статьи представлена прежде всего мемуарной литературой П. Гордона, И.Г. Корба, И.С. Пересветова и др. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Л.Г. Бескровного, С.М. Соловьева и других специалистов, в центре внимания которых различные аспекты изучения социальной истории. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как цивилизационными различиями, в целом, так и различиями между западным и российским военными сословиями, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «истoki системного российско-европейского противостояния уходят корнями в глубину истории культур и цивилизаций, неотъемлемой частью которых является сложный турбулентный социум», при этом один из его многогранных аспектов является «ментальность военных сословий периода позднего феодализма». В работе показано, что «контраст русского и европейского военных сословий отражал культурно-цивилизационный разрыв между Востоком и Западом, достигший своего апогея в XVI-XVII веках». Если западноевропейское военное сословие было «мотивировано на войну, ментально готово к войне и, по большому счёту, симпатизировало войне», то ментальность «российского благородного сословия представляла собой причудливый симбиоз заимствованного и традиционного самобытного».

Главным выводом статьи является то, что «естественное миролюбие стало главной отличительной чертой российского дворянства, которое отличало его от западноевропейского, сохранившего воинственность и милитарные традиции средневековья».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кежутин А.Н. Транспортники Поволжья vs социальные болезни: опыт 1920-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.9.44181 EDN: IKCHIO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44181

Транспортники Поволжья vs социальные болезни: опыт 1920-х гг.

Кежутин Андрей Николаевич

ORCID: 0000-0003-0793-7181

доктор исторических наук

доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1

✉ kezhutin@rambler.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.9.44181

EDN:

IKCHIO

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2023

Аннотация: Предметом исследования являются условия и особенности становления системы здравоохранения и борьбы с социальными болезнями на водном транспорте Волжского речного бассейна в связи с процессом перехода страны к реалиям мирного времени после окончания Гражданской войны. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью данной темы в историографии, а также реформированием сферы здравоохранения в настоящее время. Рассматривается деятельность лечебной и санитарной частей отделов здравоохранения на водном транспорте по борьбе с алкоголизмом, венерическими болезнями, туберкулезом и малярией в аспектах организации врачебной помощи, санитарного просвещения и реорганизации управления данной сферой. Источниковой базой являются материалы Центрального архива Нижегородской области и Государственного общественно-политического архива Нижегородской области. Автором выявлены основные особенности создания новой системы обеспечения здоровья водников в одном из

важнейших транспортных узлов центральной России. Вводятся в научный оборот данные о проектах реформирования системы здравоохранения на водном транспорте и практики их применения. Выделяются основные этапы деятельности Волжского окружного отдела здравоохранения Управления внутренними водными путями Волжского бассейна, уточняются хронология и особенности властно-общественного взаимодействия в деле искоренения социальных болезней. Делается вывод о необходимости перманентного общественного участия в решении медико-социальных проблем.

Ключевые слова:

социальные болезни, Волжский бассейн, венерические болезни, туберкулез, малярия, алкоголизм, общественность, реформирование, речной транспорт, врачи

Широкое распространение заболеваний инфекционной природы в современном обществе делает актуальным обращение к историческому опыту противоборства заболеваниям, массовое распространение которых в определяющей степени зависит от социально-экономических условий. В советской науке, опиравшейся на многолетние разработки дореволюционных врачей, была сформулирована концепция «социальных болезней». В соответствии с данной теорией ряд заболеваний (туберкулез, малярия, венерические болезни и др.) приобретают особую остроту и злободневность в силу отсутствия или пренебрежения мероприятиями общественной гигиены, низкого уровня осведомленности населения об этих болезнях. Кризисная социально-экономическая ситуация способна многократно усилить губительность социальных болезней. Советский Союз в 1920-е г. уже сталкивался с данными проблемами. Особая роль в преодолении широкого распространения социальных болезней принадлежала транспорту и транспортной медицине. Исторический опыт советского периода предоставляет возможность обогатить представления о прошлом и использовать определенные наработки на современном этапе.

В рамках советской исторической науки было проведено огромное количество исследований по вопросам создания и развития системы здравоохранения как на общесоюзном, так и на республиканском и региональном уровнях. В поле зрения историков входили проблемы организации новой системы оказания медицинской помощи, борьбы с отдельными заболеваниями, работы выдающихся врачей и руководителей здравоохранения и др. Советская историография неоднородна в зависимости от конкретного исторического периода. Но история медицины отличается от других разделов советской истории большим консерватизмом, что проявляется в ряде особенностей. Во-первых, история советского здравоохранения представлялась как поступательное движение вперед, что тесно связывалось с научно-техническим прогрессом. Во-вторых, красной нитью через большинство исследований проходила интерпретация крупных недостатков советской медицины как «буржуазного капиталистического наследия», уходящего в прошлое, по мере развития советского общества. Реальные социальные проблемы часто оставались в тени. В-третьих, присутствовала сильная идеологизация. Такое положение в целом сохранялось вплоть до эпохи Перестройки, но даже сейчас многие учебные издания по истории медицины воспроизводят концепцию линейного поступательного развития советского здравоохранения, направленного на изживание недостатков дореволюционного общества.

Современная отечественная историография характеризуется плюрализмом мнений и

подходов в зависимости от ракурса исследований. История медицинских и социальных практик является одним из перспективных направлений современной исторической науки. В отличие от советского периода, внимание современных историков привлекают новые темы и аспекты: гендерные, национальные, социально-психологические, кросс-культурные, социологические и др. История транспортной медицины также пользуется вниманием исследователей [См.: 1; 2; 3; 4; 5]. При этом проблема институционализации, служившая одним из основных направлений советской историографии, на современном этапе далеко не является исчерпанной. Особенно «не повезло» в данном отношении истории медицинского обслуживания речного флота. Практически незатронутой является проблема борьбы с социальными болезнями на водных путях сообщения в первые десятилетия советской власти. Между тем идет постепенный процесс рассекречивания архивных материалов, и их вовлечение в научный оборот представляет собой актуальную практическую задачу.

Источниковая база вопроса отличается крайней неоднородностью, что связано с историческими особенностями формирования системы здравоохранения на водном транспорте Волжского бассейна.

Создание новой системы отечественного здравоохранения началось сразу после событий октября 1917 г. Однако последовавшие за ними Гражданская война и экономическая разруха в 1917–1921 гг., емко охарактеризованные американским историком Авраамом Ашером как «мрачные годы» [6, р. 193], отодвинули решение медицинских проблем речного транспорта. Источники по развитию здравоохранению на водном транспорте за эти годы чрезвычайно разрозненны.

Только в 1921 г. создается, а с 1923 г. развертывает полноценную деятельность Волжский окружной отдел здравоохранения Управления внутренними водными путями Волжского бассейна (далее – Волжский водздравотдел). Обслуживаемая территория была довольно обширной и включала реку Волгу с ее притоками (в т.ч. Оку, Каму, Суру, Ветлугу, Унжу) от Ярославля до Астрахани и северного побережья Каспийского моря, а также реку Урал с общей протяженностью до 7500 км. [7, л. 17]. В ведении Волжского водздравотдела находились 13 санитарных участков с больницами для стационарного лечения и специализированными амбулаториями. Окружная больница и управление Волжского водздравотдела располагались в Нижнем Новгороде. Поэтому именно в нижегородских архивах отложились материалы Волжского водздравотдела.

В Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) наиболее обширным является фонд Ф. Р-1246 «Государственное учреждение Центральная бассейновая больница Верхне-Волжского речного бассейна Министерства здравоохранения РФ», включающий 5 оп. и 3655 ед. хр. С момента своего создания фонд содержал документы Волжского водздравотдела и имел соответствующее наименование «Врачебно-санитарный отдел областного управления водного транспорта Волжского бассейна». В первых трех описях фонда аккумулированы делопроизводственные материалы и личные дела врачей, среднего и младшего медицинского персонала водного транспорта р. Волги, переписка с вышестоящими и иными органами и организациями. Многие документы долгое время были засекречены. Данный фонд наиболее информативен в аспекте противодействия социальным недугам, поскольку включает документы как центральных органов (Народного комиссариата здравоохранения, ОГПУ и др.), так и конкретных лечебных учреждений: санитарных участков, больниц, фельдшерских пунктов и специализированных амбулаторий. Среди последних наибольший объем информации по борьбе с туберкулезом, малярией и сифилисом содержат дела Нижегородских лечебных

заведений, а также Астраханской амбулатории. Документы других региональных учреждений крайне разрозненны. В большинстве документов местных лечебно-профилактических учреждений преобладают цифровые данные по заболеваемости и смертности от различных заболеваний, как правило, не социальных.

Волжский окружной отдел здравоохранения тесно взаимодействовал с Отделом здравоохранения Московско-Окского бассейна (далее – Московско-Окский водздравотдел), охватывавшем территорию Москворецкого, Рязанского, Вязниковского и Муромского водно-санитарного участков. Московско-Окский водздравотдел располагал очень ограниченным штатом медицинского персонала (46 служащих, в т.ч. 12 врачей) и в 1928 г. вошел в состав Волжского окружного отдела здравоохранения [\[9, с. 2, 14\]](#). Фонд Московско-Окского водздравотдела также сохранился в ЦАНО. Фонд Р-1980 «Водный здравотдел Народного комиссариата здравоохранения Московско-Окского района. 1922–1927 гг.» содержит 127 ед. хр., преимущественно делопроизводственной документации. В ней обнаруживается значительный объем информации по проблеме борьбы с туберкулезом и малярией.

Из фондов местных лечебных учреждений Волжского водздравотдела, отложившихся в ЦАНО, определенный интерес представляют фонды: Р-2480. «Волжская судоходная больница Верхне-Волжского водздравотдела. 1920–1932 гг.»; Р-1981. «Здравпункт № 31 Верхне-Волжского водздравотдела, г. Нижний Новгород. 1927–1929 гг.»; Р-2438. «Горьковская поликлиника Верхне-Волжского водздравотдела. 1926–1939 гг.»; Р-4437. «Врачебно-наблюдательная станция Верхне-Волжского водздравотдела, г. Горький. 1937–1940 гг.». Материалы данных фондов мало информативны в отношении противодействия социальным болезням и относятся в большей части к периоду рубежа 1920–1930-х гг. и более позднему времени.

В Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области (ГОПАНО) отложились документы партийного контроля за работой органов и учреждений системы здравоохранения Волжского бассейна, а также за деятельностью конкретных медицинских работников. Наиболее информативны в данном отношении Ф. Р-1. «Нижегородский Губернский Комитет ВКП(б) (11889 ед. хр.). 1917–1929 гг.» и Ф. Р-2. «Горьковский (до октября 1932 г. – Нижегородский) Краевой Комитет ВКП(б) (14831 ед. хр.). 1929–1936 гг.» Данные фонды включают документы Совещаний Транспортного подотдела при Нижегородском Губернском Комитете РКП(б), Переписку с Волжским транспортным отделом ОГПУ. Большая часть документов имела гриф «Совершенно секретно». Характерной особенностью данных делопроизводств является повышенное внимание их составителей не только к фактическому состоянию лечебно-профилактического дела на водном транспорте, но и к восприятию речниками работы медицинского персонала, его отзывчивости, бескорыстности и честности. В связи с этим в бюллетенях часто присутствуют не только отклики с мест, но и целые расследования неблагоприятных инцидентов на почве неоказания медицинской помощи.

В фондах ГОПАНО практически не отложились документы лечебных учреждений Волжского бассейна за исследуемый период. Даже за более поздние годы они отличаются фрагментарностью. Так, Ф. Р-2331 «Первичная организация КПСС водздравотдела, Куйбышевский район, г. Горький» включает 32 документа за 1936–1943 и 1949–1956 гг., а Ф. Р-5296 «Первичная организация КПСС больницы водздравотдела, Советский район, г. Горький» содержит лишь 6 документов за 1955–1959 гг.

Вся совокупность данных материалов позволяет прояснить ранее не известные вопросы противодействия распространению социальных болезней на водном транспорте

Волжского бассейна.

В условиях послевоенной разрухи широкое распространение получили социальные болезни – малярия, туберкулез, венерические болезни. В первые годы работы водздравотдела ситуация осложнялась отсутствием достоверной статистики. В 1923–1924 гг. медицинской службой водздравотдела было выявлено 2253 чел. больных малярией. Поголовное обследование 785 детей и подростков на территории Московско-Окского бассейна в 1924 г. позволило диагностировать 109 случаев малярии, в т.ч. 12 – в острой форме [\[10, л. 73–74, 77\]](#).

Аналогичная ситуация складывалась с учетом больных туберкулезом. Пик регистрации больных социальной болезнью пришелся на 1924–1925 гг., что было связано с улучшением качества ведения статистики и новыми клиническими возможностями охвата медицинским обследованием большого числа людей. В 1924 г. было выявлено 2317 больных туберкулезом, но только 110 из них были госпитализированы, в 1925 г. – 3415 и 212 соответственно [\[11, л. 20\]](#). У водников туберкулез получил преимущественное распространение среди механиков, мотористов и масленщиков речных судов в силу наиболее неблагоприятных и тяжелых условий труда [\[10, л. 9\]](#).

Первоначально противоборство социальным болезням руководство водздравотдела предполагало осуществлять на основе широкого привлечения общественности. Наиболее массовыми и эффективными мероприятиями представлялись туберкулезные трехдневники. На первых порах данное начинание имело несомненный успех, поскольку вызвало определенный общественный порыв, поддержанный средствами массовой информации, агитацией и пропагандой со стороны ответственных государственных органов и медицинских учреждений. Так, проведенный осенью 1923 г. в Нижегородско-Волжском участке водздравотдела Туберкулезный трехдневник был успешно осуществлен благодаря участию в нем Сормовского уездного отдела здравоохранения, который выделил 500 памяток, 200 жетонов стоимостью по 20 руб., 200 жетонов стоимостью по 10 руб., определенное число тезисов, мандатов, иных материалов, а также самостоятельно провел Кружечный сбор денежных средств на борьбу с туберкулезом. Уездными врачами было прочитано 4 публичные лекции по борьбе с туберкулезом, собравшие заинтересованных слушателей: в конторе затона «Сормово», на пристани, на пароходе «Фультон» и в общежитии водников [\[12, л. 9\]](#). Аналогичные мероприятия были проведены в затоне им. Карла Маркса, в затонах «Собчино» и «Люлехово» (пожертвования составили 17159 руб.), а также в плавучих доках, где в результате кружечного сбора было собрано 25639 руб. [Там же].

Напротив, в Жуковском и Васильсурском лечебных пунктах трехдневник проведен не был из-за отсутствия поддержки местных органов здравоохранения и кадровых перемещений медицинских работников [Там же]. Попытка провести туберкулезный трехдневник самостоятельно силами водников без участия профессиональных и хозяйственных органов в Новоуслонском затоне также не увенчалась успехом: публичная лекция не состоялась из-за отсутствия слушателей, несмотря на многочисленные анонсы, а подписные листы и кружечный сбор принесли минимальные результаты – 2 руб. 30 коп. и 62 коп. соответственно [\[11, л. 32\]](#).

К середине 1920-х гг. стало еще труднее поддерживать интерес общественности к проблеме социальных болезней, поскольку острота проблемы несколько снизилась, спонтанный массовый порыв был исчерпан, а на первый план выходили повседневные проблемы организации труда и быта. Попыткой водздравотдела выйти из трудной

ситуации стало решение о привлечении к совместной кампании по оздоровлению труда только что созданных отделов охраны труда и техники безопасности на предприятиях и в учреждениях транспорта, а также комиссий по оздоровлению труда и быта, советов социальной помощи и иных аналогичных организаций [Там же, л. 32]. Однако данная мера имела еще более скромные результаты, поскольку ее искусственность порождала среди водников вопрос о возрождении «кампанейщины» вместо проведения планомерной систематической работы.

В связи с этим на повестку дня встал вопрос о замене разовых мероприятий по противодействию социальным болезням систематической работой в данном направлении. Еще приказом Народного комиссариата здравоохранения № 1600 от 19 апреля 1923 г. санитарным врачам на железнодорожном и водном транспорте были предоставлены широкие полномочия по посещению всех транспортных предприятий и учреждений, подвижного состава, речных и морских судов в любое время с правом производить санитарные осмотры, брать пробы для анализа, проверять исполнение санитарных требований и предписаний. В случае несоблюдения последних, врачи через местные транспортные отделы должны были добиваться рассмотрения таких дел в народных судах и военных трибуналах [\[13, с. 3-4\]](#).

Руководством Народного комиссариата здравоохранения важная роль придавалась организации единой массовой санитарно-просветительской работы, а также созданию разветвленной сети диспансеров. В циркуляре № 00301-15/61 от 24 января 1925 г. нарком здравоохранения Н.А. Семашко писал, обращаясь к водникам: «Санитарно-просветительская работа, которой мы всегда придаем большое значение – все это кусочки, осколки диспансеризации... Основная задача транспортной медицины – участие в повышении производительности труда» [\[14, л. 2\]](#).

Результатом обращения стало образование специальной Комиссии для детального и точного осмотра всех рабочих водного транспорта Московско-Окского бассейна под председательством заведующего Москворецкой амбулаторией доктора медицины Лившица [Там же, л. 2 об.]. При этом руководством водздравотдела Московско-Окского бассейна для исполнения циркуляров № 184 от 3 февраля 1925 г. и № 206 от 5 февраля 1925 г. были разосланы на места указания: по постановке на учет всех больных венерическими заболеваниями, туберкулезом и малярией, с предоставлением им лечения и «здоровых» жилищных условий; по осмотру врачами всех рабочих и служащих с целью выделения пациентов с хроническими формами заболеваний и изучения их причин; по введению современной системы регистрации случаев заболеваемости [Там же, л. 7, 10].

Практическая работа на местах была развернута по двум направлениям: санитарно-профилактическому, с привлечением широкой общественности, и лечебному, главным образом, в виде диспансеризации силами медицинского персонала. В рамках первого из них наибольшую активность проявили работники Московско-Окского водздравотдела. Пик общественной активности пришелся на период с января по март 1926 г., когда было организовано 20 уголков и досок здоровья, 36 публичных лекций, 17 бесед, а общее число посещений составило 4764 случая [\[15, л. 5\]](#). Темы лекций и бесед охватывали не только проблему социальных болезней, но и смежные вопросы: «О сифилисе», «Половой вопрос», «Инфекционные болезни», «Пути охраны материнства и младенчества», «Аборт и борьба с ним», «Алкоголизм», «Правила сохранения здоровья». Лекции носили наглядный характер, сопровождалась демонстрацией «туманных карт» и плакатов [Там же].

Большая лечебная и профилактическая работа проводилась по борьбе с малярией. Только за 10 месяцев 1925 г. профилактической хинизации подверглись 2384 чел. Процедура осуществлялась по передовому для своего времени методу Лаверана и охватывала как береговой персонал, так и команды рейсовых судов, что позволило предотвратить массовое распространение эпидемии малярии. Поскольку сильная заболоченность после спада весенних вод являлась важным источником распространения насекомых и распространения малярии, в жилых домах и служебных постройках стали применяться сетки на окнах от насекомых, планировались и время от времени в зависимости от наличия средств проводились осушительные работы и нефтевание территорий [\[10, л. 4, 11\]](#).

С созданием соответствующих диспансеров в Нижнем Новгороде и в Астрахани улучшились диагностика и лечение туберкулеза и кожно-венерических болезней. За апрель-июнь 1926 г. в Нижегородском туберкулезном диспансере водздравотдела 21 пациент был взят на диспансеризацию, а 11 чел. поставлены на наблюдение [\[16, л. 7\]](#). Отмечалось снижение числа новых случаев заболеваемости: в 1927 г. было выявлено 950 новых случаев туберкулеза, в 1928 г. – 897 [\[17, л. 29д\]](#). Вместе с тем, малочисленность штата нижегородского диспансера (2 врача, 3 медицинских сестры и 2 санитарки), отсутствие постоянных стационарных коек и трудности клинического обследования и лечения заставляли диспансер прибегать к помощи иных медицинских учреждений. Так, в 1928 г. по направлению диспансера на кумысолечение на курорт «Барбашина поляна» в Самаре было направлено 90 чел., в больницу затона им. Памяти Парижской Коммуны Нижегородской губернии – 52 чел., в Жолнинский санаторий и на курортное лечение в иные места – по 17 чел. соответственно [Там же, л. 29г]. В 1931 г. число осмотров составило 5575 чел., в т.ч. на пароходах – 1517 [\[18, л. 12\]](#).

В Астрахани туберкулезный диспансер также провел большую работу: число посещений составило 4553 чел., был выявлен 801 случай туберкулеза у взрослых, а также 117 случаев туберкулеза среди детей, направлено в санатории и на курорты 162 чел., а в дома отдыха – 123 чел. [Там же, л. 38об.]. Такие результаты стали возможны благодаря тесному взаимодействию с периферийными здравпунктами № 32, 33, 34, 36, 39, 40, с соответствующими кабинетами специальной амбулатории – терапевтическим, хирургическим, нервных болезней, венерологическим, детским, а также с почти всеми учебными заведениями [Там же].

Улучшились диагностика и лечение венерических болезней. В период навигации работа по обследованию водников была перенесена на суда. Планы такой работы предусматривали проведение обследований команд пассажирских судов не менее двух раз в навигацию, а работников буфетов пароходов местного и транзитного плавания – ежемесячно [\[19, л. 4\]](#). Венерологический диспансер в Нижнем Новгороде увеличил количество пациентов со 100 чел. в 1927–1928 гг. до 440 чел. в 1929 г. В июле-сентябре 1926 г. было обследовано 798 чел. на предмет выявления кожно-венерических болезней, которые были выявлены в 153 случаях [\[20, л. 1\]](#). А за 1929 г. общее число посещений составило 24500 случаев. Сифилис был диагностирован у 196 чел., триппер – у 219, иные кожные заболевания – у 149 [\[19, л. 16\]](#). Астраханский венерологический диспансер продемонстрировал выдающуюся активность в проведении культурно-воспитательной работы – в 1929 г. при его участии было организовано 140 лекций на предприятиях и иных местах наибольшего сосредоточения застрахованных работников водного транспорта. Диспансер активно включился в социалистическое соревнование [Там же, л. 19].

Еще одной социальной болезнью, проявившей себя с особенной остротой к середине 1920-х гг., стал алкоголизм на транспорте. В приказе начальника Управления внутренними водными путями Волжского бассейна № 238 от 10 сентября 1926 г. отмечалось: «В последнее время в Управление поступил целый ряд расследований, устанавливающих случаи нетрезвого состояния работников Водопутей при исполнении служебных обязанностей» [\[21, с. 15\]](#). Поскольку реакцией руководства на подобные случаи становились, как правило, предостережения об ответственности за повторное совершение подобных деяний в виде увольнения и предания суду, пагубное явление не поддавалось искоренению. На основании совместного циркуляра народных комиссариатов путей сообщения и юстиции № АХП-5 от 2 декабря 1927 г. «О принятии мер по борьбе с хулиганством на внутренних водных путях» был подготовлен приказ начальника Управления внутренними водными путями Волжского бассейна № 6 от 6 января 1928 г., вводивший возможность принудительного задержания и временной изоляции лиц судовых команд и пассажиров, находившихся в состоянии опьянения и представлявших опасность для других людей. Хулиганов предписывалось помещать в отдельные помещения на судне до прибытия в населенный пункт с последующей передачей дебоширов органам ОГПУ для уголовного преследования [\[22, с. 5-6\]](#). Однако ситуация изменилась лишь к началу 1930-х гг. с введением более жесткого совместного приказа народных комиссариатов путей сообщения и труда № 1989 от 1 января 1931 г., принятого вместо предшествовавшего ему приказа № 1331 от 8 февраля 1930 г. и вменявшего в обязанность начальникам подразделений отстранять от исполнения служебных обязанностей работников в нетрезвом виде с удержанием заработка виновного за время отстранения [\[23, с. 1-2\]](#).

По мере стабилизации ситуации с массовой заболеваемостью социальными болезнями на первый план выходила проблема качества оказания медицинской помощи. Еще 22 сентября 1923 г. на Совещании Транспортного подотдела при Нижегородском Губернском Комитете РКП(б) было отмечено, что лечебная сеть учреждений водного транспорта не могла обеспечить всех пациентов. Последние были вынуждены обращаться за помощью в заведения местных органов здравоохранения, где с них взималась большая плата, но качество помощи сильно варьировалось [\[24, л. 38-38об\]](#). Выход из этой ситуации был найден в административном регулировании и перераспределении финансовых средств: водздравотдел предложил Нижегородскому Губернскому отделу здравоохранения снизить плату путем включения в счет оплаты только себестоимости содержания и лечения больного [Там же]. Подобные инциденты имели место в течении всего исследуемого периода. Только к 1927 г. постепенно жалобы речников на систему организации медицинской помощи сменяются претензиями в адрес конкретных врачей. Бюллетени Волжского транспортного отдела ОГПУ полны такой информацией. Так, в Бюллетени № 1 от 2 января 1927 г. применительно к Казанскому району отмечалось, что лечебное дело в нем поставлено удовлетворительно, но в затонах «Красный волгарь» и «Спасское» зафиксированы случаи недовольства речников в количестве 100 чел. медицинским персоналом в силу того, что местные врачи отказывались принимать пациентов во вне рабочее время и халатно относились к своим больным [\[25, л. 7\]](#). Аналогичные случаи имели место в Нижнем Новгороде, Астрахани и иных местах [\[25, л. 6, 14; 26, л. 5-6\]](#). Партийный и ведомственный контроль способствовали установлению истинного состояния дел в здравоохранении на транспорте.

Окончательный переход от общественного к государственному превалированию в деле преодоления социальных болезней на водном транспорте Волжского бассейна

завершился к концу 1932 г. На IV Съезде врачей р. Волги, проходившем 15–18 декабря 1932 г. с участием более 100 специалистов, был взят курс на централизованный учет пациентов с социальными болезнями, что стало возможным только при увеличении государственного финансирования и массовой подготовке кадров врачей-специалистов. Сформированная к этому времени сеть венерологических учреждений в составе двух диспансеров (Нижегородский и Астраханский) и 14 венерологических пунктов была признана «развернутой полностью», а туберкулезная организация – хотя и имеющей недостатки, но успешно функционирующей [7, с. 24]. Все это предопределило свертывание последних спонтанных общественных акций и переход к планомерной работе по искоренению социальных болезней.

Таким образом, отдел здравоохранения водных путей Волжского бассейна в 1920-е гг., несмотря на острую нехватку материальных и кадровых ресурсов, тяжелые условия послевоенного времени, проделал значительную работу по локализации и искоренению наиболее массовых социальных заболеваний – малярии, туберкулеза, венерических болезней, а также принял активное участие в борьбе с пьянством и алкоголизмом на водном транспорте. Деятельность водздравотдела по преодолению социальных болезней прошла в своем развитии два этапа – общественный и государственный. Условной границей между ними является середина 1920-х гг., когда стала очевидной несостоятельность попыток решения сложнейших социальных вопросов силами общественных организаций. Государственная поддержка позволяла проводить некоторые виды противотуберкулезных и иных мероприятий, но не могла способствовать удержанию общественного внимания на данных вопросах. Только полноценное участие властных органов, учреждений и организаций социального и медицинского характера было способно переломить ситуацию массового распространения социальных болезней. Окончательный переход к данной системе совпал с переориентацией страны на плановое развитие экономики в целом и сферы здравоохранения в частности.

7. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-1246. Оп. 2. Д. 722. 78 л.
8. Положение врачебно-санитарного дела на водных путях Волжского бассейна // Бюллетень Управления внутренними водными путями Волжского бассейна. 1923. № 15–16. С. 9–10.
9. ЦАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 120. 183 л.
10. ЦАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 45. 85 л.
11. ЦАНО. Ф. Р-1246. Оп. 2. Д. 164. 61 л.
12. ЦАНО. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 369. 11 л.
13. О правах органов врачебно-санитарного надзора на транспорте // Бюллетень Управления внутренними водными путями Волжского бассейна. 1923. № 9–10. С. 3–4.
14. ЦАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 70. 10 л.
15. ЦАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 76. 37 л.
16. ЦАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 83. 65 л.
17. ЦАНО. Ф. Р-1246. Оп. 2. Д. 416. 46 л.
18. ЦАНО. Ф. Р-1246. Оп. 2. Д. 692. 27 л.

19. ЦАНО. Ф. Р-1246. Оп. 2. Д. 625. 36 л.

20. ЦАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 84. 51 л.

21. О недопустимости нетрезвого состояния при исполнении служебных обязанностей // Бюллетень Управления внутренними водными путями Волжского бассейна. 1926. № 35–36. С. 15.

22. Приказ начальника Управления внутренними водными путями Волжского бассейна № 6 от 6 января 1928 г. // Бюллетень Управления внутренними водными путями Волжского бассейна. 1928. № 1–2. С. 4–6.

23. Бюллетень Управления внутренними водными путями Волжского бассейна. 1931. № 8. С. 1–2.

24. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3393. 102 л.

25. ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 5239. 103 л.

26. ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 5240. 152 л.

Библиография

1. Шаламов В.А. Зарождение и развитие медицинских учреждений водотранса на территории Восточной Сибири в 1918–1920-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 197–204.
2. Атьков О.Ю. История железнодорожной медицины / О.Ю. Атьков, А.З. Цфасман. М., 2004.
3. Кежутин А.Н. Материалы транспортного делопроизводства как источник изучения трудовых отношений / Документ, источник, текст: горизонты современных исследований: сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2015. – С. 123–126.
4. Кежутин А.Н. Общественные инициативы железнодорожных врачей Российской империи по предотвращению эпидемий холеры в начале XX в. / Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник материалов XII Региональной научно-практической конференции (4 декабря 2014 г.). Выпуск XI / под общ. ред. В.И. Грубова. Арзамас, 2015. С. 243–246.
5. Сорокин О.Н. Вопросы истории железнодорожной медицины / О.Н. Сорокин, С.Д. Кривуля, А.З. Цфасман. М., 2000.
6. Ascher Abraham. Russia: ashorthistory. Oxford, 2017.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объявленная в марте 2020 года Всемирной организацией здравоохранения пандемия новой короновирусной инфекции коренным образом изменила социальную и геополитическую обстановку в мире. И действительно, хотя чума в далёком прошлом или лихорадка Эбола в наши дни получили известность в той или иной степени, однако наши современники вряд ли представляли себе масштаб закрытия границ, карантин, коллапса здравоохранения, который наблюдался в 2020-2021 гг. И сегодня несмотря на открытие границ есть опасность не только возвращения ковида, но и распространения

других инфекционных заболеваний. В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов истории борьбы с инфекционными заболеваниями, в том числе в Советском Союзе.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является участие транспортной медицины в борьбе с социальными болезнями в Поволжье. Автор ставит своими задачами проанализировать деятельность отдела здравоохранения водных путей Волжского бассейна в 1920-е гг., а также выявить в его развитии основные этапы.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать исторические особенности формирования системы здравоохранения на водном транспорте Волжского бассейна в 1920-е гг. Как отмечает автор рецензируемой статьи, «проблема борьбы с социальными болезнями на водных путях сообщения в первые десятилетия советской власти» практически не изучена.

Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 26 различных источников и исследований, что уже само по себе говорит о том объёме подготовительной работы, который проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Центрального архива Нижегородской области и Государственного общественно-политического архива Нижегородской области. Из привлекаемых исследований укажем на труды О.Ю. Атькова, А.Н. Кежутина, В.А. Шаламова, в центре внимания которых различные аспекты истории транспортной медицины в нашей стране. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей транспортной медицины в целом, так и транспортной медициной в Волжском бассейне в 1920-е гг., в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что и сегодня

«многие учебные издания по истории медицины воспроизводят концепцию линейного поступательного развития советского здравоохранения, направленного на изживание недостатков дореволюционного общества». Автор обращает внимание на борьбу с малярией, туберкулёзом, алкоголизмом в рамках транспортной медицины Волжского бассейна. В работе показано, что «деятельность водздравотдела по преодолению социальных болезней прошла в своём развитии два этапа - общественный и государственный, а границей между ними стала середина 1920-

х гг. Именно тогда, как отмечает автор, «стала очевидной несостоятельность попыток решения сложнейших социальных вопросов силами общественных организаций».

Главным выводом статьи является то, что «отдел здравоохранения водных путей Волжского бассейна в 1920-е гг., несмотря на острую нехватку материальных и кадровых ресурсов, тяжелые условия послевоенного времени, проделал значительную работу по локализации и искоренению наиболее массовых социальных заболеваний – малярии, туберкулеза, венерических болезней, а также принял активное участие в борьбе с пьянством и алкоголизмом на водном транспорте».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, насыщена богатым фактологическим материалом, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России и истории медицины, так и в различных спецкурсах.

К статье есть замечание: необходимо перенести сноски 7-26 из непосредственно текста статьи в библиографию.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Англоязычные метаданные

Assessment of Li Hongzhang's foreign policy from the point of view of the modern political system of the People's Republic of China

Ivanov Pavel Aleksandrovich

Lecturer; Department of General History, Philosophy and Cultural Studies; Blagoveshchensk State Pedagogical University

104 Lenin Street, Blagoveshchensk, Amur region, 675004, Russia

✉ ip_27.95@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the foreign policy strategy of Li Hongzhang, one of the most prominent Chinese diplomats and political figures of the late 19th century. The article examines the activities of the influential dignitary of the Qing Empire in order to establish the status of the state in the international arena. Criticism of Li Hongzhang is due to his concessions to foreign powers, so his policy is considered inconsistent with the national interests of the country. Despite this, his actions can be regarded as a manifestation of a realistic approach to international relations, which in many ways anticipated the pragmatic foreign policy of Western states. The author analyzes the process of transformation of China's role in international relations, its transition from a backward and semi-colonial country to a leading power in the region and the world. Particular attention in the text is paid to the characteristics of the country's foreign policy from the end of the 20th century to the present day. The article attempts to rethink the diplomatic work of Li Hongzhang through the prism of modern international relations and the foreign policy strategy of the PRC. The article analyzes his political views and key moments in his career, including his role in concluding unequal treaties that had long-term consequences for China. The final part of the article provides a comparative description of the two foreign policies, and describes the influence of the new political elite of the PRC on the country's changed role today. The comparison between Li Hongzhang's traditional diplomatic methods and the strategies used by the modern political elite of the PRC includes the following criteria: protecting national interests, using "soft power", strategic partnership and a multilateral approach to international relations. Particular attention is paid to the analysis of the legacy in China's emerging initiatives, such as "One Belt, One Road" (including the "Silk Road Economic Belt" and the "21st Century Maritime Silk Road"). Thus, the author of the article emphasizes the importance of studying the historical context and the role of the individual in it for considering the strategies and courses of the country's foreign policy in the future.

Keywords: International relations, Unequal treaties, Modernization, Foreign policy, Imperialism, Qing, CPC, PRC, China, Li Hongzhang

References (transliterated)

1. Savvin E. N. Vzaimootnosheniya Velikobritanii i Kitaya v period pervoi opiumnoi voyny // 10 korpus. 2018. № 4. S. 130-134.
2. Zvartsev I. A. Vtoraya opiumnaya voyna. Tyan'tszin'skii dogovor // Vestnik nauki. 2022. T. 4, № 8(53). S. 54-59.
3. Ivanov P. A. Li Khunchzhan i ego rol' v podavlenii krest'yanskikh vosstanii vtoroi

- poloviny XIX v. / P. A. Ivanov // Chteniya pamyati professora Evgeniya Petrovicha Sychevskogo: sbornik dokladov. Vypusk 24 / otv. red. D. V. Kuznetsov. – Blagoveshchensk: Izdatel'stvo BGPU, 2024. – S. 22-27.
4. Gal'perin M. S. Byurokratiya i politika «samousileniya» v Kitae (1862–1894) / M. S. Gal'perin // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. T. 2, № 3. S. 16-23.
  5. Vostochnoe obozrenie. 1901, No 150 (8 iyulya). Sankt-Peterburg; Irkutsk, 1882–1906.
  6. Arapova E. V. Deyatel'nost' kitaiskogo diplomata Li Khunchzhana / E. V. Arapova // Sfera znaniy: voprosy produktivnogo vzaimodeystviya teorii i praktiki : sbornik nauchnykh trudov. Kazan' : OOO «SitIvent», 2018. S. 15-26.
  7. Tabokhasi Kiesi. Diplomatischeeskaya istoriya Yaponno-kitaiskoi voyny 1894–1895 gg. / Tabokhasi Kiesi. Moskva : Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1956. 608 s.
  8. Zvartsev I. A. Protivostoyanie Kitaya s derzhavami posle «Opiumnykh voyn». Novye konflikty // Vestnik nauki. 2022. T. 4, № 8(53). S. 60-65.
  9. Ermachenko I. S. Osobennosti modernizatsii v Kitae // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika. – 2004. № 2. S. 214-223.
  10. Koval'chuk M. K. Vmeshatel'stvo trekh evropeiskikh derzhav Rossii, Frantsii, Germanii v usloviya Simonoseksskogo dogovora 1895 g.: prichiny i posledstviya // Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 15. S. 49-61.
  11. Filonov A. M. Doroga geopoliticheskikh konfliktov // Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka. 2022. № 1(32). S. 49-58.
  12. Karetina G. S. Nachal'nyi etap modernizatsii Kitaya: otsenki kitaiskikh istorikov // Rossiya i ATR. 2007. № 4. S. 81-90.
  13. Chzhungo tunshi tszyaochen. Tszin'dai tszyuan'. Kurs istorii Kitaya. Tom novoi istorii. Tret'e izdanie / pod red. Tsi Tao, Go Dasuna, Dai An'gana. Izd-vo Shan'dunskogo un-ta. 2005. S. 361-363.
  14. Shi Fulyan. Chzhungo syan'dai chzhenchzhi shi (Sovremennaya politicheskaya istoriya Kitaya). Lyan'yu tushi gunsy, 1932. S. 1-35.
  15. Tarakanova T. S. Vneshnepoliticheskie kontseptsii Kitaiskoi Narodnoi respubliki // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2016. № 3(250). S. 68-73.
  16. Portyakov V. Ya. O nekotorykh osobennostyakh vneshnei politiki Kitaya v 2009-2011 gg. // Problemy Dal'nego Vostoka. 2012. № 2. S. 27-42.
  17. Chzhan Nan'. XIII Vsekitaiskii s"ezd Kommunisticheskoi partii Kitaya // Novosti Kommunisticheskoi partii Kitaya, 2022. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2022/0805/c443712-32495151.html> (data obrashcheniya: 16.04.2024).
  18. Official Publication: Sino-British Joint Declaration on the Question of Hong Kong // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review, 1984. URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1071&context=ilr> (data obrashcheniya: 22.04.2024).
  19. Doklad Tszyan Tszeminya na XVI Vsekitaiskom s"ezde KPK // Kitaiskii informatsionnyi Internettsentr, 2002. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm> (data obrashcheniya: 18.04.2024).
  20. Vmeste sozdam novyi vek mira i protsvetaniya – vystuplenie Predsedatelya Tszyan

Tszeminya v Nemetskom obshchestve vneshnei politiki // Ministerstvo inostrannykh del KNR], 2002. URL:

https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/1209_679096/200204/t200_20410_9334848.shtml (data obrashcheniya: 21.04.2024).

21. Manuilova S. N. Osobennosti sovremennoi politiki Kitaya v Indo-Tikhookeanskom regione (ITR): dis. ... kand. ist. nauk. – Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova, 2023. 264 s.
22. Krasnova V. D. Sovremennaya vneshnyaya politika KNR v kontekste traditsionnykh i global'nykh tsennostei // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika. 2023. № 4. S. 45-54.
23. Vystuplenie Si Tszin'pina na obshchepoliticheskikh debatakh v ramkakh 70-i sessii General'noi Assamblei OON (polnyi tekst) // Agentstvo «Sin'khua», 2015. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (data obrashcheniya: 14.03.2024).
24. Grachikov E. N., Syui Kh. KNR i mezhdunarodnaya sistema: formirovanie sobstvennoi modeli miroustroistva // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2022. T. 17. № 1. S. 7-24.
25. Buyarov D. V. Sovremennyi Kitai na puti peremen (sotsial'no-ekonomicheskoe, politicheskoe i kul'turnoe razvitie strany v poslednei chetverti XX – nachale XXI vv.) / D. V. Buyarov ; Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Moskva : «Rusains», 2019. 160 s.

The policy of Edward IV in the light of English parliamentary legislation

Portnov Aleksandr Aleksandrovich

Postgraduate student; Faculty of History; Lomonosov Moscow State University

31a Stroiteley Ave., Ivanovo, Ivanovo region, 153040, Russia

✉ 12Alex06@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the policy of the first English king from the York dynasty, Edward IV, primarily economic. The problem of its nature is posed in connection with the discussion on the exact definition of the time of England's transition from feudalism to capitalism and from a class-representative monarchy to an absolute one. Special attention is paid to the goals and activities of the administration of Edward IV in organizing the economic life of the kingdom, the influence of foreign policy on key decisions in the domestic sphere, as well as the results of measures taken in the second half of the XV century to overcome the consequences of the Wars of the Roses (1455–1585). The research is based on the materials of the English parliamentary legislation, as the most impartial source of knowledge about the policy of the royal power. The research is based on the principles of historicism and scientific objectivity and is based on the problem-chronological principle. Analytical, comparative historical and dialectical methods are used in the analysis of historical sources. The main conclusions of this study are that the economic situation of England in the 1460s was not critical, but in the face of defeat in the Hundred Years' War and the dynastic conflict, the government of Edward IV decided to carry out economic reforms aimed at raising the welfare of English producers, merchants and the king himself. Edward IV's economic policy was protectionist in nature and was conditioned, among other things, by a foreign policy factor. All

this, coupled with his social transformations, the decrease in the role of parliament and the increase in the powers of the king, which was continued in the absolutism of the Tudors, characterizes him as a monarch of the transition period from the Middle Ages to Modern times, in the economy, in particular, expressed in the transition from feudalism to capitalism.

Keywords: Edward IV, Capitalism, Feudalism, Wars of the Roses, XV century, The Middle Ages, England, History, Yorkies, The Lancasters

References (transliterated)

1. The statutes of the realm : Printed by command of his majesty King George the Third, in pursuance of an address of the House of Commons of Great Britain. From original records and authentic manuscripts. 2 Volumes. – London, Dawsons of Pall Mall, 1810–1825. Reprinted 1963.
2. Braun E.D. Voiny Roz: Istoriya. Mifologiya. Istoriografiya. – M.-SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016.
3. Gutnova E.V. Angliiskoe feodal'noe gosudarstvo v XIV–XV vv. // Srednie veka. 1987. Vyp. 50.
4. Zolotov V.I. Obshchestvo i vlast' v pozdnesrednevekovoi Anglii XV veka. – Bryansk, 2010.
5. Kuznetsov E.V. Nekotorye voprosy ekonomicheskoi politiki korolevskoi vlasti v Anglii 1461–1485. // Srednie veka. – M., 1962. Vyp. 21.
6. Mineeva T.G. Velikaya Khartiya Vol'nostei i zakonodatel'stvo angliiskogo parlamenta pozdnego srednevekov'ya // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2014. № 5. S. 189–192.
7. Ocherki istorii Anglii: Srednie veka i novoe vremya / Pod red. G.R. Levina. – M., 1959.
8. Sorokina T.B. Sever Anglii v «Voine Roz» // Aktual'nyi problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2016, № 8-1. S. 124–126.
9. Ustinov V.G. Voiny Roz. Iorki protiv Lankasterov. – M.: Veche, 2012.
10. Shtokmar V.V. Istoriya Anglii v Srednie veka. – SPb.: Aleteiya, 2005.

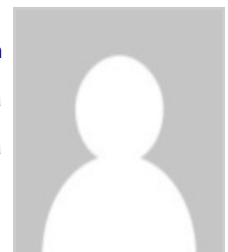
The experience of the development of private museums in Russia in the context of public-private partnership in the 1990s- 2020s.

Kostitsyn Stanislav Sergeevich

Postgraduate student; Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ ofisrudn20144@mail.ru

Abstract. The subject of this research is the state and prospects of development of private museums in Russia in the 1990s–2020s. The object of the study is a public-private partnership (PPP) as a tool for interaction between public authorities and business in the implementation of museum projects. The author examines in detail such aspects of the topic as the main directions of interaction between public authorities and business on the issue of investing in museum facilities, trends in the development of public-private partnership. Special attention is paid to the prospects of its development in the museum sector in terms of the joint implementation of museum projects, their evaluation and selection based on the principle of

effectiveness for the subjects of the Russian Federation. It is emphasized that the model where the state and business interact on equal terms occupies an important place in the understanding of modern social relations. The methodological basis of the research consists of the principles of historicism, scientific objectivity, consistency and complexity, which allow us to explore the experience and current problems of the development of private museums in Russia in the context of public-private partnership as a complex problem, analyzing the factual material in its entirety and interrelationship. The main conclusions of the study are the peculiarities of the development of private museums in Russia in the context of the development of public-private partnership over the past three decades. A special contribution of the authors to the research of the topic is a comprehensive analysis of the prospects for the development of public-private partnership in the Russian museum sector, their generalization and systematization on the principle of the need to take into account in medium-term planning the development of a centralized system for collecting and informing about museum projects at the federal and regional levels; the development of regulatory frameworks that affect not only the development of management decisions to ensure projects, but also the selection of staff to accompany museum projects. The novelty of the research lies in rethinking the conceptual foundations, trends and key areas of development of private museums in Russia in the context of public-private partnership.

Keywords: cultural and educational activities, private initiative, museum project, culture, cultural heritage site, public-private partnership, private museum, museum, social inquiry, public policy

References (transliterated)

1. Faktory smeshannogo finansirovaniya i ESG v infrastrukture/ <https://www.gihub.org/>.
2. Bednyakov A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak model' razvitiya publichnoi infrastruktury // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2021. – № 15 (1). – S. 143–173.
3. Muzei «Mir kamnya» / <https://stonemir.ru/contact-us/>
4. Muzei parfyumerii / <http://parf-muzey.ru/>
5. Barbashina E.A. Rol' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v upravlenii protsessami innovatsionnogo razvitiya ekonomiki Rossii // Voprosy innovatsionnoi ekonomiki. – 2021. – № 1 (11). – С. 119–130.
6. Muzei-usad'ba «Polotnyanyi zavod Goncharovykh»/ <https://zabir.ru/polotnyaniyy/zavod/>
7. Bolee 30 usadeb peredano chastnym investoram v Podmoskov'e po programme l'gotnoi arendy/ <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/bolee-30-usadeb-peredano-chastnym-investoram-v-podmoskove-po-programme-lgotnoy-arendy>.
8. Opredelen proektirovshchik rekonstruktsii voronezhskogo Doma ofitserov/ <https://news.myseldon.com/ru/news/index/210585413>.
9. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sfere kul'tury. Luchshie praktiki proektov sub'ektov Rossii. Minkul't Rossii. – 2016. – 104 s.
10. Soyuz muzeev Rossii/ <https://www.souzmuseum.ru/>.
11. Meleshko E. Biznes gotov investirovat' v sotsial'nuyu infrastrukturu [Elektronnyi resurs] // "Rossiiskaya Biznes-gazeta" – Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo. – 2021. – № 965 (36). Rezhim dostupa: <http://www.rg.ru/2014/09/16/ivesticii.html>.
12. Matvienko V. Kul'tura – matritsa natsii [Elektronnyi resurs] // "Rossiiskaya gazeta". Federal'nyi vypusk No 74 (175). – 2019. Rezhim dostupa: <http://www.rg.ru/2019/12/29/kultura.html>

The formation of the cinematography of Khakassia from 1930 to 1953.

Tuguzhekova Valentina Nikolaevna

Doctor of History

Professor; Department of History, N. F. Katanov Khakass State University

655017, Russia, Republic of Khakassia, Abakan, Kirova str., 102, sq. 63

✉ vtuguzhekova@yandex.ru

Alehin Fedor Vital'evich

Postgraduate student; Institute of History; Katanov KSU

655009, Russia, Republic of Khakassia, Abakan, Komarova str., 7b, sq. 162

✉ super8766@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the development of cinematography in the Khakass Autonomous Region in the period from 1931 to 1953. With the main focus on the material and technical condition of the processes of cinematography. Special attention is paid to film installations and their actual operation, the number of sessions. The analysis of plans and the actual result is carried out. The main problems of the cinematography development in both urban and rural areas are identified. The main source of the research is the archival fund of the State Institution of the Republic of Kazakhstan "National Archive" R-336 "Khakass Regional Directorate of Cinematography" containing plans, reports, personnel data. Newspaper clippings and monographs on related topics were also used. The research is based on the principles of historicism and scientific objectivity and is based on the problem-chronological principle. When analyzing historical sources in this work, the main methods can be called: analytical, comparative, statistical. Within the framework of this study, the course of cinematography in the Khakass Autonomous Region in the period from 1931 to 1953 is considered, namely: material and technical condition, repertoire. The main indicators of the pre-war period, the period of the Great Patriotic War and the post-war period are revealed. The study focuses not only on the actual state of the film-making process in certain years, but also on the main difficulties. The problems of transport and fuel, personnel, accessibility and filling of the film fund, the number of film installations and their maintenance, the construction of cinemas, inflated plans are considered. It should be noted that the researchers studied the problems of Khakass cinema only within the framework of studying more extensive topics. Combining knowledge from disparate sources on this issue will be conducted for the first time.

Keywords: City cinema, Archive, Village, propaganda, Cinema installations, Cinematography, Cinemas, Cinema, WWII, Khakassia

References (transliterated)

1. Dokladnye i otchety o rabote radiokomiteta, kinoseti, muzeya, izb-chitalen, klubov, krasnykh ugolkov // GКУ RKh «Natsional'nyi arkhiv». – F.P-2. – Op.1. – D. 777. – L. 57.
2. Dokladnye i otchety o rabote radiokomiteta, kinoseti, muzeya, izb-chitalen, klubov, krasnykh ugolkov // GКУ RKh «Natsional'nyi arkhiv». – F. P-2. – Op. 1. – D. 777. – L.

58.

3. Otchet o rabote oblastnogo upravleniya kinofikatsii//GKU RKh «Natsional'nyi arkhiv». – F. P-2. – Op. 1. – D. 1157. – L. 19.
4. Otchety o rabote teatrov, kinofikatsii, Beiskoi raionnoi partiinoi shkoly, uchrezhdenii kul'tury // GKU RKh «Natsional'nyi arkhiv». F. P-2. – Op. 1. D. – 1154. – L. 3-4.
5. Otchety o rabote teatrov, kinofikatsii, Beiskoi raionnoi partiinoi shkoly, uchrezhdenii kul'tury // GKU RKh «Natsional'nyi arkhiv». F. P-2. – Op. 1. D. – 1154. – L. 4-5.
6. Protokoly zasedanii byuro obkoma VKP(b) № 1-30 // GKU RKh «Natsional'nyi arkhiv». – F. P-2. – Op.1. – D. 1030. – L. 456-457.
7. Otchety kinoustanovok o rabote za 1942 god i plany raboty na 1943 god // GKU RKh «Natsional'nyi arkhiv». – F. R-336. – Op. 1. – D. 9. – L. 45-47.
8. Plany i smety ekspluatatsionnykh raskhodov // GKU RKh «Natsional'nyi arkhiv». – F. R-336. – Op. 1. – D. 7. – L. 107.
9. Asachakov V.A. Kul'turnoe Stroitel'stvo v Khakasii (1917–1937)/Khakasskoe otdelenie knizhnogo izdatel'stva Abakan 1983. S. 67.
10. Belekemova V. Munge, Arama M. Mongush Stanovlenie i razvitie kinofikatsii v Tuvinskoj Narodnoj respublike // Novye issledovaniya Tuvy. №3 S. 83-100. 2020.
11. Okol'nikova O.I. Razvitie kinofikatsiya v Khakasii po dokumentam GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv" // ADA ChIR-SUU-OTEChESTVO Kraevedcheskii al'manakh. Tom Vypusk 3. Redaktsionnyi sovet: V.F. Burov [i dr.]. Abakan, S.170-173. 2015.
12. Svedeniya o kul'turno-massovoi rabote v oblasti i o pedagogicheskom personale oblasti // GKU RKh «Natsional'nyi arkhiv» F. R-39. – Op. 1. – D. 52. – L. 2.

The formation of the Serbian national idea and its implementation in the political programs of the XIX century

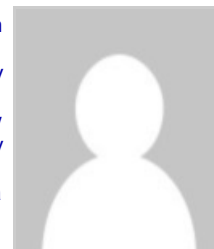
Nikityuk Vladimir Aleksandrovich

PhD in History

Associate Professor; Department of Modern and Contemporary History of Asian and African Countries; Moscow State Pedagogical University

88 Vernadsky str., Moscow, 119571, Russia

✉ vanikityuk@bk.ru

Abstract. The subject of the study is the formation of the Serbian national idea in the 19th century. The object of the study is the national Serbian political programs in the 19th century. Special attention is paid to the activities of the following political figures: Ilia Garashanin, Stoyan Novakovich, Nikola Pasic, Svetozar Markovich and others. The author analyzes the political programs of the XIX century, the activities of parties, as well as official legislation, which reflected the national idea, its development and strengthening. Thus, one of the tasks of the work is to consider the evolution of the Serbian national idea during the 19th century. In addition, special attention is paid to the activities of the Serbian Orthodox Church (SOC), its role in the people's liberation movement of the XIX century, as well as in the formation of national ideology. The writing of this article, the goals and objectives set by the author led to the use of the following research methods: analytical, comparative and typological. In addition, research methods specific to historical science were used – historical-genetic, historical-systemic, retrospective. The scientific novelty of the work is determined by the formulation of a scientific problem; by the involvement of publications (including in a foreign language) published over the past 5 years; by the involvement of historical sources that have

not been translated into Russian. In addition, the author analyzes the activities of the SOC in the article, the history of which is not given enough attention in the scientific Russian literature. The main conclusions of the study are: the Serbian national ideology in the 19th century was formed in the conditions of the people's liberation movement, as well as - partially - under the influence of the Austrian (since 1867 Austro-Hungarian), Russian and Ottoman Empires; influence on the formation of the national idea was exerted not only by state institutions, but also by opposition political parties; The Serbian Orthodox Church, which competed with the state apparatus in the field of ideology, occupies a place in the evolution of the national idea. Thus, during the 19th century, the Serbian national idea was born, formed, and evolved, some aspects of which were not only fixed, but also implemented in domestic and foreign policy.

Keywords: The Draft, Metropolitan Michael, national assembly, Serbian militarism, people's liberation movement, Serbian Orthodox Church, Serbian Radical Party, Nikola Pasic, Ilija Garashanin, Serbia

References (transliterated)

1. Garashanin I. Nachertanie // Nikifirov K. V. «Nachertanie» Ilii Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842–1853 gg. M.: «Indrik», 2015. S. 225-250.
2. Zakon o tserkovnykh vlastyakh Vostochno-Pravoslavnoi Tserkvi v korolevstve Serbii. [Elektronnyi dokument: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Palmov/zakon-o-tserkovnyh-vlastyah-vostochno-pravoslavnoj-tserkvi-v-korolevstve-serbii/#0_1].
3. Lavele E. Balkanskii poluoostrov. Putevye zametki. M.: K.T. Soldatenkov, 1889.
4. Pis'mo I. Garashanina I. Marinovichu tsit. po Karasev A. V. Serbskie natsional'nye programmy i bor'ba za ikh realizatsiyu v 1856–1878 gg. // Na putyakh k Yugoslavii: za i protiv. Ocherki istorii natsional'nykh ideologii yugoslavyanskikh narodov. Konets XVIII – nachalo XX vv. M.: Izdatel'stvo "Indrik", 1997.
5. «Sretenjski» Ustav Knjazestva Srbija, 1835. [Elektronnyi resurs: <http://www.nspm.rs/dokumenti/sretenjski-ustav-knjazestva-srbije.html?alphabet=I>]
6. Nezavisnost srpske tsrkve proglašena 1879. Beograd, 1880.
7. Pisma Jovana Ristiha Filipu Khristihu. Od 1870 do 1873 i od 1877 do 1880. Beograd, 1931.
8. Ustav Краљевине Србије.
9. Danchenko S. I. Razvitie serbskoi gosudarstvennosti i Rossiya. 1878–1903. M.: RAN Institut slavyanovedeniya i balkanistiki. Nauchnyi tsentr obshch斯拉vnyaskikh issledovaniy, 1996.
10. Nikifirov K. V. «Nachertanie» Ilii Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842–1853 gg. M.: «Indrik», 2015. – 258 s.
11. Shemyakin A. L. Ideologiya Nikoly Pashicha. Formirovanie (1868–1891). M.: Indrik, 1998. Monografii na inostrannykh yazykakh.
12. Hajdarpasic E. Whose Bosnia? Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840–1914. London: Cornell University Press, 2015.
13. Ђорђевић D. Ogledi iz novije balkanske istorije. Beograd, 1989.
14. Novaković D. Od Nachertanija o dukhovnim vlastima do Zakona o tsrkvama i verskim zajednitsama // Srpska teologija u dvadesetom veku: istrazhivacki problemi i rezultati књ. 14, 2013.
15. Staniћ M. Kosta Protiћ o Rusima // Meshovita graђ. Beograd, 2003. Књ. XXI.

16. Adashinskaya A. A. Funktsii parnogo kul'ta Simeona i Savy serbskikh: ot afonskogo monashstva do natsional'nykh svyatykh // Evropa svyatykh. Sotsial'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty svyatosti v Srednie veka (pod red. S. A. Yatsyk). SPb.: Alteiya, 2018.
17. Belov M. V. Manifest serbskoi natsional'noi byurokratii (istoriograficheskie zametki o «Nachertanii» I. Garashanina 1844 g.) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 1, 2007. С. 205-211.
18. Danchenko S. I. Razvitie serbskoi gosudarstvennosti i Rossiya. 1878–1903. M.: RAN Institut slavyanovedeniya i balkanistiki. Nauchnyi tsentr obshch斯拉vnyaskikh issledovaniy, 1996.
19. Iskenderov P. A. Berlinskii kongress 1878 g. i ego politicheskie posledstviya dlya Balkan // Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii, 2016.
20. Karasev A. V. Serbskie natsional'nye programmy i bor'ba za ikh realizatsiyu v 1856–1878 gg. // Na putyakh k Yugoslavii: za i protiv. Ocherki istorii natsional'nykh ideologii yugoslavyanskikh narodov. Konets XVIII – nachalo XX vv. M.: Izdatel'stvo "Indrik", 1997. S. 122-135.
21. Karasev A. V. Yugoslavyanskaya ideya vo vneshnepoliticheskikh planakh I. Garashanina // Slavyanskii al'manakh, 2001. S. 129-138.
22. Kulakovskii P. A. Neopublikovannaya stat'ya o partiinoi zhizni v Serbii i vydvinutoi radikalami programme // Russkie o Serbii i serbakh. Tom II (arkhivnye svidetel'stva). M.: «Indrik», 2014.
23. Miloradovich G. Serbskaya ili yugoslavyanskaya programma gosudarstvennogo ob"edineniya: «Nachertanie» Ilii Garashanina i ego traktovka v istoriografii", Istoricheskaya ekspertiza / The historical expertise, № 2(23)/2020, 121-137.
24. Polovchenko K.A. Pervaya konstitutsiya Serbskogo knyazhestva // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal, 2017.
25. Polovchenko K.A. Rol' Konstitutsii 1838 goda v razvitii serbskogo konstitutsionalizma // Sotsial'no-politicheskie nauki, 2017.
26. Shemyakin A. L. «Partiya novogo tipa». Osobennosti serbskogo radikalizma (konets XIX – nachalo XX v.) // Slavyanskii al'manakh, 2003.
27. Shemyakin A. L. osobennosti politicheskogo protsessa v nezavisimoi Serbii (1878–1918): mezhdue «natsional'nym idealom» i «grazhdanskim obshchestvom» // Chelovek na Balkanakh. Osobennosti «novoi» yuzhnoslavyanskoi gosudarstvennosti: Bolgariya, Serbiya, Chernogoriya, Korolevstvo SKhS v 1878–1921 gg. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2016.
28. Krestih P. V. Srpsko-bugarski rat u memoaristitsi // Novovekovne srpske dinastiju u memoaristitsi. Beograd: Istorijski institut, 2007.
29. Kolenko Yu. V. Serbskaya pravoslavnaya tserkov' v 1878–1920-ykh gg.: natsional'naya ideologiya i politicheskaya praktika / Dissertatsiya na soiskanie stepeni k.i. n. M., 2016.

Problematic aspects of the ethno-religious affiliation of Jesus of Nazareth to Jewish Judaism in the context of the "Third Search for the Historical Jesus"

PhD in Philosophy

Independent researcher

690025, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Dzhambula str., 7, sq. 1

✉ mezivan@yandex.ru

Chekrygin Oleg Vsevolodovich

Independent researcher

115419, Russia, Moscow region, Moscow, Serpukhov Val str., 24/1, sq. 34

✉ ochek@bk.ru

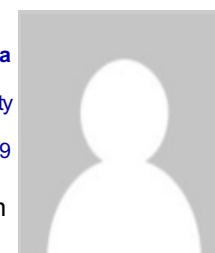

Nadeina Dar'ya Aleksandrovna

Postgraduate student, Department of Philosophy of Science and Technology, St. Petersburg State University

115419, Russia, Moscow region, Moscow, blvd. Walnut, 59, office 89

✉ andeo.me@gmail.com

Abstract. This article analyzes the "third search for the historical Jesus", which is based on the archaeological research of Galilee. This approach opposes arbitrary experiments of historical reconstruction of the personality of Jesus, primarily based on the analysis of the texts of the Bible, some apocrypha and some related documents. The new approach developed with the involvement of the scientific tools of sociology, comparative anthropology and archaeology.

The authors give a brief description of the essence of the "third search", consider references to Galilee in ancient written sources and provide an alternative interpretation of the results of archaeological research in this area. The article analyzes the opinion of the "third-party researchers" about the "substantial regional pluralism of Galilean Judaism." The authors pay special attention to the issue of the religious identity of the Galileans in connection with traditional Jewish beliefs and rituals. Based on the available evidence, the historical dynamics of the ethnoreligious composition of Galilee is traced, starting from the Iron Age, including the periods of Assyrian and Babylonian captivity and the period of Hellenization. The authors pay special attention to the position of Galilee at the end of the I millennium BC. The article calls into question the hypothesis that in the early Roman period Galilee was inhabited by descendants of the Jewish exodus to Galilee under the Hasmoneans. The article shows that Galilee, starting with mentions in 732 BC and before the Birth of Jesus, actually remained under the Jewish rule of the Maccabees only during the reign of Alexander Yannai from 106 to 79, that is, only about a quarter of a century.

The authors analyze the opinion of representatives of the "third search" on the substantial regional pluralism of Galilean Judaism and identify problematic aspects in substantiating the generally accepted statement about the Jewish origin of Jesus and about the ethno-religious affiliation of Jesus to religious Jewry. The article shows that from the archaeological data of excavations in Galilee it does not necessarily follow that its population in the period under review was entirely Jewish.

Keywords: history of Palestine, Hasmoneans, Herod, historical Jesus, Judea, Galilee, Judaism, biblical studies, Judeo-Christianity, early Christianity

References (transliterated)

1. Galileya // *Kratkaya evreiskaya entsiklopediya*. T. 2. 1982. S. 16-20.
2. Zelinskii, F. *Istoriya antichnykh religii*. T. 6. Kn. 2. SPb.: Kvadrivium, 2019. 429 s.
3. Iosif Flavii. *Iudeiskie drevnosti*. Minsk: Belarus', 1994. 558 s.
4. Iokhanan ben Zakkaa'i // *Kratkaya evreiskaya entsiklopediya*. T. 3. 1986. S. 797-799.
5. Makkavei // *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. T. 35. 1896. S. 418-419.
6. Neklyudov, K. V. *Arkheologiya Galilei i «tretii poisk istoricheskogo Iisusa // V sb.: «Sovremennaya bibleistika i Predanie Tserkvi: Materialy VII Mezhdunarodnoi bogoslovskoi konferentsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi»*. M., 2017. S. 199-214.
7. Filon Aleksandriiskii. *O posol'stve k Gayu*. M.: Mosty kul'tury, 2017. 336 s.
8. Khasmonei // *Kratkaya evreiskaya entsiklopediya*. T. 9. 1999. S. 707-714.
9. Alt, A. *Galilaische Probleme. Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel*. Vol. II. Munchen: C.H. Beck, 1953. 492 p.
10. Bauer, W. *Jesus der Galilaer*. Leipzig: G. Wigand, 1941. 245 p.
11. Jensen, N. M. *Herod Antipas in Galilee // The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006. 344 p.
12. Kloppenborg, J.S. *Excavating Q: The History and Setting of the Sayings Gospel*. Minneapolis: Fortress Press 2000. 546 p.
13. Leibner, U. *Settlement and History in Hellenistic, Roman, and Byzantine Galilee*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. 471 p.
14. Meyers, E. M. *Sepphoris, City of Peace // The First Revolt: Archaeology, History, and Ideology*. Routledge, 2002. Pp. 110-120.
15. *Jerusalem Talmud. A Translation and Commentary on CD*. Ed. J. Neusner. 2010.
16. Rawlinson, G. *History of Phoenicia*. London; New York: Longmans, Green, 1889. 583 p.
17. Reed, J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-Examination of the Evidence*. Harrisburg, Penn: Trinity Press International, 2000. 253 p.
18. Wellhausen, J. *Israelitische und judische Geschichte*. Berlin: Reimer, 1897.
19. Zangenberg, J. *Jesus der Galilaer und die Archaologie: Beobachtungen zur Bedeutung der Archaologie für die historische Jesusforschung // Münchener Theologische Zeitschrift*. Vol. 64. No. 2. 2013. Pp. 123-156.

The Main Directions of Agricultural Development of Khakassia in the 1920s – early 1940s.

Shadrin Aleksei Vladimirovich

Postgraduate, Department of History, KhSU named after N.F. Katanov

655017, Russia, Republic of Khakassia, Abakan, Lenin Ave., 90

✉ alexej.shadrin287@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the main directions of development of agriculture in Khakassia in the 1920s – early 1940s on the basis of archival documents and literature. In particular, attention is paid to the dynamics of development and structural changes in the agricultural sector of the region's economy, which during this period were contradictory. There were positive trends: during this period, there was an increase in the average annual gross output

of agricultural production, its material and technical base improved, crop production received a new round of development. But on the other hand, there were some negative aspects: the reduction of livestock due to an ill-conceived economic policy aimed at collectivization, the lack of electrification in agriculture, low grain yields during the first five-year plan. The study of the main directions of the development of agriculture in the country as a whole and Khakassia in particular in the 1920s – early 1940s through the analysis of quantitative and qualitative indicators contributes to the disclosure of controversial problems in domestic and regional history, namely cooperation, collectivization, state farm construction. This will allow us to summarize the historical experience of those years (positive and negative), which can help in overcoming difficulties in Russian agriculture through appropriate conclusions. The relevance of the study of this topic is also due to changes in the theoretical and methodological base in Russian historical science. Currently, this topic can be considered from the standpoint of modernization theory in addition to previous studies, in particular based on the formational approach. Also, the relevance of this topic can be explained by a large number of unpublished historical sources that have not been introduced into scientific circulation.

Keywords: economic policy, structural changes, dynamics of development, Siberia, Khakassia, animal husbandry, crop production, agricultural industry, quantitative indicators, quality indicators

References (transliterated)

1. Rasschitano po: GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 1. L. 2; Tam zhe. D. 29a. L. 5.
2. Statisticheskie dinamicheskie ryady za 1913–1951 gody. S. 109. URL: http://istmat.info/files/uploads/40054/rgae_1562.41.65_statisticheskie_dinamicheskie_ryady_1913-1951.pdf (data obrashcheniya: 25.11.2022).
3. Rasschitano po: GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 1. L. 2.
4. GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 36. L. 170.
5. Ocherki istorii Khakasii sovetskogo perioda. 1917–1961 gg. / pod. red. P.N. Meshalkina. Abakan, 1963. 420 s.
6. Rasschitano po: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. T. VI. Sibirskii krai. Buryato-Mongol'skaya ASSR. M., 1928. S. 230–231; Kyshpanakov V.A. Naselenie Khakasii: 1917–1990-e gg. Abakan, 1995. S. 239; GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 196. L. 20,21; Tam zhe. D. 1. L. 2; Tam zhe. D. 29a. L. 5.
7. GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 29a. L. 190.
8. Ocherki istorii Sovetskoi Khakasii (1917–1991 gg.) / nauch. red. V.N. Tuguzhekova. Abakan, 2019. 252 s.
9. GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 29a. L. 82.
10. GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 20. L. 8.
11. Sostavleno po: GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 1. L. 2.
12. Sostavleno po: GUKh RKKh «Natsional'nyi arkhiv». F. R-169. Op. 1. D. 29a. L. 5
13. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Khakasii (XX – nachalo XXI veka) / otv. red. V.N. Tuguzhekova. Abakan, 2014. 250 s.
14. Rasschitano po: Smerdov I.M. Sel'skoe khozyaistvo Khakasii za 40 let Sovetskoi vlasti // Zapiski Khakas. nauch.-issled. in-t yaz., lit. i istorii. 1958. Vyp. 6. S. 81.
15. Shaposhnikov, G.M. Vekhi stanovleniya i razvitiya agrarnogo sektora Khakasii / G.M. Shaposhnikov, D.V. Dugarzhapova, V.P. Chebodaev // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya.

2013. № 2. S. 291–297.

16. Sostavleno po: GKh RKH «Natsional'nyi arkhiv». F. R-29. Op. 1. D. 20. Ll. 1–4; Ocherki istorii Sovetskoi Khakasii (1917–1991 gg.) / nauch. red. V.N. Tuguzhekova. Abakan, 2019. S. 69.

The place and role of constitutional provisions in the formation of military ideology: the historical experience of Russia.

Baldin Aleksandr Konstantinovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Prospekt Gagarina str., 23

✉ akbaldin@unn.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and legal study of the forms of expression of the concepts of military ideology in the constitutional provisions of the basic laws of the Soviet state and modern Russia. The object of the study is a comparison of ideological approaches related to the perception of war as a socio-political phenomenon by a person, society and the state and the army as the main instrument of its conduct. The subject of the study is the constitutional norms adopted and in force at various stages of the political and legal development of the Russian state. The scientific novelty of the presented work consists in conducting a comparative analysis of the nature of changes in views on the issue of public participation in the organization of armed defense of the state. The author considers the features of the legal regulation of military-ideological attitudes, views and values in various historical conditions. Based on the study of the provisions contained in the texts of the constitutions, the author comes to the conclusion that, regardless of the form and type of the state, foreign policy circumstances, elements of the ideology of the military sphere were reflected to one degree or another in the fundamental legal documents, which indicates their importance in the process of political and legal education of the population and the formation of its normative -the value basis.

Keywords: armed forces, national security, militarism, military sphere, military doctrine, ideological concepts, constitutional foundations, army, military ideology, constitution

References (transliterated)

1. Sun'-Tszy. Iskusstvo voiny / Sun'-Tszy; [per. s angl. M. Mikhailova]. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2020. 160 s.
2. Ol'shevskii V. G. Ideologiya voennoi sfery v sisteme sotsial'no-gumanitarnogo i professional'nogo znaniya // Nauka i sovremennost'. 2011. № 13-2. S. 120-124.
3. Iukov E. A. K voprosu o formirovanii novoi voennoi ideologii v sovremennoi Rossii / E. A. Iukov // Vestnik Voennogo universiteta. 2011. № 4(28). S. 94-97.
4. Timoshev P. M. K probleme formirovaniya voennoi ideologii // Vestnik Voennogo universiteta. 2007. № 3 (11). S. 13-20.
5. Anikeenko G. S. Gosudarstvo diktatury proletariata po Konstitutsii RSFSR 1918 g / G. S. Anikeenko, V. A. Fedorenko, V. G. Balkovaya // Nauka sredi nas. 2018. № 1(5). S. 183-188.

6. Roshchin B. E. Konstitutsiya SSSR 1924 goda: osnovnye polozheniya i osobennosti (k 90-letiyu prinyatiya pervoi Konstitutsii Sovetskogo Soyuza) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2014. T. 20, № 2. S. 189-193.
7. Lazarev S. E. Sootnoshenie norm Konstitutsii SSSR 1936 g. i Konstitutsii RF 1993 g. // Grazhdanin i pravo. 2015. № 7. S. 46-57.

The Islamic Question in the Confessional Policy of the Russian State (the Second Half of the 18th – the First Half of the 19th Centuries)

Bleikh Nadezhda Oskarovna

Professor, Department of Social Work, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov

362025, Russia, respublika Severnaya osetiya-Alaniya, g. Vladikavkaz, ul. Vatutina, 46

✉ nadezhda-blejikh@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the confessional and legal policy of the Russian Empire regarding Muslims during the inclusion of the North Caucasus in the orbit of influence. The thesis is substantiated on how the political events of the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries influenced the state-legal coordination of the confessional strategy developing in the region in the conditions of modernization and wartime.

The scientific novelty is seen in the fact that the role of the socio-legal institutions of Russia is understood in a special way in the work. Despite the abundance of scientific works on this subject, the author, based on both well-known and little-studied archival and documentary materials, presented his vision of the specifics of the theocratic policy of the empire regarding the Muslim highlanders at the specified time.

Based on the review, the author came to the conclusion that the issue of confessional interaction with the mountain peoples of the North Caucasus was initially the focus of attention of the Russian state, which, spreading its influence on the autochthonous population in the national districts, used various means of communication – from "stick" to "carrot", which affected its policy, in which such incompatible concepts as freedom of faith and control over it got along so "successfully". Despite this, the socio-spiritual modernization being developed by the Russian state contributed to the consolidation of the Islamic faith in the mountain environment. But many of the projects of the ongoing reform turned out to be ineffective, and therefore to this day generate controversy not only among Russian politicians, but also foreign political scientists. In this context, this publication can be useful not only for Russian, but also for foreign researchers in developing balanced diplomacy in solving Muslim problems.

Keywords: interethnic dialogue, polyconfessional region, spiritual modernization, confessional policy, Muslim religion, Islamic question, indigenous peoples, North Caucasian region, North Caucasus, Russian state

References (transliterated)

1. Bleikh N.O. Islamskii faktor v konfessional'noi politike Rossiiskoi imperii XIX veka // Politika i Obshchestvo. 2017. № 5. S. 19-26.
2. Bleikh N.O. Problemy konfessional'nogo obrazovaniya musul'man Severnogo Kavkaza (XIX vek) // Pedagogika i prosveshchenie. 2017. № 2. S. 67-74.
3. Vel'yaminov A.A. Pravila dlya upravleniya pokornymi gortsami severnykh pokatostyakh Kavkaza // Istochnik. 2003. № 5. S. 17-18.

4. Dubrovin N.F. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. T. 2. SPb, 1886. 312 s.
5. Zakony ob upravlenii dukhovnykh del magometan // V kn.: Svod zakonov. T. 11. Ch. 1. SPb, 1896. 423 s.
6. Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye akty, opisanie, statistika) / Sostavitel' D.Yu. Arapov. M., 2001. 562 s.
7. Istoriya rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v XVIII–XIX vv. Rostov n/D: Izd-vo SKNTs VSh, 2004. 342 s.
8. Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. F. 526 [Novosil'tsev N.N.] Op. 1. D. 2. L. 1 ob.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1-e. T. 31. № 24307. S. 278-280.
10. Prikhod'ko M.A. Upravlenie delami inostrannykh ispovedanii i gosudarstvennaya sistema v Rossii v pervoi treti XIX veka (istoriko-pravovoi aspekt) // Lex Russica. 2012. № 4. S. 706.
11. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv).-F. 821 [Ministerskaya sistema v Rossiiskoi imperii]. Op. 78. D. 610. L. 4-5.
12. RGIA. F. 1268 [Kavkazskii komitet]. Op. 1. D. 545. Ll. 5-16.
13. Statistika narodonaseleniya Rossiiskoi Federatsii za 2023 g. // Statisticheskii vestnik. № 2. S. 16-21.
14. TsGA RSO-A (Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya). F. 290 [Upravlenie nachal'nika Vladikavkazskogo voennogo okruga]. Soch. 19. D. 2. L. 23-56.
15. Sorkin D. The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. 339 p.
16. Hammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London, 1994. R. 512.

The evolution of the mentality of the military estates in the era of late feudalism

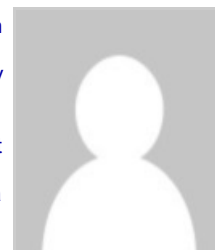
Kutishchev Aleksandr Vasil'evich

PhD in History

Associate Professor, Department of Management in Social and Economic Systems, Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport

66 Kolmogorova str., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620000, Russia

✉ akutishev@usurt.ru

Abstract. The subject of the study is the moral and psychological readiness of the Western European and Russian nobility for war and military service. The Western European military estate is regarded as the successor of medieval chivalry, which inherited its high moral and combat values. In the XVI – XVIII centuries, faced with the threat of ruin, it was forced to link its fate more closely with the army. Relying on the testimonies of contemporaries, the author argues that military service and war gradually became the main sources of a decent existence, while peaceful conditions brought the nobility need and stagnation. The economic situation in Eastern Europe was different. The local serf economy provided the Russian nobleman with modest but stable prosperity. Conversely, military service distracted the landowner from farming and undermined his well-being.

Relying on the comparative – analytical method, the author provides a comparison of the

mentality of the domestic and Western European military estates. Chronologically, the article covers the period of late feudalism. The scientific novelty lies in the identification of general and special moral and psychological qualities in the portrait of the military estates, as well as in their differentiation in relation to the main type of activity, to war and military affairs. The moral and combat qualities of military estates are studied in the process of evolution under the influence of cultural and civilizational factors of the epoch.

The author concludes that military service and war were the main sources of existence of the Western European nobility, while peaceful conditions brought him only need and stagnation. Cultural and civilizational specifics determined the disposition of the Western European nobility to war and military service, formed in it the corresponding moral and combat qualities. The Moscow military estate was burdened by the service and perceived it as a heavy burden. Peter the Great made an attempt to inspire "serving people" with Western European moral and martial values, which only partially displaced traditional views and ideas. The moral antipathy to military service developed over the centuries, as well as the rejection of war, became the main mental feature that distinguished the Russian military estate from the natural militancy of the Western European nobility.

Keywords: chivalric code, duty, glory, courage, moral qualities, European nobility, mentality, service people, Military estates, Orthodox values

References (transliterated)

1. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoi kul'tury*. M.: Iskusstvo, 1984.
2. Elias N. *Pridvornoe obshchestvo*. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002.
3. Smith J. M. *The Culture of Merit, Nobility, Royal service and making of Absolute Monarchy in France, 1600–1789*. The University of Michigan Press, 1996.
4. Babeau A. *La vie militaire sous l'ancien regime / en 2 vol.* – Paris: Elibron Classics, 2005. Vol. II.
5. Bouillé F.-C.-A. *Mémoires du marquis de Bouillé*. Paris: Firmin-Didot, 1859.
6. Dewald J. *The European Nobility 1400–1800*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
7. Hamburg G. M. *Noblesse, état et société en Russie XVI – début du XIX-e siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1993. Vol. 34, № 1/2, pp. 11–31.
8. Linn J. A. *Battle. A History of Combat and Culture*. New York: Basic Book, 2003.
9. Tallet F. *War and Society in Early – Modern Europe, 1495–1715*. London: Routledge 11. New Fetter Lane, 1992.
10. Corvisier A. *Armies and Societies in Europe 1494–1789*. Bloomington and London: Indiana University Press, 1976.
11. Corvisier A. *Louvois*. Paris: Fayard, 1983.
12. Childs J. *Armies and warfare in Europe 1648–1789*. Manchester: Manchester University Press, 1982.
13. Tuetey L. *Les Officiers sous l'ancien regime. Nobles et roturiers*. Paris: Librairie Plon. Plon-Nourrit et Cie, Imprimeurs-Editeurs 8, 1908.
14. Gordon P. *Dnevnik 1659–1667 gg*. M.: Nauka, 2003.
15. *The Chronicles of an old Campaigner M. De la Colonie 1692–1717*. London: John Murray Albemarle Street, 1904.
16. Saint Simon. *Mémoires*. A. de Boislisle ed. / en 45 vol. Paris: Hachette et Cie, 1879–1930. Vol. I. 1879.

17. Vauban sa famille et se écrit / Ed. by A. R. de Aiglun. Paris: Firmin-Didot, 1910.
18. Rousset C. Histoire de Louvois / en 4 vol. Paris: Libraire academique Didier Perrin et Cie Libraires editeurs 35, 1862. Vol. 1.
19. Englund P. Poltava: Rasskaz o gibeli odnoi armii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995. 286 s.
20. Ustryalov N. I. Istoriya Petra Velikogo / v 8 tomakh. SPb.: Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kantselyarii, 1858–1863. T. I. 1858.
21. Pososhkov I. T. O ratnom povedenii // Kniga o skudnosti i bogatstve i drugie sochineniya. M., 1951.
22. Gordon P. Dnevnik 1684–1689 gg. M.: Nauka, 2009.
23. Zapiski o Petre Velikom i ego tsarstvovanii Braunshveigskogo rezidenta Vebera / Pod red. P. P. Barsova // Russkii arkhiv. M., 1872. № 6. S. 1057–1168.
24. Abolenskii I. Moskovskoe gosudarstvo pri tsare Aleksee Mikhailoviche i patriarkhe Nikone po zapiskam arkhid'yakona Pavla Aleppskogo. Kiev: Tip. S. T. Eremeeva, 1876.
25. Karamzin N.M. Predaniya vekov. M.: Pravda, 1988.
26. Korb I. G. Dnevnik puteshestviya v Moskoviyu. SPb.: Izdanie A. S. Suvorina, 1906.
27. Sochinenie Ivana Semenovicha Peresvetova. Bol'shaya chelobitnaya. Pamyatniki literatury Drevnei Rusi Konets XV – pervaya polovina XVI vekov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1984.
28. Presnyakov A.E. Rossiiskie samoderzhtsy. M.: Kniga, 1990.
29. Gordon A.V. Mentalitet i agramoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). // Khozyaistvovanie na zemle – osnova krest'yanskogo mirovospriyatiya. – M.: Nauka, 1996.
30. Mecklenburg army in March 1719 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://rusmilhist.blogspot.com/2014/06/mecklenburg-army-in-march-1719.html> (data obrashcheniya 26.02.2022).
31. Zapiski A. T. Bolotova, napisannykh samim im dlya svoikh potomkov [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=285315&> (data obrashcheniya 26.02.2022).
32. Solov'ev S.M. Sochineniya: v 18 knigakh. M.: Mysl', 1994. Kn. XIII.
33. Beskrovnyi L.G. Russkaya armiya i flot v XVIII veke. M.: Voennoe izdatel'stvo MO SSSR, 1958.

Transport workers of the Volga region vs social diseases: the experience of the 1920s.

Kezhutin Andrei Nikolaevich

Doctor of History

Doctor of Science in History, Associate Professor of Social Science and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Privolzhsky Research Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Mnin and Pozharsky pl., 10/1

✉ kezhutin@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is the conditions and features of the formation of the health care system and the fight against social diseases on the water transport of the Volga River basin in connection with the process of transition of the country to the realities of peacetime after the end of the Civil War. The relevance of the study is due to the insufficient

development of this topic in historiography, as well as the reform of the healthcare sector at the present time. The author considers the activities of the medical and sanitary parts of the water transport health departments to combat alcoholism, venereal diseases, tuberculosis and malaria in the aspects of the organization of medical care, health education and the reorganization of the management of this area. The source base is the materials of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region and the State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod region. The author identifies the main features of the creation of a new system for ensuring the health of water workers in one of the most important transport hubs of central Russia. Data on the projects of reforming the health care system in water transport and the practice of their application are being introduced into scientific circulation. The main stages of the activity of the Volga District Health Department of the Volga Basin Inland Waterways Management are highlighted, the chronology and features of power-public interaction in the eradication of social diseases are clarified. The conclusion is made about the need for permanent public participation in solving medical and social problems.

Keywords: reform, the public, alcoholism, malaria, tuberculosis, venereal diseases, Volga river basin, social diseases, river transport, doctors

References (transliterated)

1. Shalamov V.A. Zarozhdenie i razvitie meditsinskikh uchrezhdenii vodotransa na territorii Vostochnoi Sibiri v 1918–1920-kh gg. // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2018. № 3 (19). S. 197–204.
2. At'kov O.Yu. Istoriya zheleznodorozhnoi meditsiny / O.Yu. At'kov, A.Z. Tsfasman. M., 2004.
3. Kezhutin A.N. Materialy transportnogo deloproizvodstva kak istochnik izucheniya trudovykh otnoshenii / Dokument, istochnik, tekst: gorizonty sovremennykh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov. Nizhnii Novgorod, 2015. – S. 123–126.
4. Kezhutin A.N. Obshchestvennye initsiativy zheleznodorozhnykh vrachei Rossiiskoi imperii po predotvrashcheniyu epidemii kholery v nachale KhKh v. / Voprosy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya v vysshei shkole. Sbornik materialov XII Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (4 dekabrya 2014 g.). Vypusk XI / pod obshch. red. V.I. Grubova. Arzamas, 2015. S. 243–246.
5. Sorokin O.N. Voprosy istorii zheleznodorozhnoi meditsiny / O.N. Sorokin, S.D. Krivulya, A.Z. Tsfasman. M., 2000.
6. Ascher Abraham. Russia: ashorthistory. Oxford, 2017.